

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил
МИХЕЕВ

Михаил МИХЕЕВ

ИДУЩИЕ
НА СМЕРТЬ

ИДУЩИЕ НА СМЕРТЬ

Корабль заправлен, скафандр надет. Вперед!

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Цикл Михаила Михеева

**ОФИЦЕРЫ ВЕЛИКОЙ
ИМПЕРИИ**

Space Quest

Идущие на смерть

Михаил МИХЕЕВ

**ИДУЩИЕ
НА СМЕРТЬ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
M69

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 146

Оформление обложки Айрата Асямова

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Михеев, Михаил Александрович

M69 Идущие на смерть: роман / Михаил Михеев. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ле-
нинград», 2018. — 352 с. — (Современный фантасти-
ческий боевик).

ISBN 978-5-17-108332-8

Когда на планету в испанском секторе космоса нападает
неведомый враг, находятся те, кто будет сражаться до конца,
чтобы его остановить. Находятся и те, кто готов прогнуться
перед кем угодно, чтобы сохранить жизнь. А еще есть люди,
которые живут по соседству и не боятся никакого врага,
потому что за их спиной великая империя. Однако, чтобы
быть противостоять угрозе, надо знать, откуда она исходит...

Командир малого рейдера старший лейтенант Костин
получает задание исследовать захваченную систему и по-
нять, кто посмел бросить вызов человечеству. Это сложно
и опасно, однако для русского офицера есть слова «приказ»
и «честь», но нет слова «невозможно». И если потребуется,
то ради своей Родины он будет сражаться и в космосе, и на
Земле. Особенно если рядом окажутся те, кому можно до-
верить спину.

Итак, корабль заправлен, скафандр надет. Вперед!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Михаил Михеев, 2018

ISBN 978-5-17-108332-8

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Мы к планете приближались, нас ловили на прицел.
А в наушниках смеялись: «Улетай, покуда цел!»
Но насмешки не спасают, есть приказ, проложен курс...
А исход войны решает человеческий ресурс.

Алькор. Рейд

Испанский сектор. Планета Малая Севилья

Тяжелый крейсер «Конкистадор» дрейфовал на орбите планеты Малая Севилья уже больше трех лет. Для боевого корабля, чье призвание — бороздить просторы космоса, такое времяпровождение обычно несвойственно, но у каждого своя удача. Конкретно этому крейсеру не повезло.

Пятнадцать лет назад «Конкистадор» сошел со стапелей Королевских верфей Нового Мадрида и должен был стать родоначальником целой серии кораблей. Их Испания планировала строить и для себя, и, с некоторыми изменениями, на экспорт, но вмешалась специфика менталитета. Испанцы всегда славились неважным качеством работы, высокими ценами и медлительностью. Инженеры у них были неплохие, но, увы, коррупция разъедала страну даже страшнее, чем дурацкие европейские законы, расплодившиеся сверх всякой меры, и это обстоятельство вынесло кораблю приговор. Кто-то в верхах посчитал деньги, стукнул кулаком по столу и просто закупил у Альянса десяток аналогичных кораблей, что вышло в полтора раза дешевле и впятеро быстрее.

«Конкистадор» оказался единственным кораблем серии, и это предрешило его судьбу. Значительная часть оборудования являлась уникальной, и то, что годилось для серии, абсолютно не подходило

одиночному крейсеру. Если каждая форсунка дается по спецзаказу, то содержать его становится чересчур дорого. Золотой корабль получается. Несудивительно, что, когда его двигатели выработали первичный ресурс, то вместо капитального ремонта и модернизации крейсер перенесли на орбиту периферийной планеты и подвесили здесь в качестве орбитальной крепости.

Получилось так себе, все же крейсер, пускай и тяжелый, в качестве стационарного узла обороны не самая подходящая платформа, однако в тот момент всех это устроило. Военных потому, что они избавились от лишней головной боли, правительство — из-за экономии, а администрация планеты радовалась, что получила хоть какое-то прикрытие, способное держать на расстоянии безмерно расплодившихся и обнаглевших пиратов. Строительство нормальной крепости началось бы не раньше чем через пять лет, и возиться с ним будут неизвестно сколько, а тут корабль хоть и не самый мощный, но для пиратов смертельно опасный. Учитывая, что они моментально перестали появляться в окрестностях Малой Севильи, решение оказалось вполне жизнеспособным. Конечно, изначально такой расклад считался временной мерой, вот только временное — оно самое постоянное, и это справедливо не только для известных своим пофигизмом русских, но и для всех остальных.

Сейчас в рубке «Конкистадора» горел мягкий, приглушенный свет, создающий почти интимную атмосферу. На вахте находился только второй штурман, лейтенант Мартинес. Это, конечно, нарушение устава, в рубке постоянно должны присутствовать как минимум трое офицеров, но, во-первых, корабль был не в походе, во-вторых, с дисциплиной у испанцев

дело вообще обстояло паршивенько, а в-третьих, все расслабились за время несения необременительной охранной службы. Часть экипажа и вовсе пребывала на планете, благо кто-то завел здесь любовницу, а кто-то и жениться успел. Для местных, конечно, предпочтительнее был второй вариант, но и первый выглядел приемлемо — рождаемость на заселенной менее полувека назад планете оказалась низкая, чего-то на ней людям, несмотря на хороший климат, не хватало, и ученые никак не могли понять, почему. Вдобавок, на каждого родившегося мальчика приходилось три-четыре девочки, что создавало изрядные проблемы, а полигамию церковь традиционно не одобряла. Вот и радовались местные барышни заезжим молодцам.

Командир крейсера аккуратно открыл дверь, неслышным шагом вошел в рубку. Ну да, так и есть, видны только босые ноги, вопреки правилам приличия расположившиеся прямо на пульте. Пускай сейчас панель управления заблокирована, это дела не меняет. Нельзя, и все тут, устав не для того написан, чтобы на него плевать.

Еще капитану второго ранга Мигелю Карраско были видны не по уставу длинные каштановые волосы, отпущеные чуть не до плеч, и планшет, судя по всему, с какой-то сентиментальной книгой. Любовь Мартинес к подобной литературе уже давно стала поводом для беззлобных смешков. Конечно, читать на вахте не по уставу, но, с другой стороны, чем еще заниматься-то? Все равно корабль с орбиты никуда не денется, контроль пространства ведется автоматически, а вахтенный офицер находится в рубке, скорее, по традиции. Ну и так, на всякий случай — все же автоматика, сколь бы она ни была совершенна, может иной раз подкинуть сюрприз.

— Кхе-кхе, — капитан деликатно кашлянул в кулак.

— Ой!

Скорость, которую придали лейтенанту эти нехитрые звуки, вызвала на лице Карраско улыбку. Ее он, правда, тут же спрятал — нечего показывать подчиненным, что ты готов смотреть на их нарушения сквозь пальцы. Вместо улыбки опустив ставшую за годы службы привычной маску бесстрастности, он наблюдал, как лейтенант выбирается из кресла и вытягивается в струнку. А когда это нехитрое действие закончилось, одними губами произнес:

— Ботинки.

Лицо лейтенанта стало красным настолько, что капитан даже испугался пожара. Стараясь не рассмеяться, он спросил:

— Все в порядке?

— Т-так точно, — голос лейтенанта дрожал.

— Ну, тогда спокойной вахты, — и капитан вышел из рубки.

Рассмеяться он себе позволил, только закрывшись в собственной каюте. Нет, вот бы никогда не подумал, что дойдет до такого. А ведь вначале все было вроде бы нормально, тем более, Каталина, только появившись на корабле, произвела совсем иное впечатление. Ну да, лейтенант Мартинес была женщиной, точнее, девушкой двадцати трех лет от роду и отъявленной феминисткой, вбившей в голову, что она не то что не хуже — круче мужчин. И на основании этой дурацкой идеи подавшей заявление в военное училище.

Нет, женщины в испанском флоте, конечно, встречались, но, как правило, во вспомогательных подразделениях. В офицерские училища Королевского военно-космического флота их все же старались

не братъ. Но Каталина, будучи девушкой упорной и математическими талантами не обделенной, смогла поступить благодаря выделяемой согласно законам Европейской Ассоциации квоте и каким-то образом не отсаялась за годы учебы. А когда она полгода назад училище закончила, возник закономерный вопрос, что же с ней делать. Определить при штабе каком-нибудь — так она на штурмана училась и требует службу в соответствии с военно-учетной специальностью, а посыпать на боевой корабль... В общем, штабные гении тихо сходили с ума, пока какая-то светлая голова не родила идею, и строптивого лейтенанта спихнули на «Конкистадор». А что, на корабле один-единственный штурман — сам Карраско, и то, что крейсер висит на орбите без шансов с нее уйти, никого не волнует. Есть должность в штатном расписании — получите.

На новом месте лейтенант вначале пыталась задирать нос, но очень скоро выяснилось, что, во-первых, здесь все не только старше ее по возрасту, но превосходят и опытом. Любой матрос знал о космосе больше Каталины, так что ее потуги выглядели смешно. Во-вторых же, оказалось вдруг, что сколько ни ходи в спортзал, таких бицепсов, как у мужчин, все равно не накачаешь. И, в довершение всего, девчонка без памяти втюрилась в своего командира, обремененного, кстати, женой и тремя детьми, ждущими его на Севилье Дальней. Как считала Каталина, влюблена она была тайно, что при ее неопытности выглядело даже простительно. В результате сложилась ситуация, вызывающая у Карраско озабоченность пополам со смехом, у девушки томные вздохи и, периодически, слезы, а всей остальной команде дающая возможность позубоскалить втихую над ситуациями, подобными той, что случилась сегодня.

Отсмеявшись, Карраско открыл шкаф, извлек бутылку хереса и бокал. Конечно, в полете вроде бы и нельзя, но все и всегда нарушают, здесь же, когда главный враг дикая скука, и вовсе сам Бог велел наплевать на такие мелочи. Пригубил, покатал в рту... А может, ну его? Все равно же, когда спускается на планету, в маленьких мужских удовольствиях он себе не отказывает. Наплевать на все, пригласить Каталину — ручаться можно, придет с радостью. Мысль показалась настолько соблазнительной, что отогнать ее стоило немалых трудов и получилось только благодаря целому списку проблем, которые могли возникнуть. Примеров из жизни, кстати, хватало, хотя и примеров обратного тоже. Вот только не успел он допить бокал, как ожила громкая связь.

— Капитана просят прийти в рубку!

Ну, вот и она, легка на помине, безо всякого раздражения подумал Карраско, опрокинул в рот остатки вина и быстрым шагом вышел из каюты. Если после случившегося сегодня Мартинес его вызвала, да еще и через считанные минуты, значит, ситуация и впрямь требует его вмешательства. Быстрым шагом преодолев отделяющее его от рубки расстояние, всего-то двадцать метров, он вошел внутрь и с удивлением обнаружил, что здесь уже собрались все, кому положено и не положено.

Помимо Каталины, на сей раз не только в ботинках, но и с собранными в хвост, чтобы не мешали, волосами, в рубке обнаружились старший артиллерист и его помощник, второй пилот, двое механиков и даже командир десантной группы. Словом, весь офицерский состав крейсера, который сейчас находился на борту, а не прохлаждался на планете. Обернулись на

него — и снова уставились в свои экраны. Значит, и впрямь что-то не так, раз на устав забили вовсе. Карраско подошел к своему месту, щелкнул кнопкой, включая экран... Оба-на, приплыли!

Информация с радаров дальнего обнаружения шла широкой рекой, и командир корабля хорошо видел, как из гипера один за другим выходят корабли. Некоторые компьютер корабля опознавал, другие, и их оказалось большинство, нет, но массогабаритные характеристики можно было оценить достаточно четко. Две волны: первая — легкие корабли, от корвета до легкого крейсера, вторая — транспорты, причем здоровенные. Классическое вторжение, только почему-то штурмовых кораблей не наблюдается. Хотя, если учесть, что планетарная оборона у Малой Севильи отсутствует, как класс, а орбитальная представлена их крейсером, то хватит и этих. Собравшись толпой, заклевать можно кого угодно.

— Боевая тревога, — совершенно ровным, спокойным голосом сказал Карраско и, прищурив глаза, будто это могло ему помочь, всмотрелся в бегущие по экрану символы. Те корабли, которые компьютер опознавал, ничего не говорили — барабахло, древность. На вторичном рынке такие продаются и перепродаются не раз, причем кому угодно, лишь бы купили. Потому, небось, большинство и не опознавались — их часто модернизируют, совершенно бессистемно и по-рой варварски. Он как-то раз сам лично наблюдал гибрид из двух эсминцев. Один разрезали пополам и приварили ко второму, получив корпус двойной длины. Ни к чему хорошему из-за нарушения силовых каркасов это, разумеется, не привело, но пример весьма показательный, так что встретить здесь и сейчас можно любую пакость.

— Что они делают! — выдохнул пилот, буквально расплющивший нос о свой экран. — Их же сейчас...

Договорить он не успел. Один из кораблей, только-только появившийся на экране, внезапно замерцал и исчез в гравитационной воронке. Все правильно. Выход слишком близко от звезды, то есть массивного объекта, весьма опасен. Гравитация нарушает структуру канала гиперперехода, и неосторожный капитан рискует оказаться размазанным по космосу вместе со своим кораблем. Но зато, в случае удачного выхода, можно оказаться близко к цели и идти к ней не много часов, а считанные минуты. Те, кто вломился в систему Малой Севильи, прекрасно это понимали и сознательно шли на риск. Кто бы это ни был, в храбрости им отказать нельзя.

— Лейтенант Мартинес, передайте стандартный запрос. Не ответят, конечно, но формальности соблюдать стоит. Что рты разинули? По местам. Похоже, сейчас мы будем драться.

Половину народа будто ветром сдуло. Все правильно, драка будет знатная. Кто бы ни атаковал Малую Севилью, мимо крейсера ему не пройти. «Конкистадор» хоть и не самый современный корабль испанского флота, но вполне способен снести и десантные модули, и неуклюжие транспорты, которые их выпускают. А раз так, самым логичным действием является вначале подавить его артиллерию, а затем взять на абордаж или расстрелять. На месте противника Карраско выбрал бы первый вариант. Крейсер на вторичном рынке запросто не купишь, и для врага, кем бы он ни был, такой корабль — ценный приз. Хотя всякое может случиться, тут не угадаешь.

На запрос чужие корабли предсказуемо не ответили, зато начали очень сноровисто перестраиваться

в атакующий ордер. К этой минуте число погибших в момент выхода достигло шести кораблей, но в системе уже находилось вдвадцатеро больше. Карраско вздохнул. Обидно, ведь еще есть шансы уйти. Выработавшие ресурса двигатели — это далеко не обязательно неисправные, просто они могут выйти из строя. А могут и не выйти. С учетом того, что производители всегда перестраховываются и закладывают сверхнормативный запас прочности, «Конкистадор» еще вполне может рвануть отсюда прочь.

Попади в такую ситуацию вояки Альянса, они, можно не сомневаться, так и поступили бы. В практически безнадежный бой, когда шансов выжить убегающие мало, их калачом не заманишь. Нет, среди них есть герои, есть реально готовые сражаться и умирать солдаты, но большая часть армии Альянса давно уже превратилась в сброд, где белый сахиб-офицер командует неграми, малайцами и прочими латиносами. Такие больше заинтересованы в спасении собственной шкуры, чем в защите других людей.

В Европейской Ассоциации дело обстояло несколько иначе. Все же, несмотря на века толерантности, уже давно заставляющие многие страны балансировать на самой кромке существования, когда-то все они создавались в бою, через кровь и боль. Соответственно, и военные традиции у них были иными, нежели в Альянсе, и понятие о чести, хотя этот вопрос и не принято было поднимать в считающемся приличным обществе, никуда не делось. Если бы их, в соответствии с дурацкими правилами Европейской Ассоциации, послали охранять колонию, например, Люксембурга или Литвы, еще можно было бы поискать варианты, но «Конкистадор» защищал испанскую планету. Поэтому перед Карраско

вопрос, что он предпочтет, жизнь или честь, даже не стоял.

— Эй, в машинном! — он надеялся, что голос звучит бесстрастно. — В машинном! Вы что там, спите?

— Слушаю, слушаю, — раздался в ответ чуть сварливый голос. — И не надо так орать.

Старший механик крейсера, капитан третьего ранга Гонсалес, не имел с рождения солидного счета в банке, влиятельных родственников и прочих атрибутов успешного человека. Начинал с низов и чин свой выслужил благодаря таланту и трудолюбию. Лучшего механика сложно было и желать, хотя, как и многие сделавшие себя сами, Гонсалес имел преувеличеннное мнение о своей персоне. Впрочем, с этим можно было мириться, и Карраско привычно пропустил его слова мимо ушей.

— Какую мощность можете выдать?

— Я всегда могу гарантировать сто процентов.

И чуть-чуть больше, если ненадолго.

— Долго мы и не проживем, — почти неслышно пробормотал себе под нос командир, а вслух сказал: — Благодарю. Постарайтесь выжать все, что сможете, — и, повернувшись к пилоту, уже гоняющему в тестовом режиме свои приборы, приказал: — Мигель, как только скомандую, атакуешь транспорты.

— Но...

— Никаких «но». Все равно нас задавят. А так, если успеем проредить эти шаланды, то облегчим жизнь тем, кто внизу. Поэтому прорываемся, сразу они защиту не пробьют, и бьем по транспортам. Ясно?

— Так точно.

— Ну и замечательно.

— Командир...

— Чего тебе, Каталина?

Щеки у девушки вспыхнули. С чего это? Ах, да, он в первый раз назвал ее на ты и по имени. Но справилась с эмоциями, похвально, обстановка романтике не способствует.

- Но разве внизу есть армия?
- Нет. Только наши отпускники и местная полиция, она же таможня. Всего около полутора тысяч стволов, а что?
- Они же не смогут остановить девант!
- Зато они уже сейчас организуют местных. Это фронтон, девочка, здесь у каждого уважающего себя мужчины дома небольшой арсенал, да и многие женщины смогут достать из-под кровати что-то посущественнее скалки. А два миллиона стволов — это уже немало. Я ответил на вопрос?
- Да...
- Ну, тогда зайди место согласно боевому расписанию и не путайся под ногами. Канониры, не спим. Вперед!

Момент оказался крайне удачным. Противник еще не закончил построение, но был к этому максимально близок. В такой ситуации корабли не только не могут действовать слаженно, но и начинают серьезно мешать друг другу. Неудивительно, что крейсер, разгоняясь намного быстрее, чем от такой громадины можно было ожидать, прошел сквозь строй вражеских кораблей не хуже раскаленной иглы, брошенной в масло.

Вспыхнул и замерцал силовой кокон, били по «Конкистадору» из всего, что могло стрелять, но особого толку в этом не было. Сосредоточенный залп эскадры погасил бы поле без особых проблем, благо по суммарной мощи превосходил испанский корабль как минимум впятеро, но разрозненные

выстрелы, несмотря на частоту попаданий, растянули энергетический шквал во времени. Неудивительно, что защита ни разу не нагружилась свыше восьмидесяти процентов, что было неприятно, но далеко не смертельно.

Канониры испанского крейсера оказались несколько удачливее. В момент прорыва корабль успел дать всего два залпа, и оба они достигли цели. Первую, к сожалению, выбрали не совсем достойную столь полноценного внимания. Корвет, правда, судя по данным сканера, почти новый, но все равно мелочь. Его разнесло в мелкую пыль, и экипаж корабля даже не успел почувствовать, что умер. Зато второй клиент оказался куда солиднее. Старый, но капитально модернизированный эсминец, закутавшийся в усиленный защитный кокон. Разваливался на куски он эффектно, не хуже, чем в каком-нибудь пошлом боевике. Со вспышками, вырывающимися из разрушенных отсеков воздушными, а порой и огненными фонтанами, раскидывая во все стороны обломки. Краем сознания Карраско отметил, что запись всего происходящего ведется, и, если удастся каким-то чудом выбраться отсюда, то только на этом эпизоде можно сказочно озолотиться. Если, конечно, знать, кому толкнуть информацию.

Однако в этот момент время для размышлений резко закончилось, потому что крейсер, прорвавшись сквозь на глазах рассыпающееся построение врага, буквально врезался в сгрудившиеся беспорядочной кучей транспортные корабли. Следующие несколько минут «Конкистадор» демонстрировал то, для чего он некогда создавался. За то короткое время, которое потребовался боевым кораблям противника, чтобы развернуться, крейсер выбил не менее половины

транспортов. Более всего это напоминало действия угодившего в овчарню волка, который, обезумев от крови, режет всех подряд. Будь у Карраско еще хотя бы пять минут — и он просто сжег бы вражеский десант вместе с их кораблями полностью. Увы, этих несчастных минут ему никто не дал.

Боевые корабли противника развернулись чуть быстрее, чем ожидалось, и залп их был удачен. Конечно, полностью синхронизировать его они не смогли, но и того, что получилось, хватило для пробоя. И все бы ничего, но основной удар пришелся в самое уязвимое место любого корабля — корму, напротив силовой установки, и это разом решило исход боя.

Взрыв в пустоте выглядит совсем иначе, чем в атмосфере. Иначе — но не менее красочно. Во всяком случае, раскаленные обломки гигантских чащ-отражателей улетели прочь эффектно. Корабль со-дрогнулся от носа до кормы и начал разворачиваться вокруг собственной оси, теряя управление. Именно в тот момент Карраско понял, что им конец.

Но прежде, чем врагу удалось справиться с испанским крейсером, он еще успел попортить им кровь. Лишившись возможности для ускорения и серьезно потеряв в маневре, «Конкистадор» все еще сохранял вооружение, и артиллерийской платформой считался очень приличной. Во всяком случае, те, кто первыми сунулся, испытали это на собственной шкуре и разлетелись по космосу огненными брызгами. Испанские артиллеристы вели свою партию грамотно, заставляя врага держаться подальше. Жаль, что так не могло продолжаться вечно.

На этот раз никто не мешал вражеским кораблям построиться так, как они считали нужным, и синхронизировать залп. И, как и полагал Карраско, поле

они задавили очень быстро, просто перегрузив его. Далее выбить артиллерию становилось уже делом техники. Хотя враги при этом потеряли до четверти кораблей, осознание данного факта служило слабым утешением, когда крейсер брали на абордаж.

Встретили их хорошо, можно сказать, гостеприимно. Хотя большая часть экипажа осталась на планете, в узких коридорах два десятка головорезов из десантной группы устроила вражеским штурмовикам настоящую бойню. Это помогло задержать противника всего-то минут на пять, десантников просто задавили числом, но они выиграли время, необходимое для организации обороны, в которой теперь принимали участие все, способные держать оружие.

Карраско приходилось сложнее всех, он не только отстреливался наравне с остальными, но еще и вынужден был контролировать всю картину боя. Результаты не радовали. Будь здесь люди, прошедшие ту же подготовку, что и погибшие десантники, оставался бы шанс переломить ход боя, но слабо подготовленные к такого рода войне операторы, техники и артиллеристы просто не справлялись. Хотя, конечно, имелись и локальные успехи — чаще всего в неожиданных местах.

Вот полностью полегла группа штурмовиков, окольными путями добравшаяся до камбуза и столкнувшаяся там с коком и его помощниками. Стрелять в помещении, заставленном плитами и шкафами, сложно, и в результате завязалась рукопашная. Грамотные повара могут разделять не только говядину, что и было продемонстрировано — прорвавшиеся нарубили на гуляш. Вторая группа столкнулась с двумя пилотами, спешащими к месту основного боя, и оказалась истреблена в считанные секунды — пилотов набирали, в том числе, и по критерию за-

предельной реакции. Несколько веков назад из таких получались лучшие ганфайтеры.

Однако все это были локальные успехи, не влияющие на результат боя. Противник высаживал все новые подкрепления, проламывая дыры в корпусе и задавливая обороняющихся атаками со всех сторон. Примерно через полчаса Карраско понял — все, пора взрывать корабль. Но именно в этот момент рядом раздалось:

— Командир, что дальше делаем?

Ах ты ж черт! Обернувшись, Карраско имел сомнительное удовольствие лицезреть рядом с собой лейтенанта Мартинес, запыхавшуюся, но целехонькую и, похоже, довольную. Сбылась мечта идиотки, участвует наравне со всеми в настоящем бою. А что жить ей осталось от силы несколько минут, она по малолетству даже не предполагает!

Ни слова не говоря, Карраско схватил девушку за руку и потащил за собой по коридору. Она тихо пискнула, но не сопротивлялась, отчасти, может, потому, что он передавил ей кисть. Бегом, бегом, бегом!.. Дважды им на пути попадались вражеские солдаты, и Карраско каждый раз успевал перестрелять их прежде, чем те осознавали угрозу. А потом беглецы влетели в отсек спасательных капсул, и командир крейсера успел закрыть бронированную плиту двери буквально за миг до того, как в коридор за их спинами высypали преследователи.

— Полезай, — капитан задыхался, но старался говорить спокойно.

— Куда?

— В капсулу, дура. На вот, — Карраско рывком извлек из своего коммуникатора маленькую, не более ногтя, карту памяти, на которую шла дублирующая

информация с компьютера корабля. — Передашь это командованию, когда выберешься.

— Я тебя не оставлю!

Такой вот крик души. Он и сам бы с удовольствием бежал отсюда, куда подальше, но оставалось еще одно дело, и исполнить долг он мог, только будучи на корабле. Но как это объяснить сопле?

Сзади зашипело. Карраско обернулся и увидел, как по броневой плите медленно скользит красная точка. Убедившись, что открыть заблокированный люк не получится, штурмовики притащили откуда-то лазерный резак и теперь не спеша, сантиметр за сантиметром, вскрывали люк. Хреново. Впрочем... Капитан посмотрел на зачарованно уставившуюся на след резака Каталину и, не долго думая, стукнул ее рукой по затылку. Подхватил разом обмякшее тело, забросил его в ближайшую капсулу, включил гибернатор. Все, три месяца здорового сна у девушки есть, а за это время ее могут и найти. Вряд ли, конечно, но лучше уж такой шанс, чем никакого. Оставалось настроить аварийный маяк на суючную задержку, за- драить люк и рвануть на себя рычаг принудительной расстыковки. Хлопок, помещение на миг заполнилось холодным паром. А еще через секунду вылетел внутренний люк и помещение заполнила одетая в легкие скафандрь волна атакующих.

Что же, ему требовалось совсем немного — выиграть несколько минут, чтобы дать капсуле отлететь подальше, иначе шансов у Каталины не будет. Карраско даже не успел сформулировать это в голове, просто изо всех сил ударили прикладом лучемета по лицу оказавшегося совсем рядом врага и с удовлетворением отметил, что забрало гермошлема лопнуло, как яичная скорлупа. Ногой пнул второго, успел вы-

стрелить в третьего, а потом и сам рухнул, сбитый чьим-то мощным ударом в лицо.

Пришел он в себя от того, что в лицо ему плеснули холодной водой. Левый глаз открылся с трудом, ресницы слиплись от крови, правый не видел вовсе. И сквозь колышущуюся багровую пелену он увидел перед собой чье-то смуглое лицо.

— Ты был командиром? — голос звучал ровно, почти без акцента. Карраско нашел в себе силы пощекать плечами.

— Был.

— Коды доступа к компьютеру. Тогда умрешь быстро.

Руки не были связаны. Карраско с трудом поднял левую, украшенную недавно еще матово поблескивающим, а сейчас забрызганным кровью тяжелым браслетом-коммуникатором. Посмотрел на алчное от предвкушения лицо собеседника. Тянуть больше нельзя...

— Принимаете?

— Да.

— Ну, тогда прощайте.

Коммуникатор командира — это не только средство связи и идентификатор, это еще и выносной пульт, и помимо прочего с него можно запустить систему самоуничтожения. Правда, там сложный и длинный код, но его можно набрать и заранее. Тогда достаточно одного касания. Через пятнадцать секунд начался процесс извлечения из реактора замедляющих стержней. Спустя минуту крейсер исчез в ослепительной вспышке взрыва, прихватив с собой еще несколько сцепившихся с ним бортами судов противника. Достойная смерть для боевого корабля. В момент, когда это произошло, спасательная капсула была уже далеко.

**Российская империя. Планета Кирпич.
Несколькоими днями позже**

Заниматься пузогрейством — работа, достойная настоящего мужчины. Именно так думал Всеволод, растянувшись на белом песке с бутылкой пива в одной руке и толстенным детективным романом в другой. Книга, если честно, ему не слишком нравилась, но вставать и идти за другой было лень. Отпуск подходил к концу, и Всеволод пользовался каждой свободной минутой, чтобы увеличить количество приятных воспоминаний. В одиночном рейде они пригодятся.

— Сева! Обедать!

А вот этот голос воспоминания даст приятные, но выборочно. Хотя бы потому, что он ненавидел, когда его называют Севой. Не мальчик, в конце концов, три звезды на погонах и пять рейдов за спиной.

— Сева, я кому говорю!

Старший лейтенант Всеволод Костин со вздохом поднялся на ноги. Дешевле подойти, чем потом слушать нотации. Катерина — та еще пила, а главное, пила не слишком умная. Почему? Да потому, что уже через неполный месяц знакомства вообразила себя чуть ли не законной женой или, как минимум, официальной невестой. Всего две недели назад сказать «я кому говорю» ей бы и в голову не пришло, а сейчас... Ну, ее дело, ее право. Через три дня отпуск заканчивается, и разойдутся они, как в море корабли. Не она первая, не она последняя, если вдуматься.

Съемный домик на берегу идеально приспособленного для отдыха местного моря (полтора метра в километре от берега и три в самой глубокой части) выглядел чистым что снаружи, что изнутри. Катерина была аккуратисткой и, вдобавок, отменно готовила,

считая, очевидно, что самый короткий путь к сердцу мужчина лежит через желудок. Всеволод, правда, всегда думал, что при наличии соответствующего инструмента самый короткий путь напрямую, через грудную клетку, но благоразумно держал эти мысли при себе. Да и потом, вкусный борщ — это тоже повод промолчать.

Всеволод посмотрел в окно, вздохнул. Еще три дня — и все это закончится. Снова тесная каюта и стерильная чистота воздуха. Ее можно, конечно, разбавить каким-нибудь ароматизатором, но это все равно не то, нос безошибочно отличает химию от живого, природного запаха. Такого, например, как здесь.

Кстати, интересно получается. Костин видел как-то статистику поездок, и получалось, что подавляющее число космонавтов из тех, что летают на корветах, фрегатах или таких, как у него, рейдерах, в отпусках тянутся к морю. Причем в глушь, где немного народу, как здесь, например — до ближайшего жилья километров пять, не меньше. Интересный выверт сознания, видать, не только человек осваивает космос, но и космос приспосабливает к себе человека.

Ушедшие в сторону от реальности мысли старлея были прерваны мелодично запевшим коммуникатором. Марш имперской пехоты, он же марш Дарта Вейдера, исполненный на балалайке. Значит, вызов от непосредственного начальства, чтоб ему ни дна, ни покрышки. Он же еще три дня в отпуске!

— Слушаю.
— Привет, Всеволод Иванович! Не слышу энтузиазма в голосе!
— Не дождется, — фыркнул в ответ Костин. С капитан-лейтенантом Савостиковым, командиром их группы, можно было запросто. Во-первых, всего на

два года старше, а во-вторых, характер у человека легкий. Конечно, если возникнет необходимость, службу он может требовать, да еще как, но и просто так, устава ради, напрягать людей официозом не станет.

— Это хорошо, вижу, ты в тонусе. Значит, так. Собирайся — и бегом на космодром. Борт за тобой я пришлю. Все.

И отключился, не объяснив толком, что же произошло. А произошло, это факт, иначе ради простого старлея никто спецрейс гонять не станет. Хотя оно, может, и к лучшему. Во всяком случае, можно решить вопрос с Катериной прямо сейчас, не теряя времени и сославшись на дела службы.

Через два часа (мог бы и раньше, но женщины всегда долго собираются) такси высадило его у проходной космодрома, после чего унеслось прочь вместе со взявшей с него обещание сообщить, как только вернется, Катериной. Естественно, выполнять это обещание он не собирался, но приличия требовалось соблюсти — что называется, дешевле обойдется. Вскинул на плечо сумку с нехитрыми пожитками и потопал к проходной, где торчала из-за стекла голова церберши-охранницы.

Сегодня ему не повезло — дежурила Полина Никитична, курица редкостная. Древняя, как мамонт, можно сказать, раритет, без которого этот космодром, да что там, эту планету и представить невозможно. Из той породы боевых старушек, которым нравится власть во всех ее проявлениях. Будь здесь нормальный космопорт, как, например, в столице планеты, все было бы проще. Взяли бы генетический код, проверили вещи сканером — и лети. Будь военный космодром — обошлись бы даже без этого, хватило бы и обычной идентификационной карты. Но здесь — не

столица, и космодром не военный, а гражданский. Бабка с огурцом в кобуре. И мурлыжить его она будет полчаса, не меньше.

К удивлению Всеволода, Полина Никитична даже не пыталась лезть своими грабками к его сумке. Только глянула на идекарту, зло сверкнула маленькими белесыми глазками и махнула рукой. Проходи, мол. Подивившись на такое проявление лояльности, редкое, как дождь в космосе, старлей пожал плечами, снова подхватил сумку и вышел наружу, на прокаленные местным солнцем плиты космодрома. Видать, бабке кто-то здорово накрутил хвост, чтоб не путалась под ногами, а это уже о многом говорит.

Ожидавший его транспорт Костин увидел сразу. И немудрено, кстати, поскольку новенький шлюп класса «поверхность-орбита» оказался единственным кораблем. Стоял себе, переливаясь зеркальными боками, окрашенными лучами звезды в ярко-оранжевый цвет. Спектр здешнего светила чуть-чуть отличался от солнечного, не настолько, чтобы это доставляло людям неудобства, но световые эффекты порой делали крайне необычные. Впрочем, к этому быстро привыкаешь.

Переминающийся с ноги на ногу пилот со скучающим видом пинал носком ботинка мелкие камушки, всей своей позой демонстрируя, как его здесь все достало. Пацан, только после училища, небось, такое поведение характерно именно для них. При появлении Костина он чуточку подобрался, хотя от строевой его стойка по-прежнему оставалась весьма далека.

— Долго же вы...

— Ничего, потерпишь, — буркнул старлей и, забросив сумку в открытый люк, полез следом. — Давай, на старт, внимание, марш...

Потомок водителей кобылы проворчал под нос что-то неприятное, но качать права не стал и пропал прямиком в рубку. Видать, понимал, что Костин, если что, и без него улетит. Скверный характер пилотов-одиночек был всем известен, равно как и их квалификация. Для таких, как Костин, шлюп — так, семечки, одной рукой уведет.

Старт, надо сказать, прошел очень мягко. Шлюп и впрямь был новый, муха не сиживала, и все гравикомпенсаторы были синхронизированы четко, с заводской калибровкой, которая почему-то пропадает сразу после первого вмешательства косоруких механиков. Поляризаторы гравитации вытолкнули кораблик на орбиту в считанные минуты, а еще через полчаса на экранах внешнего обзора замаячили контуры орбитальной крепости и, по совместительству, базы, на которой располагалась их эскадра. Уродливая, но вместе с тем величественная, похожая на бьющегося в падучей спрута конструкция стремительно вырастала в размерах и вот уже заполнила собой весь обзор.

Пилот вел шлюп лихо, и в последний момент Костин забеспокоился. Он вообще часто начинал нервничать, если не сам находился за штурвалом, а тут еще появилось ощущение, что парнишка не рассчитает, и... И ничто не портит мишень так, как попадание. На такой скорости они запросто проломят внешнюю обшивку и в блин размажутся по внутренней.

К счастью, опасения оказались напрасными. Пилот, виртуозно отработав двигателями, погасил скорость. Шлюп ловко состыковался с причальной игрой, короткий толчок в уши — выравнивание давления — и добро пожаловать на базу Северная Пять, что на орбите планеты Кирпич, названной так из-за идиотского чувства юмора первооткрывателей.

— Хоть бы переоделся, что ли, — буркнул Савостиков, не отрываясь от перелистывания толстой пачки каких-то документов.

— Не успел. И потом, я еще три дня в отпуске. — Здорово, Петр Петрович.

— И тебе не хворать, — рукопожатие капитан-лейтенанта было железным. — Боюсь, Всеволод Иванович, отпуск твой придется прервать чуть раньше.

— Что-то случилось? — моментально сделал стойку Костин.

— Случилось, но деталей не скажу — сам не знаю. Через два, — Савостиков бросил взгляд на часы, поморщился, — уже через час сорок семь тебя вызывает командующий. Так что переоденься.

— Настолько серьезно?

— Не знаю, честно. Медведь хмурый, но вроде не рычит пока. Ладно, действуй, мне вон, с бумагами еще разбираться.

Поймав тосклиwyй взгляд Савостикова, Костин на миг ощущил легкое злорадство. Ушел с корабля на кабинетную работу — получи и геморрой в лице флотской бюрократии. Впрочем, тосклиwyй взгляд отца-командира не помешал задать еще один вопрос:

— Кстати, а как ты мне транспорт организовал? Гонять корабли тебе вроде бы не по чину.

— Это не я, это адъютант Медведя крутился. Все, давай, переодевайся и не вздумай опоздать.

За две минуты до назначенного времени Костин в отглаженном парадном мундире стоял в приемной командующего эскадрой контр-адмирала Баженова, прозванного Медведем из-за бесформенной фигуры, дикой физической силы и тяжелого характера. Когда-то, по слухам, Медведь начинал в штурмовой группе линкора, участвовал в нескольких десантных

операциях, но после ранения вынужден был изменить место службы. Правда, в административном кресле он тоже не засиделся, выбив себе перевод в действующий флот, где довольно быстро продвинулся до командующего эскадрой. На этой должности он находился уже более десяти лет и, хотя стратегическими талантами не блестал, со свалившимся на его плечи хозяйством вполне справлялся. Под его командованием эскадра обеспечивала прикрытие сектора, успешно гоняла пиратов, а один раз даже намылила шею коллегам из Альянса, сдуру решившим устроить небольшую провокацию у чужих границ. Словом, его было за что уважать.

Обыкновения мариновать людей в приемной Медведь тоже не имел. Ровно в назначенный срок массивная, под дуб, бронированная дверь его кабинета распахнулась, и из него буквально вылетел какой-то интендант, промокающий на ходу лысину огромным носовым платком. Судя по виду, ткань уже была мокрой насквозь. Следом за ним раздался грозный рык Медведя:

— Костина ко мне!

Адъютант привычно махнул рукой, заходи, мол, и опять уткнулся носом во что-то увлекательное, то ли секретные документы, то ли приключенческий роман. Оставалось только вздохнуть, как перед прыжком в воду, и шагнуть вперед.

Баженов сидел во главе огромного Т-образного стола и выглядел мрачным, насупленным и опасным. Словом, как всегда выглядел. Несколько секунд он рассматривал визитера из-под нахмуренных бровей, потом махнул рукой:

— Бери стул и присаживайся, не торчи, как хрен в борозде.

Дважды повторять не пришлось. Если адмирал говорит что-то сделать, не следует задавать лишних вопросов, поэтому Костин отодвинул один из стоящих у стола неудобных (наверное, чтобы подчиненные всегда помнили, кто есть кто, и не рассиживались зря) стульев и аккуратно присел. Медведь еще раз посмотрел на него, хмыкнул:

— Небось, гадаешь, зачем я тебя из отпуска вызвал?

— Так точно.

— Не ори, я не глухой. Дело есть. Срочное. Нужен командир малого рейдера, а под рукой ты один. «Комар» вчера ушел на патрулирование, он уже в гипере, «Лиса» только-только поставили в док, как раз вместо твоего корабля. Остальные в разгоне. Так что извиняй, больше некого.

Ну, некого так некого, дело, в принципе, житейское. Тем более, в должниках Медведь оставаться не любил, и какие-то преференции светят в любом случае. Но, с другой стороны, малый рейдер — не линкор, его командириру адмиралы лично задачи редко ставят, тут достаточно Савостикова. А раз так, значит, и впрямь что-то важное.

— Детали?

— Сразу к делу? Это хорошо, это правильно... Детали. Что же, — Медведь встал, прошелся по кабинету и поинтересовался: — Что ты знаешь о Севилье?

— Малой, Дальней или той, что на Земле?

— Малой. Сам мог бы догадаться.

— Да, в общем-то то же, что и все, — пожал плечами Костин. — Сравнительно малонаселенная испанская колония на границе с нашим сектором. Промышленность ориентирована почти исключительно на собственные нужды, сельское хозяйство — тем более.

Вроде бы не дотационная, но этого я точно не помню. Сама планета ничем особенным в плане ресурсов не выделяется, разработки ведутся на астероидах, но и они не слишком богаты. Какого-либо стратегического интереса не представляет. Вот, кажется, и все.

— Весьма близко к истине, — адмирал зажег над столом подробную голограммическую карту сектора. — Ключевое слово здесь — на границе. И proximity нет ни единой населенной планеты. А теперь главное. Сегодня утром поступила информация о том, что система захвачена неизвестным противником. Им удалось подавить сопротивление патрульного крейсера и высадить десант, больше никаких подробностей. А информация нам ой как нужна. Поэтому сейчас ты берешь ноги в руки,двигаешь на свой корабль и немедленно стартуешь к этой хреновой планете, чтобы выяснить, что там происходит. То ли там просто пираты смогли, наконец, организоваться и устроили налет, то ли кто-то пришел всерьез и надолго. Проблемы на границе нам совсем не нужны.

— Так точно. Разрешите вопрос?
— Задавай, — кивнул Медведь.
— А почему мы? У нас же, помнится, дальняя разведка имеется.

— Все просто. Твой рейдер в любую щель без смазки пролезет и незамеченным вернется, а у твоих «старших братьев» под рукой нет кораблей дальней разведки, все в разгоне. Не линкор же туда посыпать.

А могли бы и слетать, брюзгливо подумал Костин. В конце концов, вытребовали себе наши супермены аж целый линкор, стоит он уже три месяца, будто приваренный к причалам, и толку от него полный ноль. Вслух же он, естественно, рявкнул:

— Готов стартовать немедленно!

— Молодец, я в тебе не сомневался. Немедленно не стоит, мне тут кое-кому еще нервы потрепать нужно, так что проверь все, догрузи, что тебе нужно, и взлетай через три-четыре часа. И да, — Медведь похлопал ладонью по тонкой красной папке на столе. — Рапорт на тебя уже подписан, когда вернешься, погоны капитан-лейтенанта будут лежать вот здесь.

Ну вот, стоило догадаться, что без адмиральской благодарности такое непрофильное задание не останется. Что же, вполне достойно. Оставалось лишь повернуться через плечо и едва не парадным шагом выйти из кабинета. Выдохнуть под любопытным взглядом адъютанта и быстро-быстро направиться к кораблю, дабы изучить, для начала, сброшенный на его компьютер пакет информации.

Оказалось той информации, правда, кот напла-кал. Просто с какой-то из ретрансляционных станций неизвестный оператор до конца вел передачу. Разумеется, вряд ли на Россию, скорее всего, к своим, но и имперская разведка не зря кушала свой хлеб с маслом. Уж что-что, а европейские ретрансляционные станции им на один зуб. Это в аппаратуру Альянса залезать рискованно, тамошние хакеры не хуже русских, можно нарваться на серьезные проблемы, а Европейская Ассоциация к вопросам безопасности относилась, как сельская дурочка к растущему пузу — ничего страшного, рассосется. Сейчас это оказалось на руку.

Увы, кроме боя, снятого с неудобного ракурса, в полученной информации ничего ценного не было. Хотя, конечно, бой можно было оценить и поаплодировать неожиданным мастерству и храбрости испанцев, которых традиционно считали посредственны-

ми вояками. Несмотря на колossalный численный перевес врага, их командр сумел и найти уязвимое место вражеского построения, и добраться до него. Но, к сожалению, посмотреть на результат не получилось. Как раз во время разгрома транспортного строя запись обрывалась — очевидно, передатчик уничтожило прямым попаданием. Пришлось отложить дальнейшие изыскания на потом и заняться подготовкой корабля.

Малый рейдер — чудо минимализма. Рубка, машинное отделение, камбуз, он же медотсек с диагностом, санузел и крошечная каюта. По сравнению с рейдером даже считающиеся аскетичными корветы — царские дворцы. На них хотя бы находится место для троих, здесь же и одному тесно. Очень часто капитаны этих суденышек, возвращаясь на базу, с проклятием заявляют, что больше даже близко не подойдут к своему корыту. Но потом, когда приходит время отлета, возвращаются практически все. Одиночный полет и полная свобода, независимость от приказов и право самому принимать решения затягивают не хуже наркотика.

Помимо этого одиночкам, идущим в поход на таких корабля, день идет за два, в звании они растут быстрее всех, опыт нарабатывают тоже. Ну и жалованье, конечно, солидное. Патриотизм и энтузиазм должны хорошо подкармливаться материально. Словом, желающих служить на таких кораблях не то чтобы длинная очередь, но хватает с избытком.

Обратная сторона медали тоже имеется. Требования, которые предъявляются к пилотам, очень велики. И психологические, все же если рейдер месяц-полтора идет в составе эскадры — это одно, а если в свободном поиске — совсем другое, и не каждый

такое выдержит безболезненно. И физические, поскольку здоровьем твоим заниматься будет попросту некому. А, главное, квалификационные, потому что во время полета единственному члену экипажа малого рейдера придется быть и пилотом, и штурманом, и механиком, и оператором систем вооружения, и еще многое кем. Словом, он должен быть специалистом широкого профиля, причем во всех дисциплинах разбираясь по-настоящему хорошо.

Всеволод как раз таким специалистом и являлся. Родом с периферийной планеты, одной из тех, что всегда поставляли империи лучших солдат. Вдобавок, на его родном Туманном гравитация в полтора раза превосходила стандартную. В таких условиях естественный отбор проявляет себя во всей красе. Слабые не выживают, а сильные обзаводятся квадратной фигурой и несокрушимыми мускулами. Ну и природа не обделила его ни мозгами, ни упорством, так что после основного курса военного училища он еще год доучивался, чтобы стать тем, кем хотел быть изначально. Смертником, как кривили губы некоторые штабные. Впрочем, на дураков Костин не обижался.

Оставшееся время он посвятил двум вопросам. Во-первых, облазил свой корабль и провел хотя бы поверхностный осмотр. Конечно, рейдер только что из дока, а там во время технического обслуживания халтурить не принято, но проверить все равно надо. Традиция, да и самому на душе спокойнее. Кстати, и впрямь стало спокойнее — корабль сиял, как у кота причинное место, и даже впаянную на молекулярном уровне надпись на борту, сделанную первым командиром рейдера, циником и пессимистом, механики ухитрились облагородить. Готическое «Ave, Caesar,

morituri te salutant!»* смотрелось красиво и внушительно.

Во-вторых, Костин воспользовался моментом и сходил на склад, где ленивый и прижимистый прапорщик, у которого обычно сверх положенного снега зимой не выпросишь, на сей раз без звука выдал несколько ящиков деликатесов вроде красной икры и копченой лососины. Видно было, как его корежило, но молчал — видать, грозный медвежий рык докатился уже и сюда.

Ровно через три часа сорок пяти минут, когда Всеволод уже распихал честно добытые разносолы, замерцал сигнал вызова, и на экране рубки появилась довольная адмиральская харя. Судя по всему, он не только успел кому-то попортить нервы, но и изрядно на них выспаться. Окинул взглядом рубку, хмыкнул:

- Ну что, готов?
- Так точно.
- Да, мне уже доложили. Наши снабженцы волками воют, — тут адмирал ухмыльнулся. — Так им и надо, толстопузым. Ладно, ни пуха, ни пера!
- К черту! — браво гаркнул Костин и начал процедуру расстыковки.

От причала рейдер отвалил удивительно мягко, гравикомпенсаторы отладили просто здорово. Небось, Митрич постарался, этот механик, которому уже минуло девяносто, был на Кирпиче, пожалуй, самым опытным специалистом, и терпеть не мог, когда что-то, вышедшее из его рук, не работало как надо. Если он занимался наладкой — значит, повезло. Костин привычно шевельнул почти невесомый штурвал, проверяя, как корабль идет на ручном управлении.

---

* Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!

Почувствовал, как рейдер с готовностью откликается на каждое шевеление пальцев и, довольно хмыкнув, включил автопилот. Все, до выхода в гипер делать в рубке нечего.

Испанский сектор. Окрестности планеты Малая Севилья

Космос был пустынен, что для такого захолустья, скорее, норма. Да и из гипера малый рейдер «Стilet» вышел на приличном удалении от центра системы и в стороне от плоскости эклиптики. Можно было бы, конечно, и поближе подойти, тем более навигация в этот раз оказалась простой. Гипер каждый раз подкидывает непредсказуемое число измерений, которыми требуется оперировать, но в этот раз их было всего пять. Для штурмана класса Всеволода меньше, чем ничто. Курорт. В такой ситуации можно подкрасться чуть ли не к самой звезде, хотя это, конечно, немалый риск.

Тем не менее, Костин предпочел вывести свой корабль на приличном удалении, там, где его с гарантией не смогут обнаружить. Что здесь произошло, неясно, и лучше подкрасться тихонечко, на кошачьих лапках. И для начала осмотреть район боя, где так дорого продали свои жизни (а шансов уцелеть у них не было) испанцы.

Место, где произошла свалка, впечатляло. Конечно, значительную часть обломков взрывами откинуло в стороны, придав им неплохое ускорение, так что теперь они летали где-то далеко, по собственным орбитам, но и того, что осталось, хватало, чтобы судить о масштабах побоища. Очень похоже, испанцы дрались не только храбро, но и грамотно, накрошив перед смертью немало врагов. Не зря же пространство

здесь до сих пор было насыщено мусором так, что существовала реальная опасность получить в борт куском металла, способным проломить броню не хуже противокорабельной шрапNELи. Если лезть без защитного поля — так уж точно. Впрочем, Костин и с защитой не полез, предпочтя ограничиться дистанционным сканированием.

Оно, к сожалению, мало что дало. Удалось идентифицировать носовую часть крейсера, искореженную взрывом так, что даже мощный компьютер рейдера пару минут раздумывал, что же это за перекрученная груда металла. Еще несколько обломков принадлежали грузовым кораблям. Эти определялись легче, поскольку сами корабли не взорвались, а были просто разорваны на куски артиллерией крейсера. Однако на этом все достижения лейтенанта пока и ограничивались, ничего нового он не узнал.

Однако столь мизерный результат (фактически лишь подтвердилось и без того крайне вероятное предположение, что испанский крейсер уничтожен) Костина ничуть не обескуражил. Он, по чести говоря, на большее и не рассчитывал. Разведка, пускай даже флотская, оперативного подчинения, удел терпеливых. Ждать его учили, перебирать гору пустой породы ради одного-единственного самородка — тоже, и сейчас лейтенант всего лишь проложил новый курс, позволяющий обшарить пространство вокруг места боя. И, надо сказать, жаловаться на судьбу ему не стоило — уже часов через пять удача улыбнулась разведчику. Оставалось лишь надеяться, что это и впрямь улыбка, а не ехидная ухмылка.

Сигнал, принятый станцией рейдера, был довольно мощным, устойчивым, а главное, легко идентифицировался. Стандартный вопль о помощи на

стандартной же волне. Спасательная капсула или поврежденный в бою корабль, только вот чей? Защитников? Тогда почему она так безбоязненно волит на всех волнах в занятой противником системе? А в том, что система захвачена, сомнений не было — радары дальнего обнаружения отчетливо фиксировали множественные цели. Так как правительственный флота здесь быть не могло, то выбор, что называется, невелик. С другой стороны, если нападавших, то почему ее не подобрали сразу после боя?

К источнику сигнала рейдер подбирался осторожно, выключив двигатели и идя по инерции, за действовав все системы маскировки, какие только имел. А имел он их немало — империя не скучилась, развивая военные технологии. Достойно ответить ей сейчас мог только флот Альянса, европейским же воякам оставалось кусать локти. Они отставали от лидеров где на шаг, а где и на два. Так что чей бы корабль не подавал сейчас «Мэйдей!»*, вряд ли его хозяева могли обнаружить «Стилет». И все равно, Костин предпочитал не торопиться.

Источник сигнала летел по той же орбите, что и обломки кораблей, ненамного их опережая, и оказался все же не кораблем, а спасательной капсулой европейского образца. Слегка помятой и капитально исцарапанной, но ее начинке это повредить не могло. Капсула — это шлюпка с минимумом возможностей и комфорта. Но шлюпка, при всем при том, бронированная, способная выдержать нечто большее, чем град раскаленных осколков. Что же, имелся неплохой шанс получить информацию, которую требовало от лейтенанта командование.

---

* Аналог сигнала SOS, принят во многих флотах мира.

Следующие полчаса Костин провел максимально скучно. Кapsулу обшаривали бесстыжие лучи разнотипных сканеров, засечь которые ее аппаратура, если она там вообще имелась, была не в состоянии. Данные передавались на компьютер рейдера, который, собственно, и занимался первичным анализом. Присутствие человека при этом почти интимном процессе не требовалось, и роль Костина свелась к сидению в кресле и разглядыванию объекта исследований. Ну и, заодно уж, обеду — раз выпала свободная минута, грешно ее не использовать.

Когда радостный писк, изданный компьютером, оповестил его, что анализ закончен, Костин лишь плечами пожал. В данный момент он потреблял картофель с грибами и не намерен был прерывать столь увлекательное занятие. Висела капсула несколько дней в пустоте — и еще пару минут вытерпит. Однако всему хорошему на свете приходит конец, так что пришлось отложить в сторону опустевшую тарелку и заняться, наконец, своими прямыми обязанностями.

В принципе, результат не казался слишком уж неожиданным. Капсула действующая, стандартная, четырехместная, внутри один человек. Рост сто семьдесят девять, вес шестьдесят два, задохлик, а не космонавт. Погружен в анабиоз, гибернатор работает в стандартном режиме. Принадлежность капсулы определить не удалось, стандарт — он и есть стандарт, такой может быть оборудован любой корабль европейского производства. Ничего сверх заводского минимума в капсуле не установлено. Вот, в принципе, и все. Негусто. Оставалось решить, что с ней делать.

Размышлял лейтенант недолго. Подойти, привартироваться, извлечь человека и расспросить. Или

допросить, но это уж как карта ляжет. Если же он что-то попытается учинить... Ну, тем хуже для него. Костин считал, и не без основания, что при нужде отвернет башку любому гипотетическому противнику.

Швартовка не потребовала сколь-либо значительных усилий. Кapsула, правда, вращалась, будто яйцо в кипятке, но это был чисто технический вопрос. Мощный силовой захват рейдера спеленал ее намертво, а по массе покоя даже такой небольшой корабль, как «Стилет», превосходил капсулу почти в полтысячи раз. Костин даже не почувствовал рывка, когда движение плененного объекта синхронизировалось с рейдером. Перейдя на ручное управление (автоматика справилась бы не хуже, но пилот — всегда пилот), лейтенант мастерски состыковал корабль с капсулой. Ну, все, теперь надо было пойти и посмотреть, что за улов ему достался.

Боевой скафандр привычно лег на тело, превратив Костина в подобие облитой черным полированным металлом статуи. Впечатляющее зрелище, и годное не только чтобы пыль девушкам в глаза пускать. Несколько шагов вперед-назад-вбок, наклоны, стойка на руках — порядок. Скафандр не стесняет движений, заряд батарей в норме. Для работы в космосе пригоден мало, зато в такой броне можно с голыми руками выйти один на один против танка — и победить!

Кессон, соединяющий швартовочные люки рейдера и капсулы, был герметичен. Ну, здесь проблем и не ожидалось — международный стандарт стыковочных узлов разработали давным-давно, и менять не собирались, так удобнее для всех. Люк капсулы раскрылся сразу же, благо конструировали их с расчетом на то, что его откроет любой человек. С тихим шелестом, говорящим о хорошей отладке механизмов,

броневая плита ушла в сторону, и Костин шагнул в открывшийся перед ним проем.

Внутри капсула выглядела так, как ей и положено — минимум удобств, голая функциональность. Костин такие видел не раз, что отечественные, что созданные конкурентами. Разница была лишь в деталях. Вот и здесь. Пульт, максимально упрощенный, чтобы справился кто угодно, обладающий элементарными базовыми навыками, да гибернаторы, саркофаги с прозрачными крышками. Три пустые, под четвертой клубился туман. Работает, значит. Осталось разобраться с тем, как его открыть.

Вот здесь лейтенанту пришлось повозиться на много дольше. Ошибиться в процедуре разморозки нельзя, гибернатор — штука капризная, и «клиента» может, к примеру, запечь, как в микроволновке. В то же время стандарты у каждого производителя свои. Грамотный медик разберется без проблем, но Костин понимал в медицине на уровне оказания первой помощи и управления корабельным диагностом. Нельзя быть сильным во всем, увы. Так что пришлось долго и мучительно разбираться в управлении, костеря сквозь зубы создателей европейской аппаратуры и их кривые мозги с извращенным мышлением. И ни на миг не сомневаться при этом, что те на его месте, пытаясь поладить с русской аппаратурой, ругались бы точно так же.

Справился, разумеется. После длительных уговоров на великом и могучем, сопровождаемых тыканьем в клавиши виртуального пульта (извращение, за которое убить хотелось — такая аппаратура не отличалась надежностью и, на взгляд русских, удобством), по периметру капсулы зажглась россыпь зеленых огней, и приятный женский голос, явно синтезированный

компьютером, сообщил что-то на незнакомом языке. Впрочем, встроенный в шлем транслятор тут же определил его, как испанский, и сообщил перевод. Все нормально, разморозка началась. Сорок минут ожидания — и вот крышка капсулы, наконец, мигнула всеми цветами радуги и чуть приподнялась. Оставалось только аккуратно взять ее за край и откинуть в сторону.

М-дя... Ну, вот и разгадка, почему узник гибернатора такой субтильный. И кто, спрашивается, додумался брать в космос таких вот, извиняюсь, детей, да еще и женского пола? Нет, конечно, и в имперском флоте женщины встречались, в том числе и офицеры, но все же их физические кондиции были куда более впечатляющими, чем у лежащей, будто мертвая, девицы, обряженной, вдобавок, в стандартный флотский комбинезон с офицерским погоном на левом плече. На правом, кстати, погона не было, зато имелась средних размеров дыра, будто кто-то за это самое плечо схватил и хорошенъко рванул. И силой он при этом должен был обладать немалой, эту ткань так просто не порвешь.

Ну что же, кто ходит в гости по утрам — тот видел много страшных дам. Сейчас, правда, не утро, да и страшненькой эту конкретную даму, которой вряд ли больше двадцати трех, максимум двадцати пяти лет, не назовешь, вполне, что называется, товарный вид. Тонкие, аристократические черты немного смуглого, как у многих испанцев, лица, которое не портят даже разбитая губа и ссадина на скуле. Правда, в образ аристократки не вписываются чуть курносый нос и мелкие веснушки, проступающие даже через естественный цвет кожи, но это ей, в общем-то, идет. Каштановые волосы, блестящие, словно лакирован-

ные... Ну, изящную фигуру он сразу отметил. Тебе бы на балах зажигать, девочка, а не в гибернаторе валяться. И, кстати, относительно гибернатора. Он-то свою работу уже закончил, так что надо спасенную забирать и отваливать поскорее. А то она еще неизвестно, сколько без сознания пробудет, армейские гибернаторы, принятые на вооружение европейцами, жуткое барахло. Это у Альянса они хороши, даже лучше имперских. Вылез из него и пошел по своим делам. А здесь несколько часов реабилитационного периода вынь да положь. Поэтому надо ее как можно быстрее перенести на борт «Стилета», да валить отсюда подобру-поздорову. Передатчик-то вопил, вопил, а теперь, сразу после того, как Костин вошел в капсулу, автоматически смолк. И это, кстати, тоже может привлечь внимание.

Легко подняв трофеи, ценность которого еще предстояло оценить, на руки, Костин перебрался на свой корабль. Хотел было запихнуть девчонку в диагности, но, подумав, не стал. Во-первых, успеется, видимых повреждений вроде бы нет, и дышит глубоко, ровно. А во-вторых, чтобы ее туда засунуть, придется вначале раздеть. Ему-то плевать, что она, очнувшись, подумает, но время, время... Каждая минута пребывания здесь — лишний риск, и так слишком задержался. Поэтому лейтенант просто сгрузил свою добычу на диван, явившийся единственным на корабле местом релаксации, и отправился в рубку.

Как оказалось, торопился он не зря. Всего через полчаса после того, как «Стилет» отстыковался от спасательной капсулы и, отойдя подальше, окутался маскировочными полями, к месту randevu пожаловали сразу три истребителя ближнего радиуса. Барахло, конечно, в Британском Содружестве такие сняли

с вооружения лет пятнадцать назад. Рейдер сделал бы их, не напрягаясь, но тогда пришли бы другие, иным числом и совсем иным составом, а значит, конец невидимости, срыв задания. Прикинуться ветошью и не отсвечивать в такой ситуации самая лучшая тактика, запихнуть на истребитель Харрикейн-200 серьезную аппаратуру сканирования пространства физически невозможно, и обнаружить «Стилет» они смогут разве что случайно.

Решение оказалось правильным. Истребители покрутились вокруг... недолго. Потом развернулись и удалились, решив, видимо, что ничего интересного нет, и у голосившей капсулы просто навернулся передатчик. А может, это была уловка, и кто-то, заставившись в стороне, внимательно следит за подозрительным местом, ждет, когда уверенный в своей непогрешимости пришелец дернется. Правда, для этого стоило признать, что он обладает аппаратурой лучшей, чем установлена на «Стилете», а это уже попахивает паранойей. Вот только... если вы параноик — это еще не значит, что за вами не следят, верно?

Одно сидящий в полумраке (так ему больше нравилось) рубки Костин мог сказать точно. Те, кто прилетал сюда, не военные. Они умели управлять своими истребителями и, судя по тому, как маневрировали, неплохо. Но вот военными они не были, не тот стиль пилотирования. И не были эти трое сыгранным звеном, такие вещи легко определить, их чувствуешь на уровне подсознания. А не имеющих опыта совместных полетов в составе одной группы без особой нужды на боевое задание посыпать не станут. Здесь не было даже теоретической потребности сбивать группу из чего попало, времени в избытке, да и не торопились гости, словно давали тому, кто

гипотетически сюда добрался, возможность свалить куда подальше. Не хотели драться? Очень возможно. Только или перед ним очень хорошие актеры, или... в общем, военные любой уважающей себя страны все же так себя не ведут, и точка.

Он выждал еще два часа. Время текло медленно, капая, словно вода в старинной клепсидре. Видел он когда-то такие в музее, штука сколь внушительная, столь и неудобная. Наверняка рядом с ней сидели, наблюдая за течением воды, специально обученные люди. А может, и нет, Костин не был знатоком древней истории. Но сейчас он чувствовал себя именно таким человечком, выполняющим пускай и важное, но мучительно тянувшееся дело. Сидеть, уставившись в пустые экраны, на которых разве что мусор порой пролетает, и то редко, потому как от места боя он отошел уже далеко, занятие, бодрости духа и тела не способствующее. Впрочем, он умел ждать.

Все, контрольное время истекло. Повисим еще немного — так, для очистки совести, ведь спешить все равно некуда. Адмиралу нужна информация, а не погибший из-за ошибки командира рейдер. Но больше сидеть в рубке нет смысла, если что, автоматика и предупредит, и совершит маневр уклонения. У него же, Костина, есть дела посрочнее. Например, снять и поставить в нишу здесь же, в рубке, осточертивший скафандр, проверить, наконец, как там гостья и все ли с ней в порядке. И посетить галлюн, это, хе-хе, даже важнее.

Веселье началось сразу после того, как лейтенант покинул рубку. В качестве аванса он получил по голове чем-то твердым, как потом оказалось, извлеченным из шкафа пластиковым медицинским штативом. Штука это была легкая, но прочная, так что кого другого могла и с ног сбить, а то и травмировать.

Но в данном случае выдержали и пластик, и затылок, хотя на пару секунд ориентацию в пространстве Костин потерял. Нападающий же, напротив, сработал бойко, подсек командиру рейдера ноги и, когда тот неловко рухнул на пузо, припечатал сверху собственным невеликим весом, довольно грамотно выкручивая руку. И голос, в иной ситуации, наверное, весьма приятный, прошипел в самое ухо на академически чистом английском:

— Лежать! Не двигаться!

Ну вот, хоть бы пистолет отобрать попыталась, что ли, подумал Костин, чуть поворачиваясь и придавливая телом кобуру, чтоб не бросалась в глаза и не вызывала ненужных мыслей. Он-то переживет, но процесс поиска общего языка осложнится. После этого лейтенант обернулся, увидел то, что, в принципе, и ожидал, то есть искренне уверенную, что контролирует его, девушку, и спокойно, даже чуть флегматично поинтересовался:

— Очнулась? Я, честно говоря, ожидал, что еще часа два-три, как минимум, у меня есть.

— Молчать! Здесь вопросы задаю я...

— Угу, угу, — Костин легко разогнул руку, которую девушка продолжала отчаянно выкручивать, и встал. Нет, работала-то она вполне грамотно, рукопашному бою ее кто-то где-то когда-то учил, но против человека, способного без особых усилий связать узлом стальную трубу (а на планете, где родился Костин, это достижением не являлось, так, обыденность), ее силенок оказалось явно маловато. Можно было, кстати, и вовсе наглядности ради взять обнаглевшую девицу за шкирку и поднять в воздух, причем одной левой, но тут мешали сразу два обстоятельства. Во-первых, низкий потолок, а во-вторых

тот факт, что ростом она была на пол головы выше лейтенанта. Последнее обстоятельство у кого другого вполне могло бы вызвать комплекс неполноценности, но не у Костина. Он привык, в конце концов, повышенная гравитация родной планеты имеет и минусы, вроде небольшого роста. Он там еще высоким считался... — Ну что, успокоилась?

Девчонка было дернулась, но тут же обнаружила, что теперь уже ей не удается вырваться. Костин по-просту успел зацепить и сжать в горсти ее мундир на груди, и теперь разогнуть его пальцы без помощи гвоздодера у гостьи вряд ли получилось бы. Подождав, пока она убедится в бесполезности своих усилий, Костин аккуратно подвел ее к дивану, посадил и вежливо сказал:

— Отдохни, приди в себя, успокой нервы. Я сейчас вернусь.

С этими словами он заблокировал дверь в рубку и, усилием воли сдерживая шаг, пошел в санузел. На клапан давило уже так, что мочи терпеть не было, а разговор у них предстоял долгий.

Борт малого рейдера «Стилет», два часа спустя

— В общем, информации совершенно недостаточно, — подвел итог Костин, выслушав рассказ не в меру бойкой девицы (затылок ощутимо ныл) и внимательно просмотрев флэш-карту погибшего командира крейсера. — Кто напал неизвестно, точное число тоже...

— Данные полны, насколько это возможно.

— Верю. Но вот, посмотри, — Костин щелкнул пальцем по экрану. — Их корабли продолжали прибывать вплоть до того момента, как у вас снесло антен-

ны. Соответственно, после гибели вашего крейсера могла подойти еще целая армия, а то и не одна. Так что единственное, что мы более-менее достоверно знаем, это характеристики ваших противников, как солдат. Очень невеликие, но это и так было ясно с самого начала. Ну и возможности некоторой части их техники. Тоже, надо сказать, не впечатляющие. Что же, придется ждать.

— Чего?

— Приказа, разумеется, — Костин решительно встал. — Эти данные я передам в штаб, а дальше пускай решают, время пока терпит.

— Но там, на планете, каждая минута стоит кому-нибудь жизни.

— Все мы смертны, — пожал плечами Костин. — В конце концов, я мог найти тебя вообще через неделю. Или не найти вообще. Смирись и прими это как данность.

Девушка нахмурилась. Чувствовалось, что с мнением собеседника она не согласна, но и серьезных, а не эмоциональных аргументов у нее нет. Жаль ее, конечно, но, увы, есть для таких ситуаций определенная процедура, и не старлею ее менять. Разве что приободрить попытаться. Костин вздохнул:

— А вообще, ты должна своему командиру быть по гроб жизни благодарна. Настоящий мужик, уважаю.

Каталина промолчала, но по тому, как изменился ее взгляд, Костин понял, что сказал это зря. Не все тут чисто, ох, не все. Ну и ладно, это не его вопрос, в конце концов. Надо передать информацию, а там уж... Может статься, прикажут возвращаться. Или ожидать подкрепления. И в том, и в другом случае, он скоро передаст гостью в руки старших по званию,

и на том их знакомство завершится. Так что пускай пока отдыхает — что в сон ее периодически клонит, очень даже заметно, одна из стандартных реакций на пребывание в гибернаторе — а он пока займется делом.

Одно из преимуществ малого рейдера перед большинством кораблей — собственная станция гиперпространственной связи. Так уж получилось, что в космосе, где объекты отделены друг от друга расстоянием в десятки, а то и сотни светолет, обычная радиосвязь — штука бесполезная. Вблизи планет, где задержка в секунды или даже минуты особой роли не играет, радио крепко удерживает позиции. Ближе к границам систем задержка может составлять уже часы, но и с этим, за неимением альтернативы, приходится мириться, а вот дальше — все. Адресат будет дожидаться сообщения годами, если вообще дождется — как ни сужай луч, рассеивания не избежать, и мощность передатчику нужна будет колossalная, а зачастую и вовсе недостижимая.

В такой ситуации наиболее быстрым — а подчас и единственным — средством связи оставался звездолет. И такие расклады никого не устраивали, как из-за медлительности, так и из-за совершенно запредельной стоимости. Отсутствие устойчивой и оперативной связи мешало экспансии и порождало сепаратистские настроения на окраинных планетах, а потому долго мириться с таким положением было попросту невозможно.

Естественно, что и крупные научные институты, и непризнанные гении в самых разных странах с жаром набросились на столь востребованную работу — уж больно хорошие деньги светили в случае успеха. Да и при его отсутствии «распил» средств обещал

хорошие барышни, многие этим и занялись, радостно попискивая от удовольствия. Но все же настоящих ученых, привыкших выдавать результат, оказалось вполне достаточно, и вполне закономерным явился тот факт, что решение все же нашли. Почти одновременно на-гора схожие результаты выдали в еще только вылупившейся и набирающей мощь исполина Российской империи, отчаянно пытающимся восстановить утраченные позиции Альянсе и где-то в Европе. В первом и втором случаях работали мощные государственные институты, в третьем — какой-то частный концерн, но это, по большому счету, мало что значило. Главное, проблема была решена, и космическая экспансия человечества получила хороший пинок под зад, обеспечивающий новые шаги вперед.

Естественно, новый вид связи, по сути, комбинация радиоволн и устойчивого гиперпространственного канала, по которому они шли (та еще задачка, кстати, с инженерной точки зрения весьма нетривиальная), оказался не без недостатков. С ними боролись, естественно, и даже успешно. Во всяком случае, запредельная поначалу стоимость с развитием технологий быстро снизилась, а размеры ретрансляторов, на первых порах сравнимые с звездолетом, ужалились в десятки раз. Но вот энергопотребление... Именно из-за него такие станции или делались стационарными, или полагались кораблям рангом не ниже крейсера, реакторы остальных просто не выдерживали такой нагрузки.

Однако малым рейдерам связь нужна, они лезут, как любят говорить в Альянсе, в задницу к дьяволу. Стало быть, и информацию должны передавать оперативно, а то, может статься, через несколько часов

и передавать-то будет нечего. Поэтому инженерам была поставлена задача — а они соответственно нашли выход. Не лучший, но вполне приемлемый, во всяком случае, на данном этапе.

Энерговооруженность малых рейдеров чрезвычайно высокая и явно избыточная. Не потому, что кому-то некуда девать деньги, просто для этих кораблей не стали разрабатывать отдельные реакторы, ставят те же, что и на фрегаты, это дешевле, чем с нуля осваивать новое производство. Ну и, вдобавок, создается неплохой задел под дальнейшую модернизацию. А раз энергии в избытке — то почему бы не использовать это обстоятельство? Конечно, для обеспечения долговременной устойчивой связи ее все равно не хватит, но если пробить канал на несколько секунд, то сжатый до предела пакет информации отправить вполне возможно. Главное — сделать все это быстро, проблемы с наведением и фокусировкой решали лет двадцать, но зато сейчас такие корабли, как «Стилет», могли похвастаться пускай чертовски дорогой и не особенно удобной, но все же собственной аппаратурой дальней связи. Предмет зависти командиров корветов, фрегатов и даже эсминцев, но тут уж никуда не денешься, кто на что учился.

Сейчас рейдер украсился рукоятврным плавником развернувшейся стальной параболической антенны и стал похож на земную рыбу-парус. Немного гипертрофированную, правда, словно изображенную рукой художника-авангардиста. Ну, или пародиста — дело в том, что размеры антенны в рабочем положении были даже больше, чем самого корабля. Требовалось лишь нажать на кнопку передачи — и все, рапорт, а вместе с ним и содержимое полученной от Каталины флэшки, отправились адресату. Теперь оставалось

лишь ждать ответа, который придет в точно оговоренное время. А стало быть, надо свернуть до поры антенну и можно отдохнуть.

Каталина обнаружилась в его каюте. Ну, собственно, там он ее и разместил — больше-то негде. Хорошо еще, те, кто конструировал этот корабль, предусмотрели гипотетическую возможность появления на борту гостей. Гипотетическую потому, что никто в здравом уме и твердой памяти на это корыто, да еще вторым номером, не полезет. Тем не менее, они подстраховались и снабдили каюту откидной верхней полкой. Не бог весть что, конечно, но лучше, чем на полу. Правда, оставался еще неуставной диванчик на камбузе, но на нем даже невысокому Всеволоду было не вытянуться, не то что гостье, а спать скрюченным — нет уж, простите, обойдемся без этого. Правда, никто не думал, что гость может оказаться иного пола с капитаном, но тут уж ничего не поделаешь. Так что вручил он Каталине аккуратно свернутый и аж хрустящий от чистоты комплект постельного белья, ткнул пальцем в верхнюю полку и велел устраиваться, а сам занялся делами.

Девушка, к его удивлению, не спала. Сидела, поджав босые ноги и закутавшись в коротковатый для нее халат Костина, перед экраном терминала. Вряд ли ей в этой одежде было особо комфортно, но ее собственная годилась сейчас разве что на тряпки, а безразмерный, подгоняющийся под любую фигуру рабочий комбинезон — штука сколь универсальная, столь в обыденной жизни и неудобная. Так что пришлось пожертвовать деталью своего гардероба и искренне надеяться, что это не вызовет в будущем проблем. Хорошо еще, Каталина была столь вымотана, что лишь кивнула равнодушно и полезла в душ,

смывать с себя пот, кровь и прочие радости активного образа жизни.

Сейчас она сидела в небольшом, но удобном кресле, подперев густо намазанную регенерирующим гелем щеку, и отстраненно пялилась в экран. Даже появления хозяина не заметила. Пришлось щелкнуть пальцами, привлекая внимание, и, услышав закономерное «Ой!», наблюдать рефлекторное запахивание халата.

— Чего не спишь?

— Не знаю... Подремала минут двадцать — и все, не спится. Вроде бы и хочется, а не получается.

— Скоро опять уснешь, — успокоил ее Костин. — Это нормально, после гибернатора такое бывает. Особенно учитывая, что я вколол тебе противошоковое. Сон как бы дробится на куски. Пройдет. Чем занимашся?

— Удивляюсь.

Как оказалось, полежав немного и убедившись, что уснуть не получается, девушка заскучала и, закономерно, стала искать, чем бы ей заняться. Ничуть не удивительно, что ее внимание привлек терминал, установленный на столе, и она полезла в нем разбираться. Ну а так как возможность появления гостя, тем более иностранного, по умолчанию не предусматривалась, а сам Костин об этом не подумал, то и заблокировать его, прежде, чемshalовливые женские ручки в него залезли, он не догадался.

Терминал в каюте был великолепный, но, увы, практически все оказалось прикрыто паролями. Каталина попыталась влезть... Ага, щ-щас-с. Тот, ктоставил защиту, в своем деле разбирался, и не ей было с ним состязаться. Пожалуй, единственное, что девушке удалось открыть без проблем, была игруш-

ка — какой-то шутер, судя по графике, древность несусветная.

За попыткой разобраться с этим раритетом ее и застал Костин. Точнее, за горестным созерцанием отрицательных результатов. Усмехнулся, плюхнулся на свою кровать и устало вытянул ноги. Поймал взгляд девушки и махнул рукой — не отвлекайся, мол. Однако Каталина уже закрыла окно программы и с интересом спросила:

- Ты так убиваешь время в полете?
- Не-а, — с трудом сдержав зевок, ответил лейтенант. — У меня другие увлечения. Я здесь, кстати, и не работаю почти — в рубке удобнее. А эта хрень осталась еще от моего предшественника. Он сейчас уже фрегатом командует.
- Гм... И чем увлекаешься?
- Не все ли равно? Я многогранен и мультиталантен.
- И еще от скромности не умрешь.
- Нет, конечно, — покладисто кивнул Костин. — Мне и на этом свете неплохо.
- Да уж... А скажи. Я вот тут игрушку посмотрела — так, по диагонали. Она, я так понимаю, ваша, русская?
- Вроде бы да, а что?
- Нет, ничего... Просто я в ней не увидела ни одного героя с черным цветом кожи.
- И что? В России негров почти нет, это логично. В наших играх они практически не встречаются. Разве что в стрелялках, в качестве мишеней, и то редко.
- Помнится, — хихикнула девушка, — у нас... В смысле не у нас, а... у одной европейской страны такое пренебрежение к правам цветных вызвало кучу

исков из Альянса. Пришлось срочно добавлять, иначе затащили бы по судам.

— Да у нас, я слышал, подобное тоже как-то случилось. Наши ответили — да, пожалуйста. Оплатите — сделаем. Даже трейлер на скорую руку склепали. Кстати, он у меня даже есть.

Лейтенант встал, и от Каталины не укрылось, что движется он с некоторым усилием — устал, вахта в гипере выматывает страшно, она это по себе знала, а он еще и после нее сколько времени на ногах. Костин, между тем, провел рукой по экрану, выбил по нему какую-то замысловатую дробь, и действительно включил трейлер. Короткий, секунд на пятнадцать, не более. Только и удалось рассмотреть, как здоровенный космодесантник в драной тельняшке со смаком разрывает пасть испуганно вытаращившемуся негру. Лицо девушки вытянулось:

— У нас бы за такое живьем сожрали.

— А у нас — нет, — безразлично отозвался Костин. — А так как платить негры почему-то не захотели и сдулись, то на том дело и кончилось. Тем более, решения иностранных судов для нас роли не играют.

— Да, не зря вас обвиняют в полном отсутствии толерантности, — фыркнула Каталина.

— Это ты зря. Например, на стрельбище у нас есть мишени белого, желтого и черного цветов. А недавно инструктор приволок гей-мишени. Весьма, кстати, реалистично выполненные.

Девушка хихикнула в кулак, как показалось, чуть нервно, и, неподожданным для себя, зевнула. Костин развел руками.

— Ладно, хорошо упрекать меня в отсутствии уважения к чужим ценностям. Лезь к себе, сейчас тебя всерьез рубить начнет.

— Хорошо, — Каталина встала, от чего коротковатый халат продемонстрировал идеальной стройности ноги, и ловко запрыгнула к себе, но уже через секунду свесила голову и спросила:

— А когда придет ответ?

— Через восемь часов тридцать одну минуту. Как раз хватит немного передохнуть. Кстати, перед глазами не плывет?

— Нет. А что, должно?

— Ну, я ж тебе лекарство вколол, боялся переборщить с дозой. Иначе ты бы в истерику впала, женщина все же.

— Шовинист, — смешок, как отметил Костин, вышел довольно нервным.

— Какой уж есть. Кстати, тогда встречный вопрос. Почему ты тогда, в первый раз, заговорила со мной по-английски? Вроде цивилизованный человек, русский знаешь...

— А я не сообразила сразу, что ты русский. Это потом уже надписи увидела. Насчет же того, кто более цивилизован... А сам-то ты кроме английского, другие языки знаешь?

— Знаю, конечно. Но испанского в списке нет. Просто нет смысла забивать голову языком, на котором говорят государства второго-третьего ряда. Надо будет — пройду курс мнемообучения, но, как показывает практика, большинство образованных, да и просто грамотных людей на любой планете владеет русским. Так что не обижайся, но твой язык не стоит затраченных усилий. Хотя... смотря как его использовать.

— Пошляк, — после короткой паузы, которая потребовалась Каталине, чтобы осознать смысл фразы, ответила девушка. И покраснела.

- Я, вообще-то, про еду. А ты о чем подумала.
- Тоже, — мужественно соврала девушка и покраснела еще сильнее.
- Ну-ну...

Спустя несколько минут, когда девушка уже тихонько посапывала, Костин встал, посмотрел на нее. Красивая... И что ее занесло в космос? Э-эх, старлей, подвесил ты себе на шею проблему. Впрочем, вариантов все равно не оставалось, теперь будем надеяться, что удастся ее быстро сбагрить. Хотя, положа руку на сердце, в такую возможность он не верил.

То же место, девять часов спустя

Сигнал об окончании расшифровки пришел как раз во время завтрака. Увы, один из недостатков пакетной связи — большие затраты времени, потребные для приведения ее в читабельный вид. Зато поесть успели. Ну, почти. Костин уже допивал кофе, а Каталина с мрачным лицом ковырялась в яичнице. Не потому, что та была плоха, все же испортить это блюдо крайне сложно. Просто закончилось, наконец, действие лекарства, вызванная им эйфория ушла, и события последних дней, включая гибель корабля и сослуживцев, лавиной обрушились на мозг девушки, придавив его избытком негативных эмоций. Хорошо еще, истерику не закатила, до слез не дошло. Здоровая психика, пройдет, надо ее только отвлечь.

Аккуратно вытерев пальцы салфеткой, чтобы не пачкать экран, лейтенант извлек тактический планшет. Каталина презрительно скривилась — все правильно, европейцы не пользуются сенсорными экранами уже давно, предпочитая виртуальные. Их дело, их право, о вкусах, что называется, не спорят.

В Империи тоже попадались любители вирта, но большинство, к которому и относился лейтенант, по-прежнему оставались верны оборудованию, которое можно подержать в руках. Легкое, едва заметное касание — и вот по экрану уже бегут строчки приказа. Ну что же, ожидаемо. Костин положил планшет и встал:

- Ты доедай пока, а я в рубке, если что.
- Что там?
- Курс буду прокладывать. Надо продолжать операцию.
- То есть?
- Провести разведку, — терпеливо, как маленькой, пояснил командир «Стилета». — Выяснить, кто устроил здесь таарам, какими силами обладает, ну и далее по пунктам... А дальше наши отцы-командиры решат, что делать, то ли флот сюда высыпать, то ли плечами пожать да отвернуться. Я бы выбрал второй вариант, но тут уже не моя компетенция. Может, вашим информацию передадут. Или продадут...
- В смысле продадут?
- В прямом. За деньги, ответные услуги или еще за что.
- Да вы что, с ума посходили?
- Почему? — Костин искренне удивился. — Мы гоняли сюда корабль, который, кстати, планировалось отправить совсем в другое место. Так что там пришлось затыкать дыру, изворачиваться... Проводили определенные действия, амортизацию оборудования тоже никто не отменял. Я, в конце концов, шкурой рисую. Все честно, информация стоит денег.
- Моя информация!
- Не только. Но даже если твоя, что с того, она бы так и лежала в капсуле мертвым грузом, а мы приспособили ее к делу. И вообще, ее кот наплакал,

основной массив добывать буду сейчас я. Ваши на моем месте поступили бы точно так же, — Костин говорил совершенно спокойно, даже чуть отстраненно. — Никто никому помогать в данном случае не обязан, то или иное действие, в конечном итоге, вопрос дальнейшей выгоды, и только. Будь это наша планета — тогда да, а так...

- Ну, ты и сволочь!
- Знаешь, а кто другой и по лицу бы схлопотал, — задумчиво ответил лейтенант. — Но ты женщина...
- Шовинист!
- Возможно. Но ты не дала мне договорить, а это невежливо. Так вот, ты женщина, а женщин быть некомильфо.
- И только? — кажется, несмотря на застилающую глаза злость ее все-таки удалось заинтересовать, чего Костин, собственно, и добивался.
- Не только. Понимаешь, в общении с тобой я делаю поправку, что ты в связи с молодостью и отсутствием жизненного опыта, а также общей ущербностью европейского образования, можешь меня и не бояться, — пожал плечами лейтенант.

Каталина зло сверкнула глазами:

- А что, должна?
- Да нет, этого ни в одном законе не прописано, — «успокоил» ее Костин. — Тут дело в другом. Просто-напросто у людей постарше осторожное отношение к нам уже на уровне инстинктов. А у кого не на уровне и кто за языком не следит, потом иной раз удивляются, что к ним прилетает что-то тяжелое и взрывающееся. Не привыкли мы обид прощать, понимаешь... Впрочем, я человек широких взглядов, поэтому на тебя не в обиде. Бурчи, что хочешь. Просто помни, что это ты на борту моего корабля, и я

вытащил твое хладное тело из шлюпки, а не наоборот. И еще. Ваши сюда, за тобой, так и не прилетели.

Когда он ушел в рубку, Каталина так и сидела, положив на стол сжатые в кулаки руки, молча и зло сверля глазами переборку. Ну что же, он этого и добивался, переключив внимание девушки на себя, как на центр всех проблем и главную обиду. Это позволит ей не впасть в депрессию окончательно, включить мозги, ведь когда проблема персонифицируется, в добавок приобретая материальную форму и ярко выраженную точку фокуса, с ней уже можно начинать бороться. А бороться — это значит, в данном случае, искать и прокачивать варианты, а не превращаться в обиженный на судьбу овощ. Самому, конечно, будет труднее, но как-нибудь перетерпит, в конце концов, это ненадолго, зато психику девчонке спасет лучше любой медицины. Проверено.

До Малой Севильи рейдер полз больше десяти часов. Можно было бы, конечно, и быстрее, причем в разы, но Костин предпочитал выиграть в безопасности. Толчок двигателями, полет по инерции, снова толчок — разогнаться и подкорректировать курс... Движущийся в таком режиме корабль сложнее застечь, особенно если не знаешь, что именно, где и когда пытаешься обнаружить. Системы маскировки рейдера, конечно, хороши, но подстраховаться таким вот дедовским методом тоже не помешает.

Космос был поразительно пустынен. Не в том смысле, что там ничего не было — как и везде, попадались мелкие метеоры, радары «Стилета» фиксировали их исправно, пару раз на пределе дальности мелькнули корабли. Но вот молчание здесь стояло, что называется, гробовое. Обычно чем ближе к планете — тем больше всевозможных сигналов.

Переговариваются между собой корабли, лаются с пилотами диспетчёры, да и сама планета отнюдь не молчит, исправно транслируя в космос обрывки передач, предназначенных, что называется, для внутреннего пользования. Здесь же всего этого не было, система молчала, будто умерла или затаилась от испуга, и это кому-то с более тонкой душевной организацией наверняка действовало бы на нервы. Впрочем, на малых рейдерах ходили, как любят говорить янки, «крутые парни со стальными яйцами», так что Костин лишь зафиксировал ситуацию и не стал тратить на нее эмоции. Смысла не видел, все равно изменить что-либо он был пока не в силах.

«Стилет» уже выходил на дистанцию, с которой мог начать сканирование околопланетного пространства системами дальнего обнаружения, когда дверь рубки с легким, почти неслышным шелестом отъехала в сторону. Не оборачиваясь, лейтенант приказал:

- Выйди.
- Но...
- Выйди, я сказал.

Дверь закрылась, но девушка осталась внутри, ее отражение было прекрасно видно на полированном металле пульта. Костин вздохнул, развернулся вместе с креслом:

- Слушай, тебя что, дисциплине не учили?
- Я просто хотела...
- Извиниться? Или поругаться? Слушай, я все понимаю, но давай не сейчас, ладно? Здесь просто нет места для второго человека. Если мне придется резко маневрировать, тебя размажет по переборке.

Каталина промолчала, но с места не сдвинулась, только подбородок выпятила. Упорная... Знал же,

что будут с ней проблемы. Впрочем, ее тоже можно понять, сидеть одной и мучиться воспоминаниями пополам с неизвестностью тяжко. Костин вздохнул, щелкнул пальцем по клавиатуре, и из почти незаметной ниши в стене с лязгом откинулось приставное сиденье. Обычно им пользовались техники, если надо было проверить отладку систем. Пилот ведет корабль, а техник сидит со своей аппаратурой и тестирует. На памяти лейтенанта, пользовались этим неудобным сиденьем всего однажды, но вот, пригодилось.

— Сядь. И пристегнись.

Села, пристегнулась, ну надо же, какими мы можем быть дисциплинированными, если захотим. Впрочем, Костин тут же перестал обращать на нее внимание, сосредоточившись на маневре. Простейшем, кстати, обычном торможении, но провести его надо было крайне аккуратно, чтобы случайно не выдать своего присутствия. Не так-то это и легко, но он, разумеется, справился.

Через несколько минут после того, как рейдер завис в пространстве, данные начали поступать широким и мутным потоком. Сейчас развернувший все свои многочисленные антенны корабль вновь напоминал нечто футуристическое, что, впрочем, и неудивительно. Создатели рейдера уделяли мало внимания дизайну, зато много — функциональности, постаравшись вместить в ограниченный объем максимум аппаратуры. И это им, кстати, вполне удалось, хотя аскетизмом своим корабль был обязан, в том числе, и желанию инженеров запихнуть еще хоть парочку приборов. Ужали внутреннее пространство до предела, чего уж там, зато возможности корабля работать по прямому назначению довели едва не до совершенства.

Глядя на экран, Костин лишь присвистнул. Такого, как сейчас, он не видел уже давно. На орбите планеты толпилось под две сотни кораблей разных классов, в основном классифицированные как транспортные, но попадались и боевые. Опять же, в основном от корвета до эсминца, но имелась и парочка древних, как деръмо мамонта, крейсеров европейского производства и даже авианосец, построенный, судя по обводам, лет сто назад. Как он еще не развалился-то... Ну и, конечно, часть кораблей классифицировать не удалось, что неудивительно — модернизации, особенно кустарно выполненные, меняют внешний вид до неузнаваемости.

Костин местным диспетчерам даже посочувствовал, а заодно восхитился их классом. Управлять такой оравой, особенно когда корабли различаются не только массогабаритными характеристиками, но и маневренностью так, что их рядом ставить опасно, да при этом не допустить ни одной аварии — это надо ухитриться. Особенно когда то здесь, то там шныряют истребители, боты и прочая на такой дистанции в принципе не классифицируемая мелочь. Конечно, нельзя сказать, что на орбите корабли располагались борт к борту, все же космос велик, и творения рук человеческих по сравнению с ним меньше, чем ничего. Если глядеть отстраненно, пространства хватало вроде бы на всех, но и скорости здесь совсем не атмосферные. Один раз зазеваешься — и все, мало не покажется. Сомнет, как пустую жестянку.

— Узнаешь что-нибудь?

Каталина приникла к экрану. Обиды обидами, а все же она была офицером, причем Костину в звании уступала совсем ненамного. Всмогрелась, неуверенно пожала плечами:

- Кажется, это корвет типа «Сильвер», а это...
- Тип я уже определил. Ты скажи мне, какие из них участвовали в атаке на ваш крейсер.

На сей раз, она всматривалась чуть дольше, после чего вполне уверенно указала несколько корветов и фрегатов, а также пару неклассифицированных целей. В принципе, Костин это и так знал, записано видел, но все же лучше проверить информацию из нескольких хотя бы относительно независимых источников.

Ну что же, кем бы ни были собравшиеся вокруг планеты, трусами их явно не назовешь. Атаковать на своем летающем антиквариате вполне современный крейсер — это требует как минимум немалого мужества. Учтем. Впрочем, лучше вовсе с ними не связываться. В конце концов, «Стилет» — разведчик, а не ударный корабль, он и оружия-то несет самый минимум. На миг лейтенант пожалел, что командует не торпедоносцем, способным в считанные минуты устроить здесь треш и ад, но тут же себя одернул. Это не его война, он лишь наблюдатель, приказ адмирала трактуется однозначно. И это правильно, главное, да и, откровенно говоря, единственное настоящее оружие малого рейдера — скрытность, остальное уже детали.

Следующие сутки они так и висели в пространстве, деликатно собирая информацию. Не то чтобы ее было очень много, прослушать переговоры вероятного противника так и не удалось — то ли там использовали закрытые каналы связи, недоступные с такой дистанции аппаратуре «Стилета», то ли просто молчали. Правда, как в этом случае они ухитряются управлять своим флотом, так и осталось неясным. Фактически единственное, что удалось, это уточнить

состав группировки и определить, что подкрепления к планете время от времени прибывают. За сутки аж два конвоя, правда, небольших, каждый в сопровождении нескольких корветов и фрегатов. И — а вот это уже интереснее — эти кораблики были новенькие, недавно сошедшие со стапелей.

Да уж, вопрос только, с каких стапелей. С первого взгляда можно понять, что и те, и другие, клоны современных европейских кораблей. Похожи, но что копии — все равно ясно, имеются определенные различия, опытному глазу сразу заметные. И в базе данных «Стилета» информации по ним не имелось, что наводило на определенные размышления. Впрочем, размышлять в данном случае предстояло не Костину, его задача передать собранную информацию, аналитикой пускай занимаются специалисты.

Еще через сутки. Борт рейдера «Стилет».

Граница системы

— Ты ведешь неправильный образ жизни.
— Ой, только не надо мне завидовать, — с этими словами Костин взял тонкий ломтик хлебушка, с чувством намазал его маслом и плюхнул сверху толстый слой деликатесного паштета из печенкиalexандрийской псевдоптицы. Вкуснейшая вещь, кстати, и дорогущая, но он со склада перед отлетом взял целый ящик, из зубов интендантских, можно сказать, вырвал. — И не говори, что не хочешь.

Каталина незаметно (ну, это она так думала) вздохнула. Хочет, по глазам видно, но упрямо гнет свою линию. В пику ему, Костину. Оттаяла, отошла немного от пережитого, но, как лейтенант и предполагал, центром раздражения стала теперь его коренастая

фигура. Ну и пускай ее. Не шипит, не молчит, в себе не замыкается — и то хлеб. Не самый плохой характер, адаптируется к обстановке легко, так что будем надеяться, выйдет из этой истории с минимальными потерями для организма.

— У нас принято здоровое, правильное и сбалансированное питание, — гордо заявила девушка и демонстративно захрустела листом консервированного салата.

— Угу, угу. Я помню, как ты в первый день мясо наворачивала, — «согласился» Костин.

— Тогда я была не в себе.

— Да бога ради, я что, против? Мне больше достанется, — усмехнулся лейтенант, гладя, как шевельнулись непроизвольно ноздри сотрапезницы. Еще бы, балык из калуги*, пошедший на следующий бутерброд, пах одуряюще вкусно. — Только имей в виду, у нас не слишком доверяют вегетарианцам.

— Это еще почему?

— Да так, на всякий случай, по старой памяти.

— То есть?

— Ну, Гитлер был вегетарианцем. Получается, отсутствие мяса в пище может толкнуть даже неглупого человека на нехорошие идеи.

Костин откровенно посмеивался, но девушка, к русскому юмору непривычная, этого не понимала и вспыхнула моментально. Она вообще на удивление легко краснела.

— Я не вегетарианка.

— А я тебя ни в чем и не обвиняю. Но то, что ты отказываешься...

— Я. Не. Вегетарианка.

---

* Дальневосточная рыба семейства осетровых.

— Докажи, — с трудом сдерживая готовый вырваться наружу смех, лейтенант обвел рукой стол. А было на нем много чего. — Вам приготовить, девушка, али сами?

— А вот приготовь.

— Да и пожалуйста.

Спустя минуту Каталина со смесью оторопи и обреченности разглядывала гигантский бутерброд, составленный из десятка слоев разносортных деликатесов. Потом вздохнула, на сей раз в открытую, подняла жалобные глаза, но, убедившись, что толстокожего Костина этим не проймешь, решительно вгрызлась в шедевр мужского кулинарного творчества. Ну и ладно, хотя бы не будет ночью, когда думает, что никто ее не видит, тишком к холодильнику бегать.

Надо сказать, на этот раз он перестарался. Доедала его творение девушка уже отдуваясь — великоват, а бросить жалко, вряд ли такой набор вкусностей ей приходилось часто не то что есть — видеть. Все же в Европейской Ассоциации военные, это Костин знал точно, элитой общества не считались и особо высоким жалованьем похвастаться не могли. Сколько у них стоит такой бутерброд, оставалось лишь гадать, но, как предполагал лейтенант, сделать его можно не во всяком ресторане. Ингредиентов не хватит, во всяком случае, в тех заведениях, куда могло заносить Каталину.

— Ну что, повторим?

— Не влезет...

А голос-то, голос-то сожалеющий. Ну, будем считать, одна точка воздействия найдена, вкусно поесть она точно любит.

— Как знаешь. И, если что, ночью к холодильнику иди открыто, не крадись — у тебя все равно громко получается.

Ай, молодца, как опять вспыхнула. Честно говоря, Костину даже понравилось слегка ее поддразнивать.

— И не думала даже.

— Ну, я твои мысли не читаю, так, на всякий случай предупреждаю. Женщина должна быть сытой и довольной, воздержание ей вредно во всех смыслах.

Ого! А он и не предполагал, что можно краснеть еще сильнее. И что он, спрашивается, такого сказал? То ли она в пуританском обществе росла, то ли просто моложе, чем кажется. А он, кстати, ее возрастом и не поинтересовался даже, решил, что ровесники...

— И что для этого надо, по-твоему, делать? — поинтересовалась Каталина, справившись в очередной (интересно, который уже) раз со смущением. Получалось это у нее так потешно, что Костин вновь не удержался:

— Удовлетворять. Опять же, во всех смыслах.

— Да ты псих!

— Вполне возможно, — Костин налил себе кофе и с удовольствием, маленьками глотками, принялся его потреблять, жмурясь, как сытый кот.

— То есть? — удивленно спросила Каталина.

— Ну, видишь ли, одиночные рейды всегда дают колоссальную нагрузку, и физическую, и психологическую. Так, во всяком случае, утверждают наши врачи, а эскулапы свое дело знают. Поэтому пилоты-одиночки, вроде меня, без крайней нужды отправляются в полет не больше чем на месяц. Ну, тут голая физиология. Извини за такие подробности, но слишком долго без бабы вредно, да и просто устаешь. Далее. Раз в год — обязательные два месяца реабилитации. Ну и перед каждым рейдом проверка. Но здесь ведь как получилось. У меня реабилитация должна начаться как раз после этого полета. А медосвиде-

тельствование перед стартом я пройти банально не успел — отправлялся-то в спешке. Так что наличие определенных сдвигов я не исключаю. Еще вопросы?

— Э-э-э... Насчет женщин. А вас за это разве не наказывают?

— За что? — удивленно поднял брови Костин. — Я — человек, а не эпический герой средневековых баллад. Годами совершать подвиги в честь прекрасной дамы, зарабатывая при этом простатит, не собираюсь. Мне здоровье важнее. А вашим что, запрещено?

— Ну... да.

— Официально или нет?

— Нормами морали, — вскинулась Каталина, явно намеренная отстаивать постулаты о преимуществах европейского образа жизни.

— И как, помогает? — сочувственно спросил лейтенант. Девушка замялась, но потом все же честно ответила:

— Не очень.

— И ничего удивительного. Прости за цинизм, но солдат, если он хочет оставаться здоровым физически и морально, должен есть, пить... иногда что-то покрепче кофе, спать, в том числе и с женщинами, получать нормальное медицинское обслуживание, быть уверенным в завтрашнем дне и еще кучу всего. А нормы морали у вас, как мне кажется, направлены больше на то, чтобы иметь крючок, за который случись нужда, можно зацепить любого. Цинично, но ты хотела мое мнение — и вот тебе оно.

Каталина, может быть, и возразила бы чего, но как раз в этот момент ее прервал сигнал о расшифровке нового и, можно не сомневаться, ценного указания командования. А лейтенант соответственно с некоторым даже облегчением (мало ли, куда он заведет)

прервал разговор и изучил сей ценный документ. Ну что же, ожидаемо.

- Возвращаемся.
- В империю?
- Нет, к планете. Приказ выяснить, откуда идут конвой.
- А разве...

Ну да, сказала — и осеклась. Естественно, о том, куда ведет проложенная в гипере трасса, узнать сложно, но можно. Только она не подозревала, что на борту «Стилета» имеется соответствующая аппаратура. Испанская-то куда более громоздкая, ее и на эсминец не впихнуть.

- Может, конечно. Но придется постараться.

Он и старался почти трое суток, успев засечь пять конвоев и исследовав три точки выхода из гипера. Увы, здесь время работало против разведчика, с его аппаратурой отследить курс в гиперпространстве можно было лишь в течение нескольких часов после выхода кораблей. Не успел — жди следующего шанса, след в гипере — слишком короткоживущая субстанция. Впрочем, и трех исследованных трасс было вполне достаточно. Оставалось передать информацию, и... и в этот момент их, наконец, обнаружили.

Как это произошло и в чем он допустил ошибку, Костин так и не понял, но когда радары засекли атакующие истребители, отреагировал мгновенно. Это его и спасло. Системы подавления «Стилета» без усилий нейтрализовали головки самонаведения выпущенных по кораблю ракет, но уклониться от одной из них он успел только в самый последний момент. Случайность, конечно, но их траектории пересекались, а с головкой или без эта дура врезала бы так, что мало не покажется.

Следующие несколько минут ему оставалось лишь благодарить ангела-хранителя за то, что внешние антенны находились в сложенном состоянии, иначе на каком-нибудь особо крутом вираже их сорвало бы ко всем чертям. «Стилет» вертелся, как уж на сковородке, уходя от атак, а обозленные первой неудачей «харрикейны» пытались залить ему в хвост, стреляя из всего, что имели.

Удивительно, но мозг, словно отстранившись от происходящего, упорно анализировал действия противников, и очень скоро Костин понял — не все так страшно, как выглядит на первый взгляд. Шестерка истребителей, два полных звена, гарантировано валили одиночный рейдер походя, однако этого до сих пор не произошло. И причина была ясна. За штурвалами сидели не военные. Там были люди, умеющие летать, стрелять, и... и, в общем-то, все. Летать, стрелять — но не воевать. А потому шансы все же были.

Разворот, еще разворот, еще... Рейдер отработал тормозными двигателями, резко, на пределе возможного, сбрасывая ход. Простейший прием, но очередной охотник за чужими головами не успевает отреагировать и проскакивает вперед, аккурат в прицел носовых орудий. Вспышка взрыва — и на месте, где только что находилась изящно-стримительная машина, остается лишь быстро рассеивающееся облако перетертого в пыль металла, но Костин не видит, ему не до того. Рывок двигателями враздрай, и неуклюжий на вид рейдер послушно разворачивается «на пятке», становясь лоб в лоб с остальными противниками. Трое отставших вспугнутыми птицами шарахаются прочь, еще один пытается развернуться, но — по правилам, написанным не для военных. Слишком медленно, слишком плавно, как раз чтобы

словить ракету и разлететься по космосу огненными брызгами. Последний же и вовсе ничего не успевает, то ли впадая в панику, то ли банально не имея нужных рефлексов. Несется вперед, словно неуправляемый снаряд, и Костин бьет в него всем, чем может, чтобы просто избежать столкновения.

Зрелище вышло эффектное. Истребитель словно наткнулся на невидимую стену и, прежде чем машина взорвалась, Костин будто в замедленной съемке видел, как сминаются ажурные конструкции, разлетаются в стороны оторванные крылья, а корпус сплющивается в тонкий, словно бумага, лист. А потом вспышка, и некоторое время перед глазами плавают разноцветные круги, но это уже неважно. Уцелевшие противники удирают прочь, и по спектру выхлопа ясно, что двигатели работают на форсаже.

— Ур-роды, — хрипло выдохнул лейтенант, разворачивая корабль. Из угла рубки раздался согласный хрип — это уже Каталина, едва не размазанная перегрузками по переборке. Хорошо еще, пристегнута была. — Живая?

— Да-да, — прозвучало это как-то неуверенно.
— Вот и ладненько. Делаем ноги, да поскорее.

А то вернутся с подмогой, и мало нам не покажется.

Сказано — сделано. Рейдер, словно почуявшая шпоры лошадь, рванул прочь от места боя, и Костин, включив автопилот, откинулся в кресле. Рубашка была мокрая насквозь, мерзко воняя потом, но снимать ее не было сил. Сзади все еще хриплым голосом обозначила свое присутствие Каталина:

— Кто это был?
— Не знаю. Но воевать они не умеют.
— А ты, как я вижу, умеешь, — прозвучало это довольно скептически. — Я думала, все, конец.

— Ты недалека от истины. Для меня это тоже первый бой.

— Как так?

— Да просто. В рейдах я бывал не раз, но для кораблей вроде моего вступить в бой — это грубейшая ошибка. Будь противники поопытнее, нас размазали бы в блин.

— Я это и сама поняла, — судя по тону, ложь от первого до последнего слова. Показывает характер девочки — ну и пусть ее. — Что дальше?

— Уйдем как можно дальше и осмотримся, иных вариантов нет. А там... Там видно будет.

Пять часов спустя, осматривая корабль, лейтенант пришел к выводу, что вселенная явно появилась не просто так. Вначале было Слово. И, если судить по результату, неприличное. Во всяком случае чем еще объяснить такое невезенье? «Стилет» получил в бою четыре попадания, и при этом два, что называется, в яблочко. Антенна дальней связи — в ключья, в камере стабилизации гиперпривода — дыра в кулак величиной. Ни то, ни другое не ремонтируется в принципе, только менять, и делать это надо в доке. Рейдер, не получив повреждений, угрожающих собственно его существованию, онемел и охромел, разом потеряв возможность передачи информации командованию. Примерно это лейтенант и озвучил Каталине, с трудом удержавшись от пары сочных эпитетов.

Девушка промолчала. Угу, нет бы морально поддержать, что ли... Плюнув мысленно, Костин ушел под душ, смывать трудовой пот — ползать в неудобном скафандре по обшивке, накладывая заплатки на пробоины, удовольствие ниже среднего, и даже в невесомости труд тяжкий. Острые, будто иголки, струи

воды смывали, растворяли усталость, и такой способ релаксации в походе был, пожалуй, одним из лучших. Вот только, увы, недолгим, да и размеры кабинки, в которой было невозможно повернуться, чего-нибудь не задев, изрядно смазывали впечатление.

Когда он, в окружении облака пара, выбрался наружу, его ждал обед. Ну надо же, впервые, пожалуй, с момента своего появления на борту корабля Каталина занялась хозяйством. Не так и плохо, кстати, занялась, хотя вкус блюд, на взгляд лейтенанта, был непривычным. Впрочем, его это не напрягало — за свою жизнь приходилось пробовать разную еду, в том числе и весьма экзотическую.

— Что планируешь делать дальше? — Каталина с трудом дождалась, когда он доест. Откровенно говоря, она пыталась пару раз заговорить, но Костин ее останавливал. Для разговора за едой, как учил его отец, требуется или настроение, или необходимость, иначе только испортишь вкус. Отец до сих пор оставался для лейтенанта авторитетом, если и не непрекаемым, то уж точно весомым, а раз так, стоило последовать совету. Тем более, настроения не было, да и острой необходимости тоже. От возможных преследователей они наверняка оторвались, и повода для спешки Костин не наблюдал.

— Ничего, — пожал он плечами и, видя удивленные глаза девушки, пояснил: — Пройдет время контрольного сеанса связи, потом резервное время, а потом сюда придет другой корабль.

— Скоро?

— Ну, сейчас посчитаем. Готовить его начнут сразу после того, как мы пропустим первый сеанс. Вероятнее всего, возьмут один из стоящих в оперативной готовности. На нашей базе сейчас таких три — два

корвета и эсминец. Корветы не пошлют — информации, которую мы уже передали, достаточно, чтобы понять, они здесь бесполезны и чрезмерно уязвимы. Подошел бы фрегат, но сейчас их под рукой просто нет, а брать из основного состава — так это двое суток на подготовку, как минимум. Стало быть, эсминец. Ему сюда прорваться дня три, не меньше. Стало быть, помочь появится в срок от семи до десяти дней. И не факт, что мы выйдем с ним на контакт сразу, скорее уж, наоборот. Все же он будет задействовать все системы маскировки. Так что ориентируйся на то, что тебе придется терпеть мое общество недели две примерно.

А мне потом чувствовать, что новые погоны я ношу не по праву, добавил он про себя. Медведь их не зажмет, разумеется, да и сделать мы успели не так уж мало, но себя-то не обманешь. Покалеченный корабль — ошибка капитана, и не одна. Вначале позволил себя обнаружить, потом не сразу разбрался, с какими противниками имел дело. В общем, паршиво.

Каталина думала, очевидно, так же, но по другой причине. Впрочем, ее мотивы были на поверхности. Две недели делить каюту с озабоченным мужиком (а она Костина наверняка считает именно таким, спасибо и его доморощенной «психотерапии», и европейской системе воспитания), в то время как на планете гибнут ее, Каталины, соотечественники.

Наверняка гибнут, поскольку, судя по поведению врага, Малая Севилья полностью под их контролем. Ни одна оккупация без жертв не обходится, это можно сказать точно, а значит, крови хватает. В такой ситуации начинаешь чувствовать определенный дискомфорт. Сам Костин чувствовал бы наверня-

ка, а девчонка, как он уже успел определить, в этом плане мало от него отличалась. Это не вполне соответствовало его представлениям о том, как ведут себя европейские женщины, да и мужчины тоже. По мнению Костина, да и вообще большинства тех, кого он знал, вся нехитрая психология европейцев сводилась к простому «умри ты сегодня, а я завтра», но, возможно, ему встретилась не вполне типичная их представительница? Или, может, это его представление о них не соответствует истине? Равновероятно, пожалуй.

Две недели — это как раз тот минимум, который необходим человечеству в лице русского адмирала для того, чтобы разобраться в ситуации. Что будет потом, вообще неясно. Притом что на своих надежды мало — прошла уже куча времени, но ни испанских, ни французских, ни каких-либо еще кораблей здесь так и не появилось. Выводы? А вот это будет интересно, какие выводы она сделает, что за идеи возникнут в этой очаровательной головке и как она попытается сподвигнуть сурогата русского парня претворить их в жизнь. Так что Костин откинулся на спинку дивана и, полуоткрыв глаза, начал ожидать продолжения разговора.

А девушка молчала. Минуту, две, десять... Только барабанила пальцами по столу. Кого другого это бы раздражало, но Костину было все равно. Нервы слабые не у того, кто в задумчивости выбивает пальцами дробь, а у того, кого это выводит из себя. Те же, кто летает на малых рейдерах, люди априори спокойные, даже флегматичные, другим в одиночном полете слишком тяжело.

Каталина заговорила, когда лейтенант уже потерял надежду услышать что-то осмысленное и начал

тихонько задремывать. То ли молчать надоело, то ли решила, что сделала уже достаточную паузу. А может, и впрямь только-только в голову мысль пришла, кто знает.

- Я знаю, как отправить сообщение.
- Вот как? Слушаю тебя внематочно.
- Что?
- Внимательно. Это я оговорился.

Каталина дернула щекой, но смолчала. Вместо этого встала, тронула рукой сенсор и зажгла над столом голографическую карту системы. С теми немногими системами, к которым у нее был здесь доступ, она уже освоилась и управлялась вполне уверенно. Легкими движениями пальцев покрутив карту, она наконец выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, ракурс и вновь коснулась клавиатуры, на сей раз куда аккуратнее. Зажглась крошечная голубая точка, замигала... Не так и далеко, кстати.

- Резервный флотский ретранслятор. Мы сможем к нему подключиться?
- Думаю, да. Если знаешь код, разумеется.
- Не знаю.
- Придется порыться в нашей базе данных. Или взломать, это дольше, — Костин задумался. — Штука наверняка секретная, а?
- Я — штурман, — сухо ответила девушка. — Имею доступ к картам любого местного уровня. Под подписку о неразглашении, конечно, но, думаю, на это сейчас можно наплевать и забыть.
- Понятно. А почему расположили так близко к центру системы?
- Не знаю, меня это не касалось. Это как-то меняет дело?

— Не то чтобы... Просто так у противника больше шансов нас обнаружить, а они ведь один раз уже как-то сделали это.

Они вновь замолчали. Костин потому, что уже принял решение, Каталина... Ну, она, скорее всего, думала, как убедить его. В конце концов, не факт, что русские вмешаются, но если это произойдет, то результат гарантирован. Малыми группами имперский флот обычно не работает, а значит, сюда придет ударная эскадра, и кем бы ни был враг, ему не поздоровится. Орудийные башни линкоров в два счета способны вбить в голову любого: с империей конфликтовать смертельно опасно. И шанс, что имперцы вмешаются, намного лучше, чем гарантированное невмешательство европейских государств. Она это понимала, а Костин понимал, что она понимает. Такой вот каламбур. А потом Каталина сказала:

— Прости. Мне нечего тебе дать, нечего пообещать, нечем убедить. Заставить... не хватит сил. Поступай, как знаешь...

Шесть часов спустя. Резервный стационарный ретранслятор испанского флота

Убить бы кого-нибудь, с тоской думал Костин, разглядывая бултыхающуюся в пустоте конструкцию. С особым цинизмом убить за такой вот авангардизм. Уроды...

Почему ретранслятор находился здесь, а не в паре световых часов дальше, он понял с первого взгляда. Тот, кто создавал эту конструкцию, старался совместить в одном флаконе цену и возможности. И, разумеется, не преуспел.

Ничего удивительного в этом, кстати, не было. Хорошие антенны дальней связи производились

в Российской империи и в Альянсе. Янки были традиционно чуть сильнее в элементной базе, русские — в умении выжать максимум из имеющегося оборудования. Результаты выходили схожие, при аналогичных возможностях аппаратура Альянса была ненамного, процентов на десять—пятнадцать, компактнее, имперская — заметно дешевле. Все остальные, даже Британское Содружество, как правило, закупали аппаратуру у лидеров и тихо завидовали им.

Но, что вполне логично, грамотные военные хотят получать технику отечественного производства. Хотя бы потому, что в этом случае могут быть уверены — никто в нее без спросу не залезет и что не надо не подслушает. В эпоху высоких технологий весьма спорные постулаты, но, тем не менее, это хоть какой-то шанс. Неудивительно, что европейцы, тоже обладающие необходимыми технологиями, периодически пробовали делать антенны собственной конструкции. Выходило дорого и не очень надежно, хотя, конечно, работало, куда ж оно денется.

Те, кто создавал данный конкретный ретранслятор, выбрали для себя именно европейскую продукцию. Учитывая, что Испания — это все же Европа, логика в таком выборе имелась. Но, так как руки, скажем, немецкого рабочего стоят очень немало, даже если он держит их в карманах, то и оборудование получалось чересчур дорогим. И чтобы вписаться в бюджет, требовалось искать модели подешевле, за счет характеристик, разумеется. Вот и получилось то, что получилось — конструкция, стоящая дороже аналогов из того же Альянса, и обладающая при этом весьма скромными возможностями. Если по-простому, ее разместили здесь, над плоскостью эклиптики, потому, что с более удаленной точки она до планеты по-

просту не добивала. Для резервной станции, может, и пойдет, но все равно Костины она категорически не нравилась.

Одно хорошо — взломать ее и впрямь оказалось довольно просто. Европейцы традиционно считали, что все, сделанное ими, самое-самое. Имперцы на это бахвальство лишь пожимали плечами и молча работали. Службы технической и электронной разведки у них были сильные, и неудивительно, что в базе данных «Стилета», в длиннющем списке паролей, нашелся и тот, что давал доступ к местной аппаратуре связи. Час работы — и информация ушла. Теперь оставалось только ждать.

Отведя корабль от ретранслятора, Костин включил автопилот. Программа, заложенная в него, была сейчас проста и недвусмысленна — достичь крайней точки, в которой можно вести стабильный обмен данными, и лечь в дрейф. Чем дальше — тем меньше шансов, что их обнаружат, все просто. Космос велик, и найти в нем маленький... да хоть бы и большой корабль, не зная его траектории, намного сложнее, чем пресловутую иголку в стоге сена. Там хоть стог можно сжечь, здесь же и это недоступно. Космос лишь посмеется над потугами людей и в очередной раз прикроет шкатулку с тайнами.

— Ну, как? — Каталина заканчивала сервировать стол. Это, конечно, громко сказано, все же небьющиеся тарелки и алюминиевые вилки далеки от фарфора и серебра дорогих ресторанов, но и то хлеб. Когда она взяла на себя заботу о готовке и уборке, ненавидевшему возню на камбузе Костины жить стало заметно комфортнее.

— Порядок, — лейтенант плюхнулся на диван, потер слегка ноющие виски. — Пришлось малость пово-

зиться, но тут больше нервов тратишь, чем сил. Дурацкая конструкция, дурацкая система... Вот чес-слово, если б нужда не заставила, близко бы не подлетел.

Каталина промолчала, хотя ее наверняка обидело такое пренебрежение к достижениям родной страны. А может, и нет — Костин не слишком разбирался в национальной психологии жителей соседних государств. Во всяком случае, недостаточно, чтобы уверенно оперировать столь тонкими материями, как эмоции, а на лице девушки не дрогнул ни один мускул. Владела она собой, когда надо, очень неплохо, а обида, если она даже была, явно не проходила по разряду смертельных.

Увы, пообедать им в этот раз было не суждено. Едва лейтенант вооружился ложкой, как истошно, на весь корабль, заголосила сирена, и следующее его воспоминание было, когда он сидел уже в рубке, на-глухо пристегнутый к пилотскому креслу. Рефлексы сработали быстрее сознания, бывает. Впрочем, в тот момент он об этом не задумывался, потому что банально не было времени. За рейдер взялись, и на этот раз всерьез.

Кроме истребителей, на «Стилет» надвигалось два корабля покрупнее. Корветы, причем не такие уж и старые, тип «Киплинг», производства, опять же, Британского Содружества. В Содружестве, правда, этих кораблей не встретишь, но они и не списаны, находятся в консервации. Впрочем, это ни о чем не говорит, такие корветы массово строились на экспорт, дешевые и надежные кораблики пришли по вкусу многим туземным царькам. Ходовые качества у них, разумеется, куда хуже, чем у имперского рейдера, зато огневой мощи, чтобы разделаться со «Стилетом», и одному хватит за глаза.

— Что там? — выдохнула в затылок лейтенанту Каталина. Ее здесь только не хватало. Костин с трудом сдержался, чтобы не послать девушку куда подальше, рыкнул только:

— Сядь и пристегнись! Не здесь, в каюте, на аварийном кресле. На этом стульчике тебя размажет, — после чего уже привычно заложил маневр уклонения. Засекли противника вовремя, космос чистый, дистанция позволяет... Сейчас он их, пожалуй удивит.

Действия противника были просты, ясны и логичны. Пять звеньев истребителей — зауважали их, лестно даже — связывают рейдер боем, не давая уйти, а тем временем приближаются корветы и расстреливают незваных гостей с дальней дистанции. Противопоставить им у «Стилета» просто нечего. Вот только есть здесь одно допущение, а именно, что истребители все же быстроходнее малого рейдера. Оно, в принципе, так и есть, но не совсем, и это Костин сейчас решительно продемонстрировал. Вариант, выбранный им, был плох... вот только альтернатив не наблюдалось. Для того, чтобы справиться с рейдером, противнику за глаза хватило бы и истребителей.

Пять минут форсировки двигателей. За это время жаропрочное покрытие отражателей выгорает полностью, но ускорение рейдер при этом имеет запредельное. Буквально расплющенный, вдавленный в пилотское кресло, лейтенант смог еще мысленно хихикнуть, представив себе ошарашенные лица вражеских пилотов. Догнать «Стилет» они уже не смогут. Такой фокус проходит только с малыми рейдерами, энерговооруженность которых за счет излишне мощных реакторов крайне велика. Правда, двигатели после этого превращаются в металлом, но тут уж не до жиру. Да и головы Костин не потерял, успев

остановить двигатели до того, как сработали аварийные блокировки, а значит, сохранив какие-то остатки ресурса. Ничтожные остатки, но и то хлеб. Корабль сохранит ход, пускай частично, и не превратится в вылетевший из системы в никуда практически неуправляемый обломок.

Несколько минут спустя, на полную мощность задействовав системы маскировки и подкорректировав курс, что разом многократно усложняло поиски корабля, Костин прошел в каюту, где обнаружил спутницу. Девушка ожидаемо потеряла сознание от перегрузок, но ничего более серьезного с ней вроде бы не произошло. Откровенно говоря, лейтенант за нее опасался, что для него, уроженца тяжелой планеты, неудобство, кого другого может и убить, однако сейчас был явно не тот случай. Каталина — девчонка крепкая, справится. И даже в себя она пришла без нашатыря. Впрочем, в диагноз ее Костин все равно загнал, и тот вколов Каталине порцию чего-то общеукрепляющего, но в целом она легко отделалась и даже аппетит не потеряла, хотя готовить пришлось по новой, все оставленное на столе размазалось сейчас по переборке тонкими, неопрятными кляксами, которые предстояло еще оттирать. Костин с некоторым злорадством подумал, что столь почетную обязанность он возложит на пассажирку, но это будет потом. Сейчас же ему требовался отдых. Все же такие нагрузки не проходили бесследно ни для кого.

— Что с нами будет дальше? — спросила Каталина, когда они в полном, даже каком-то гробовом молчании закончили трапезу. Лейтенант приподнял упорно слипающиеся веки, пожал плечами:

— Идем к Малой Севилье, другого нам не остается.

— Почему?

— Потому что находиться в космосе дальше бесполезно. Ретранслятор разрушен, это я успел зафиксировать. А если нас найдут, то уйти уже не получится. На планете же мы затеряемся, для посадки ресурса двигателей еще хватит. Там нас поймать будет куда сложнее, в кислородной атмосфере, на слабо населенной, имеющей развитую и съедобную флору-фауну планете держаться можно неограниченно долго. Глядишь, и варианты какие-нибудь подвернутся.

— Ты считаешь, найдут?

— Если находили два раза, найдут и в третий. Не знаю, правда, как. Для того, чтобы отследить наш корабль, требуется аппаратура достаточно высокого класса. Возможно, они засекли передачу... Нет, для этого необходимо оборудование еще более серьезное. В любом случае, оно не соответствует затрапезному виду их кораблей. Кто-то играется с технологиями, на несколько поколений превосходящими эти несчастные корветы. Так что надо попытаться этот момент прояснить. Впрочем, если мы просто выживем, будет уже неплохо.

А еще, подумал он про себя, узнаем о том, что творится, изнутри. Эти сведения лишними не будут. Вряд ли удастся найти возможность отправить их по гиперсвязи, но рано или поздно сюда придут имперские корабли. Для них информация точно лишней не будет. Задание надо выполнить, пускай даже в таком, видоизмененном варианте. Жаль только, что его, лейтенанта Костина, разведывательным действиям на планете практически не учили, он космонавт, а не спецназовец. Но тебе, девочка, знать о том, что мы сознательно лезем в пасть дракону вместо того, чтобы

отсидеться, не стоит. Мало ли что. Лучше думай, что у нас нет иного выхода.

Каталина открыла было рот, собираясь что-то возразить, но потом раздумала и лишь кивнула. Похоже, несмотря на свою эмансипированность, которую она время от времени демонстративно подчеркивала, девушка уже окончательно привыкла к мысли, что командует здесь не она. И вообще, что раз уж Костин вытаскивает ее из неприятностей раз за разом, то пусть и дальше этим занимается. Типично женский ход мыслей, лейтенант с трудом подавил улыбку. Эх, кто бы его сейчас вытащил...

Он посмотрел на часы. Если все рассчитано правильно, то по инерции лететь не так и долго, они хорошо разогнались. Впрочем, нет, ошибиться штурману и пилоту такого класса, как он, довольно сложно. А значит, подготовиться к высадке стоит уже сейчас. Костин вздохнул, зажег голограммическую карту планеты:

- Так, теперь рассказывай все, что знаешь.
- В смысле?
- У меня мало информации, — терпеливо, как маленькой, объяснил девушке Костин. — Ваша планета на задворках цивилизованного мира, нам она до недавнего времени была абсолютно неинтересна. Соответственно, и данные по ней собирались постольку-поскольку. Сведения общего плана у меня есть, но не более того. А мне сейчас надо понять, где лучше высадиться. Ты, конечно, тоже знаешь немного, но это лучше, чем ничего, так что начинай вспоминать, и как можно подробнее.

- Хорошо, сейчас, только... Тебе не кажется, что твое пребывание на планете будет не более законным, чем у этих...

Она замялась, подбирая слово, чтоб и приличное, и отражало ее отношение к тем, кто их уже дважды (а лично ее так и трижды) едва не угробил. Впрочем, Костин понял без слов.

— Чтобы побывать на любой из ваших планет, мне не требуется гостевая виза. Надо будет, зайду в канцелярию, получу оккупационную. Шутка. Не переживай так, это мои проблемы.

Девушка посмотрела на него, видимо, стараясь понять, где в его словах настоящая шутка, а где они честны и правдивы. Увы, задача оказалась для нее явно непосильной, а потому Каталина лишь вздохнула и начала рассказывать. Ну а Костин соответственно слушал, запоминал и делал пометки карандашом. Так, на всякий случай.

Через пять часов. Планета Малая Севилья

Рейдер вошел в атмосферу с ревом, от которого, казалось, готовы были лопнуть барабанные перепонки. Корабельная броня оказалась слабой защитой от этой напасти, что явилось для Костина неожиданностью. Впрочем, ему еще никогда не приходилось сажать корабль по такой вот самоубийственной на первый взгляд траектории.

Если верить голограммиям, здесь сейчас должно было быть достаточно красиво. Из космоса планета выглядела нежно-зеленой, с пеной облаков, но на линии терминатора, по границе которой и скользил «Стилет», местное светило окрашивало ее миллионами радуг. Сюда бы туристов возить... Увы, Костин не мог полюбоваться на такое, безусловно, впечатляющее зрелище. Он сидел за штурвалом, управляя кораблем, а сам рейдер, окруженный плазменным

облаком, больше всего напоминал сейчас огненный болид. Не видно было ничего, ни изнутри, ни снаружи, только сплошное ярко-оранжевое пламя. Сажать его приходилось по приборам, и утешали лейтенанта лишь два обстоятельства: во-первых, был неплохой шанс, что их за болид и примут, а во-вторых, если он справится и останется жив, то местными восходами-закатами еще полюбуется, и притом совершенно бесплатно. Оставалось только сесть, что, с учетом окончательно сдохших двигателей, с одними только аэродинамическими рулями, выглядело задачкой не для слабонервных.

Как ни странно, подобраться к планете незамеченными оказалось легко. Все же Малая Севилья была колонией отдаленной и, как следствие, отсталой. Изначально здесь не было полноценной системы наблюдения за дальним космосом. Позже, когда военные решили немного укрепить систему и прислали сюда «Конкистадор», эту проблему пытались решить, но, опять же, бюджетным путем. Разворачивать мощные радары на планете никто не стал. Зачем? Орбитальные платформы обходятся дешевле. Вот только когда рухнула оборона, на вернулась и радарная сеть. Часть спутников была уничтожена атакующими, часть просто перестала функционировать, причем еще раньше. Центром управления спутниковой группировкой служил все тот же исполняющий обязанности орбитальной крепости звездолет, и после его уничтожения сеть распалась, перестав обмениваться данными с кем-либо. Пройдет не так много времени, может, буквально два-три дня, и у этих спутников появится новый хозяин, но пока что они были ничего не значащим металлом.

Вот так и получилось, что нормальной системы наблюдения на планете сейчас не было. Конечно, оставались еще и расположившиеся на орбите корабли, но они кучковались в строго определенных точках, и происходящее вокруг их, похоже, не интересовало вовсе. Во всяком случае, датчики «Стилета» ни разу не зафиксировали облучение чужими радарами. Конечно, рейдер действовал все доступные ему системы маскировки, но у Костина создалось твердое впечатление, что, случись нужда, он справился бы и без них.

Проскочив мимо орбитальных сил, корабль нырнул в атмосферу. Не совсем там, правда, где планировалось — двигатели отказали очень не вовремя, причем и маршевые, и маневровые, и даже тормозные. И если с первыми все было понятно и ожидаемо, то остальные вырубились внезапно, без предупреждения. Очевидно, при аварийном сигнале с маршевых двигателей сработала аварийная блокировка, глушащая все и сразу. В космосе не опасно, перезагрузка системы заняла бы от силы две минуты, но как раз сейчас этих минут не было. Приходилось садиться на том, что есть, фактически падать, и выживут ли они, зависело только от мастерства пилота.

Мастерства хватило только на мягкую посадку. До точки, где они планировали сесть, корабль не дотянул километров двести и, подобно гигантскому плугу, распахал поверхность какого-то наполовину высокого болота. Хорошо так вспахал, борозда осталась длиной метров пятьсот, не меньше. Какие-то местные деревья, тонкостольные и хилые, переломало, как спички, и расшвыряло в стороны. Все, что крепилось вне корабельной брони и не сгорело, оказалось сорвано. В один миг «Стилет» превратился из боевого

звездолета в искореженную жестянку, но дело свое он сделал, доставив экипаж до места живым и здоровым.

— Ты как, живая? — спросил Костин, выбирайся из кресла. Все тело было противно липким от пота, но он заставил себя не обращать внимания на мелкие неудобства.

— Пока не знаю, — ответствовал ему задумчивый голос. — Однако возможности такой все же не исключаю.

— Шутишь? Это просто замечательно. Пока мы способны шутить, нам ничего не страшно. Давай, приходи в себя, я начинаю охлаждать корпус. Минут пятнадцать на приведение себя в порядок, и будем выбираться.

Спустя четверть часа они уже стояло возле все еще дымящейся туши корабля и обозревали окрестности. Пока было тихо, и оставался шанс, что их не обнаружили, однако куда вероятнее, что к месту падения еще просто не успели никого отправить. Тем более, до ночи осталось всего ничего, так что, может статься, не будут зря рисковать и отправят поисковую группу утром. И все равно обнаружат, рано или поздно, не разглядеть с воздуха оплавленную борозду, оставленную кораблем, мог разве что слепой. А значит, надо было убираться. Трясины здесь не было, и след быстро не скроется, да и вообще, как ни маскируй, захотят — найдут, металлодетекторами хотя бы.

— Посиди под кустиками, дух переведи, — приказал Костин девушке. Каталина упрямо тряхнула головой:

— Я помогу.

— Сиди, приходи в себя, — Костин подпустил в голос немного металла. Помощь сейчас ему и в самом деле не требовалась, Каталина будет только

путаться под ногами. Да и вообще, толку от нее... После этой веселой посадки она побледнела так, что веснушки, раньше едва заметные, теперь сияли на лице, будто звезды. И синяки под глазами налились. Нет, все же женщинам на боевых кораблях сложно. — Мне дел на пять минут.

Каталина все-таки попыталась что-то возразить, но тут ее ощутимо шатнуло, да так, что она потеряла равновесие и с размаху села на кучу сухого желтого мха. Вот так, будешь слушаться старших. И по возрасту, и по званию, подумал Костин и полез обратно в корабль, чтобы и впрямь выбраться наружу буквально через обещанные пять минут.

А куда дольше-то? Все, что нужно для экстренной эвакуации, они собрали заранее. Вещмешки получились тяжелыми и объемными, но тут ничего страшного, Костин и сам не слабенький, Каталина тоже вроде как офицер, а значит, физически подготовлена. Да и не своими ногами они вначале это потащат — боевой скафандр имеет собственные псевдомышцы, а значит, несколько часов запредельной для обычного пешехода мобильности у беглецов есть. Оставалось задраить за собой люк и заблокировать его, чтобы никто не залез без спросу. Все, броневая плита встала на место, и негромкий звук входящих в пазы засовов нагло отсек людей от прошлого.

— Ты прости, — шепотом пробормотал он, положив руку на теплую броню. — Я вернусь. Я обязательно вернусь...

И, спрыгнув вниз, по колено проваливаясь в грязь, зашагал к Каталине.

Вообще-то, не таким уж самоуспокоением были его слова. Корабль вполне подлежал восстановлению, силовой набор уцелел, а значит, все остальное —

вопрос не самого даже большого ремонта. Главное, чтобы те, кто заявится сюда до того, как придет имперский флот (а он придет, к бабке не ходи, на планету командованию плевать, но вытаскивать пропавшего пилота будут), не попытались его вскрыть. Вряд ли получится, для этого «Стилет» придется, как минимум, перетащить в порт, где есть соответствующие мощности, что само по себе выльется в достаточно сложную операцию, но ведь от великого ума могут пальнуть из орудия или подорвать. И тогда все, при разрушении корпуса сработает самоликвидатор, он, Костин, сам его настроил. Взрыв же реактора оставит здесь немалую воронку, навсегда похоронив те немногие имперские секреты, что можно извлечь из рэйдера. Так что лучше уж пускай местные кадры поостерегутся, самим же для здоровья полезнее.

Каталина при его приближении встала. На ногах она уже держалась куда увереннее, но видно было, что виной тому не хорошее самочувствие, а сила воли. Лейтенант походя сгреб ее за талию, и, прежде чем она успела испуганно пискнуть, забросил ее на плечи. Так что писк, как-то весьма органично перешедший в возмущенный рык, прогремел уже оттуда:

— Что ты себе позволяешь?
— Обеспечиваю скорость перемещения, — небрежно отозвался Костин. — Ты там поудобнее устраивайся и береги глаза — я от веток уворачиваться не буду.

Каталина вновь выдала что-то неразборчиво-возмущенное, но сопротивляться не стала. Понимала, видать, что лейтенант прав. Так что уселась ему на плечи верхом, поерзала, устраиваясь поудобнее (Костин посочувствовал ей даже, все же холодный и жесткий металл скафандра не мягкое кресло), и,

судя по движению, едва удержалась от того, чтобы пришпорить «кобылку». Ну, это уже, откровенно говоря, попахивало наглостью, хотя нельзя сказать, что созерцание пары стройных ножек, пускай даже в комбинезоне и тяжелых десантных ботинках, Костину не нравилось. Так и представляешь... гм... Впрочем, сейчас было не до фривольных мыслей, и лейтенант споро затопал по лесу, благо был он достаточно редким, а земля под ногами очень скоро стала твердой и позволила перейти с шага на неспешный, экономящий силы бег.

Он шел по лесу всю ночь. То шагом, то вновь переходя на бег. И лишь к утру осторожно сел и хлопнул Каталину по ноге:

- Все, слезай, приехали.
- А? Что? — зевнула она. Ну ни фига ж себе, она на его горбу еще и заснуть успела! Хотя, может, оно и к лучшему.
- Слезай, говорю, принцесса. Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны.

Недовольно бурча себе под нос, пассажирка слезла, только для того, чтобы увидеть, как ее средство передвижения спешно разоблачается. Ну да, а что вы хотели, батареи скафандра практически разряжены, и, когда они сдохнут окончательно, он превратится в металлическую глыбу, которую не согнешь, не переломишь. Для полного счастья не хватало только в нем застрыть.

Беда этих скафандров — энергообеспечение. Батареи, обеспечивающие функционирование густо зашуршанной на высоких технологиях брони, способны удерживать чрезвычайно высокий заряд и притом компактны — собственно, от них это и требуется. А главный минус в том, что заряд этот держится

ограниченное время, потом, даже если батарею не используешь, она начинает быстро разряжаться. Не успел поменять или выбраться из скафандра — все, придется вырезать тебя автогеном.

Впрочем, лейтенант справился быстро, щелкнул по сенсору, и спустя каких-то пять секунд скафандр сложился в аккуратный куб с гранями не более тридцати сантиметров. Все, режим консервации включен, и вывести из него оборудование сможет только хозяин, то есть он, Костин, и более никто. Правда, к тому времени внутренности скафандра будут изрядно вонять раздевалкой, но включить режим дезинфекции Костин вначале забыл, а потом уже не видел смысла. Да и не факт, что он вернется за скафандром, откровенно говоря, пес его знает, как тут повернется дело.

Обернувшись к Каталине, лейтенант с удивлением обнаружил, что та, вместо того, чтобы, к примеру, приготовить чего-нибудь поесть (а проголодался Костин за время незапланированной пешей прогулки изрядно), стоит, выпучив на него глаза, и лицо у нее ярко-морковного цвета. Лишь через несколько секунд до Костина дошло, что тут дело в его виде. Ну да, в скафандр удобнее всего залезать голышом, так обеспечивается лучший теплообмен, отвод выделений... Если на пять минут, то без разницы, но когда предстоит бег в течение нескольких часов, это становится актуально. Даже инструкция соответствующая имеется, согласно ей Костин и поступил. И меньше всего он ожидал, что вгонит свою попутчицу в шок. Она что, в жизни мужика без трусов не видела? Идиотизм!

— Отвернулась. Пришла в себя. Приготовила пожрать, — нарочито грубо скомандовал лейтенант и, взяв из вещмешка одежду, решительно направился к протекающему метрах в десяти то ли ручью, то ли

маленькой речке. Хотелось смыть пот и усталость, а потому он, не долго думая, бултыхнулся в воду и едва не заорал — она оказалась леденющей. Однако же, флотский гонор заставил его сдержаться, и Костин окунулся с головой, благо глубина позволяла. У-ух! Совсем как в детстве...

Выбранная линия поведения оказалась верной. Когда лейтенант вернулся, лицо Каталины уже приобрело нормальный... ну, почти нормальный цвет, а на земле стояли пакет саморазогревающейся лапши (налейте воды, хоть горячей, хоть холодной, и получите на выходе съедобный и питательный продукт, разница лишь во времени приготовления) и кружка с дымящимся кофе. Ну, это из термоса, еще на корабле сварили. Кивком поблагодарив девушку, лейтенант в один присест разделялся с ранним завтраком и откинулся на удобно торчащий из земли корень какого-то похожего на сосну дерева. Настроение сразу же стало если не радужным, то вполне неплохим.

— Все, отдыхаем. Два часа. Ты спала, теперь моя очередь.

Каталина молча кивнула. Вообще она за все время не произнесла ни слова. Ее дело, ее право, Костину сейчас было все равно. Совершать марш-броски по пересеченной местности он отыск уже давненько, и сейчас ноги гудели и повиновались так, будто хотели выругать хозяина последними словами. Не страшно, но дальше идти будет куда тяжелее.

Два часа. Меньше, чем хотелось бы, но лучше, чем ничего. Костин бросил на землю одеяло из аварийного комплекта, тонкое, почти ничего не весящее, но отлично защищающее от холода и не пропускающее влагу. Лег, закрыл глаза и мгновенно провалился в темноту. И никаких тебе сновидений, усталость

брала свое. Пилотировать корабль, уходить от погони, сажать повреждённый звездолет, а потом бежать по лесу с грузом. Кому как, а Костину на сегодня хватило. И пускай он был намного сильнее обычного человека, без сна обходиться пока что не научился, а садиться на стимуляторы раньше времени не хотел.

Проснулся он так же, как и заснул, рывком, практически мгновенно. Ровно через два часа, это можно было даже не проверять, их учили контролировать время всегда, даже во сне. Потянулся, зевнул и тут же обнаружил, что Каталина, задачей которой было, сжимая в руках пистолет, бдеть, ходить вокруг дозором и никого не пуштать, бессовестно дрыхнет возле соседнего дерева. Привалилась к стволу и сопит в две дырочки. И как это, спрашивается, понимать?

Первым желанием Костина было заорать ей прямо в ухо «Подъем!», а затем устроить разнос, однако, подумав, отказался от этой неплохой, в общем-то, идеи. Жалко стало, только и всего. Девчонке, если вдуматься, досталось в чем-то даже сильнее, он хотя бы крейсер не терял и в гибернаторе не валялся. Ладно, пускай спит. Полчаса, а потом надо идти дальше.

Когда он тряхнул девушку за плечо, та проснулась не сразу. Пробормотала что-то, попыталась перевернуться на бок, но Костин не собирался торчать здесь неизвестно сколько, дожидаясь неприятностей.

— Вставай давай, хорош дрыхнуть.

Получилось в очередной раз грубо, зато действительно. Каталина открыла наконец глаза, хлопнула пару раз длиннющими ресницами и, сообразив, что произошло, ойкнула. Костин пожал плечами и отошел, читать нотации он не собирался. Просто сделал выводы, и все. Балласт...

Надо сказать, Каталина, когда он ее все же разбудил, выглядела пристыженной. Офицер, феменистка, а тут такое! Впрочем, на аппетите ее это не сказалось, слопала все, вздохнула с сожалением, но добавки не попросила. А зря, Костин дал бы, сухих пайков он прихватил с избытком. Однако же и предлагать не стал. Взрослый человек, пускай сама решает, чего и сколько ей надо, а пока мешки на плечи — и вперед!

Каталина Мартинес

Она лежала на невысокой, но удивительно мягкой траве, приятно щекочущей шею и затылок, несмотря на волосы. Да, у нее были длинные волосы. Этого не могло быть, но... но они шелковой волной лежали вокруг. Таких она не носила даже до поступления в летное училище и о таких всегда мечтала. Но, увы, не в их семье...

Девушка лежала на склоне невысокого холмика, увенчанного полусгнившим деревянным крестом, рядом с которым лежал летный шлем. Старый, мягкого типа, такой архаичной формы, что Каталина не могла даже представить, сколько ему лет... или веков? Прочный, не подверженный гниению материал хорошо сохранился, но ей не хотелось присматриваться, что за эмблемы на нем. Она и так это поняла — имперские. Именно так пилоты империи хоронили павших товарищей, если не могли вывезти их тела. Таких могил хватало на разных планетах, и не только в империи. И никто и никогда не решался их трогать.

Внезапное понимание, что она лежит на чужой могиле, почти касаясь головой креста, не испортило Каталине настроения. Почему-то она знала, что тот, кто лежит здесь, не против ее присутствия. В теле

ощущалась удивительная, уже давно, кажется, забытая легкость, и так же легко было на душе. Потом сверху, из ниоткуда, спустилась бумажка на тонкой ниточке. Еще одна, еще... Девушка протянула к ним руку, почувствовала, как мешает движению комбинезон, и раскрыла магнитную застежку до самого плеча, заставив рукав из жесткого полимера распасться на две половинки. Раньше это всегда получалось с усилием, застежку заедало в локте, какой бы комбез она ни носила, а сейчас она словно ждала ее движения, подчинившись легко и как-то даже с удовольствием.

Обнаженной рукой шевелить было куда проще. Каталина протянула руку к ближайшей бумажке, но та вдруг дернулась вверх. Остальные поступали точно так же — стоило протянуть к ним руку, и они подскакивали, вихляясь в воздухе по непредсказуемым траекториям. И от этого на душе стало вдруг невероятно хорошо. Девушка рассмеялась и принялась ловить бумажки, словно играющий котенок, а они плясали перед ней, вставая в невероятный хоровод...

Резкое потряхивание за плечо вырвало Каталину Мартинес из объятий сна. Обычно это происходило мгновенно, навык, вбитый еще дома и закрепленный в училище, но сейчас она просыпалась с трудом, ей просто не хотелось оставлять это чудо. Однако встрийска повторилась, резче и жестче, и девушка смогла заставить себя открыть глаза, ощутить под головой не подушку, ортопедически выверенную, которые полагались офицерам армии Европейской Ассоциации. И не как на имперском корабле, самую обычную, только невероятно мягкую. Просто древесный корень, жесткий, но теплый. А еще она поняла, что

на голове вместо роскошной гривы, которая могла бы быть, сложись ее судьба чуть иначе, все те же коротко постриженные волосы. Она их начала немного отпускать, только когда прибыла на крейсер, благо на застрявшем в глухи корабле всем было на это плевать... А тело хоть и подчиняется, но с легким усилием. Не серьезным, но портящим настроение, потому что ясно — когда она встанет, усталость хлестнет по мышцам уже настоящей болью. Да какого же черта...

— Ой...

Только сейчас Каталина проснулась окончательно и сообразила, где она и что с ней. Проспала! Ее оставили на посту, а она заснула! Да такого с ней в жизни не случалось! Однако так и было, память услужливо напомнила, как она присела «на минуточку», и — все. А сейчас над ней глыбился этот чертов русский, и смотрел так... Жалостливо-пренебрежительно. Так смотрят на мокрого котенка — и подбирать не хочется, и мимо не пройдешь. Впрочем, русский уже отвернулся и отправился к своему разложенному на земле одеялу, на котором исходили паром саморазогревающиеся пайки и ароматно пахло кофе. И ни слова не сказал, ни сразу, ни за завтраком.

Чувство вины плавно переросло в обиду спустя несколько часов. Наверное, ее заело пренебрежение русского, да еще, пожалуй, острое чувство собственной неполноценности, на которое быстро наложилась усталость. Вчера она ехала, сегодня — шла, да еще и с рюкзаком за плечами. А тот, зараза, с каждым шагом все сильнее пригибал девушку к земле. Всеволод же (вот смешное имя) продолжал размеренно шагать вперед, словно машина, раздвигая квадратными плечами ветки, и, похоже, не чувствовал усталости. Мускулы так и перекатываются, их даже традици-

онно-мешковатый покрой комбинезона не скрывает. Русский дикарь, памятник самому себе... В каком инкубаторе их только выращивают?

Споткнувшись о коварно выступающий из земли корень, девушка едва не упала. Точнее, упала бы и наверняка вспахала при этом носом добрый метр земли, но тяжелая рука Всеволода успела схватить ее за шиворот и удержать. Как он, идя впереди, успел заметить, оказаться рядом и подхватить ее? Загадка. А Костин, между тем, посмотрел на нее и безо всяких эмоций вытряхнул из лямок рюкзака. Легко, как пушинку, забросил груз себе на плечо и зашагал дальше, по-прежнему не говоря ни слова.

Без вещей идти стало легче, но ненадолго. Местное солнце поднималось и начало припекать все сильнее, захотелось пить. Каталина и не заметила даже, как выхлебала всю флягу до донышка, и с каждой минутой все четче стала осознавать, что привала ей, похоже, не светит. И ведь, что обидно, во время учебы им периодически устраивали марш-броски, от которых она по возможности отлынивала. Ну кто бы знал, что в жизни ей пригодится не только и не столько умение управлять звездолетом, сколько навык перебирать ногами. Проклятие! Она вновь споткнулась, но удержалась на ногах, только клюнула носом и, проскочив пару шагов, с размаху ткнулась носом в плечо Всеволода.

Против ожиданий, тот не возмутился. Только развернулся вдруг, положил ей руку на плечо и быстрым, резким движением придавил вниз. Не ожидавшая этого Каталина с размаху усилась на задницу и только хотела возмутиться, когда Всеволод в интернациональном жесте приложил палец к губам.

— Тс-с, тихо. Нишкни мне.

Что-то было в его голосе такое, что заставляло разом отказаться и от возмущения, и от желания поднять шум. Зато любопытство оставалось, и, высунув голову, Каталина разом поняла причину такого поведения спутника. Перед ними, в каком-нибудь десятке метров, была дорога, и по ней спокойно, даже неторопливо, старательно объезжая выбоины, двигался загруженный досками старенький пикап.

Старший лейтенант Костин.

То же время, то же место

Дороги этой на карте не было. То ли не потрудились внести в базу данных эту узкую и, по большому счету, мало что значащую грунтовку, то ли построили ее недавно, уже после того, как зонд имперской картографической службы незаметно для местных облетел планету и сделал снимки. Скорее, правда, второе — работают картографы аккуратно и дотошно, стараясь ничего не упустить, зато с того момента, как они посыпали сюда зонд, прошло уже лет двадцать, не меньше.

Откровенно говоря, попалась она вовремя. Во-первых, повод передохнуть, не роняя в глазах женщины авторитет. Все же с непривычки Костин устал, а сесть и объявить привал, расписываясь в собственной слабости, не хотелось. Во-вторых, есть дорога — значит, есть и транспорт, который позволит не быть собственные ноги и резко ускорить передвижение. Замечательно! А главное, этот транспорт появился почти сразу.

Астматически кашляющий выхлопной трубой пикап остановился сразу же, стоило Костину в интернациональном жесте поднять руку. Наверное, рефлекс.

А может, в этой глухомани просто не принято оставлять нуждающихся в помощи людей на обочине, на многих не слишком развитых провинциальных планетах такое поведение в порядке вещей. Не хотелось бы думать о людях плохо и считать, что виной всему лучемет, который лейтенант держал в другой руке:

А вот то, что водитель остался сидеть с застывшим лицом и держа руки на руле, так, чтобы было видно, лейтенанту не понравилось совершенно. Так ведут себя совершенно запуганные люди, готовые к тому, что их в любой момент могут начать проверять, а при малейшей попытке сопротивления убьют. Видел подобное четыре года назад, когда еще курсантом участвовал в подавлении Калахарского мятежа. Тогда на планете с одноименным названием местные негры (бесправное большинство, но кого это интересует) почему-то решили вырезать всех белых. Ну и друг с другом сцепились заодно. А так как на планете присутствовали в том числе интересы империи, то для защиты персонала гигантских горнообогатительных комбинатов прислали армию.

Достаточных сил под рукой не оказалось, и собирали всех, кого могли, в том числе и курсантов военных училищ. Та еще солянка сборная получилась, хорошо еще, практически все бунтовщики наложили в штаны от одного вида закованных в боевые скафандры фигур и разбежались по кустам. Живо сообразили, обезьяны, что одно дело навалиться толпой на плохо вооруженных и не ожидающих нападения штатских и совсем другое — солдаты, умеющие, а главное, желающие убивать. Было, кстати, за что, поэтому и разбежались. Тем не менее, порядок наводить пришлось еще месяц, и насмотреться Костин успел всякого.

Так вот, поведение такое, как у этого водителя, он наблюдал на Калахаре сплошь и рядом. И это Костины не нравилось совершенно, просто потому, что нельзя человека пугать слишком долго и слишком сильно, у каждого есть свой порог. Тот, кто перешагнет его, или ломается, превращаясь в покорное животное, или ему становится наплевать и на чужую жизнь, и, что важнее, на свою. В таком случае ожидать можно чего угодно, а непредсказуемость опаснее всего. Здесь, правда, захватчики появились не так давно, но, похоже, успели наследить, а значит, опасность совсем не умозрительная.

К машине он подходил не торопясь, с максимальным спокойным выражением лица. Даже не улыбался — мало ли, как человек отреагирует на улыбку. Не то чтобы он хоть немного боялся, в своих силах лейтенант был полностью уверен, но зачем лишние осложнения? Для него сейчас важно было получить информацию и, возможно, помочь, а не доказывать всем и каждому, что он здесь самый крутой. Так, скорее всего, и есть, но доказывать что-то совершенно незнакомым, безразличным ему людям пустая трата сил и времени.

К тому же он и так знал, что выглядит устрашающе. Десантный комбинезон в боевом режиме мимикировал, и чтобы не пугать человека видом бесплотной фигуры из чуть мерцающих пикселей, пришлось его деактивировать. Однако и без того пригнанный по фигуре камуфляж, высокие берцы, черный берет на голове... Супермен из дешевого боевика. Причем, если верить тому, что снимают в Альянсе, в Голливуде, из тех, кого принято называть плохими парнями. Ну и ладно, не раздеваться же из-за этого. Вчерашнего, хе-хе, казуса более чем достаточно.

Из окна с опущенным и, судя по виду, уже вечность не поднимавшимся стеклом на Костина глядели усталые, выцветшие глаза немолодого уже человека. Сколько ему лет, определить с ходу лейтенант не решился, да и мало его это интересовало, откровенно говоря. Сидит, не дергается, а главное, не паникует, значит, как минимум, к разговору способен. Ну что же, начнем, помолясь.

— Старший лейтенант Костин, Российский императорский флот...

Через двадцать минут они уже ехали по дороге, и потрепанный рыдван выдавал на удивление неплохую скорость. Правда, скрипел при этом нещадно, однако подвеска вполнеправлялась с большинством ухабов. Такие пикапы без особых изменений производили еще с докосмической эпохи, и если на Земле найти их вряд ли получилось бы, то на окраинных планетах с их невеликим технологическим потенциалом древние машины чувствовали себя вполне уверенно. Так что подвеску до ума за столько лет довести смогли, что она сейчас и демонстрировала.

Хозяин этого драндулета, убедившись, что не-знакомцы против него ничего не имеют, болтал без умолку. Картинка, вырисовывающаяся при этом, была неприятной, но ситуацию не проясняла. Тем не менее, кое-что интересное Антонию, так звали водителя, все же рассказал.

Итак, чужаки появились разом во многих местах. Все верно, Костин этому даже не удивился. Нормальную оборону наладить никто не успел, а потому десант высаживался, стремясь захватить сразу возможно большую территорию. Не плацдармы, которые легко удержать, не стратегически важные центры,

а все и сразу, до того, как местные сообразят опасность положения и, взяв ружья и навахи, уйдут в леса, которых на планете хватало. Партизаны, стреляющие из-за угла и поднимающие на ножи зазевавшиеся патрули, штурмующих не прельщали.

Выбранная захватчиками тактика была спорной, поскольку распыляла силы и добиться их концентрации на конкретных направлениях не позволяла, однако сработала. Видать, десанта нагнали изрядно, да и орбитальными бомбардировками не гнушались, так что планету они поставили под контроль буквально за несколько часов. Отдельные очаги сопротивления подавили, после чего принялись расползаться, как раковые опухоли, захватывая не только города и деревни, но и мелкие, в два-три дома, поселения. В этих они, правда, закрепляться не пытались, только запугивали и разоружали местных, но главное было сделано, сопротивляться на Малой Севилье разом стало некому.

Вот так оно и бывает. Довольно многочисленное население, вроде бы не трусы, куча стволов, и — ни одного лидера, который смог бы их организовать, а потом повести в бой. Предки, те, которые открывали новые континенты и шли через гнилые болота за золотом инков, в гробу бы со стыда перевернулись. А лидера как не было, так и нет, с ними испанцам в последние столетия вообще не везло.

Зато есть у них откуда-то твердая уверенность, что кто-нибудь обязательно придет и спасет. Вон, Антонио чуть на своем сиденье не подпрыгивает от восторга, для него появление имперского офицера ассоциируется с эскадрами линкоров и десантными капсулами, в которых, тесно сжатые сиденьями, плечом к плечу сидят закованные в броню русские

солдаты. Уж они-то порядок наведут и захватчиков выгонят! Что же, может, так и будет. А может, и нет. Случались прецеденты и того, и другого. Империя вмешается, только если сочтет, что ей это выгодно. Но, в любом случае, флот придет сюда не завтра и не послезавтра, как наверняка рисует сейчас в радужных мечтах этот абориген.

И, кстати, кто на них напал, Антонио так и не понял. Мужчины... Ну, это понятно, хотя в армиях большинства стран женщин тоже хватает, вряд ли он видел что-нибудь серьезнее патруля, а в него, скорее всего, поставят людей однополых, так проще. Говорят на незнакомом языке, но всегда при них есть переводчик, шпарящий по-испански не хуже местных. Все в камуфляже — это тоже понятно. Высокотехнологичное снаряжение стоит дорого, а потому в большинстве массовых армий обычные солдаты по-прежнему щеголяют в обмундировании, начавшем использоваться столетия назад. Судя же по составу флота, висящего на орбите, кто бы его ни послал, к развитой их страну не отнесешь. Бородатые все как один, даже самые молодые, у которых на подбородке три волосинки в шесть рядов. Опять же ни о чем не говорит, пристрастия к такого рода украшениям в армиях стран третьего мира бывают. А вот в серьезных армиях — нет, потому что даже в тактическом шлеме борода серьезно мешает. Там же датчики, а им надо иметь контакт с кожей.

Кстати о птичках, Костин, продолжая слушать Антонио (ничего интересного, но мало ли), поскреб колючий подбородок. Надо побриться, что ли, а то и сам скоро бородой заастешь. Девушкам нравиться перестанешь. Хотя единственная находящаяся в шаговой доступности девушка сейчас полулежит

на заднем сиденье, больше напоминающем средних размеров диван, и, судя по выражению лица, то ли дуется на что-то, то ли блаженствует, украдкой маскируя ноги. И таким, как она, лейтенант Костин точно не подходит. Не прынц, куда деваться...

Додумать эту мысль он не успел. Пикап, в очередной раз взревев двигателем, въехал на улицу местной деревни, выросшей, как Костин уже знал, из временной базы лесорубов. Ну, временное — самое постоянное, и правило это характерно не только для России. Были несколько мобильных домиков-балков на десяток человек. Потом один привез жену, второй столковался с дочерью местного охотника, повариха взяла в оборот какого-то недотепистого, но работящего парня... Прошло два года — и вот вам деревня, семь домов. Кто-то, естественно, уехал, но большинство прикипели к этой земле, и сейчас деревня разменяла шестое десятилетие. Обычное дело, случается на многих планетах.

Сейчас деревня — одна улица, слегка запыленная, и неровный ряд крепких разномастных домов, удивительно напоминавших Костину те, что строили на его родной планете, — выглядела пришибленной. Именно так. Вот ты идешь, никого не трогаешь, и вдруг тебя из-за угла раз! — и пыльным мешком по голове. И ты стоишь, обсыпанный с ног до головы непонятно чем, и для здоровья вроде не опасно, и пошевелиться лишний раз страшно. Люди на улице вроде и есть, но они не идут — шмыгают из калитки в калитку. Нет вездесущих старух, перетирающих кости всем подряд, не бегают дети. Все замерло, словно бы в ожидании чего-то страшного.

Пикап, дико заскрипев тормозами (Костин непривычно поморщился и подумал, что тем, кто дово-

дит технику до такого состояния, и впрямь не мешает небольшая порка), остановился во дворе приземистого двухэтажного дома, сложенного из потемневших от времени бревен. Вроде бы, у испанцев так строить не принято, но, с другой стороны, бревна здесь самый дешевый и чрезвычайно доступный материал, леса вокруг предостаточно. Да и что знает об испанской архитектуре человек, никогда не интересовавшийся Испанией сверх необходимого минимума?

— Сиди, не светись, — Костин поймал за руку дернувшуюся было выйти Каталину. — Ждем.

— Кого? — спросила девушка, но подчинилась. Костин отвечать не стал, только поудобнее перехватил оружие. Случись что, десантный лучемет — веский аргумент в любом споре.

Обошлось. Антонио, выбравшийся первым, за-драпил ворота, высокие, добротные. Очень хорошо. Костин вылез из машины, окинул цепким взглядом двор, чистый и аккуратный. Кем бы ни был Антонио, хозяин он явно неплохой. Все ровно, крепко, забор из плотно пригнанных досок, куры в специальном загоне, какая-то живность в клетках, где-то свиньи хрюкают. На цепи сидит средних размеров кабысдох, длинная, мягкая на вид шерсть вся в репьях, хвост дружелюбно шевелится туда-сюда. Костин не удивился, его вообще любили собаки.

Он помог выйти Каталине — утренняя прогулка далась ей нелегко, и ноги, похоже, не слишком-то жаждали слушаться хозяйку. Антонио сделал приглашающий жест в сторону дома, но, прежде чем гости успели сделать хотя бы шаг, та сама распахнулась, явив собравшимся хозяйку.

Да уж, жену Антонио выбирал явно исходя из требований улучшения породы. Сам-то он был среднего

роста и худощав, а вот его супруга впечатление производила. На голову выше мужа, необытно широкая, но оказалось достаточно мельком взглянуть на ее лицо, чтобы понять — в молодости, когда телеса еще не вывалились за пределы кошмаров мужа, была она ой как красива. Это же подтверждали и четверо дочерей, теснившихся за ее спиной. Удались они явно не в отца, и старшая, ровесница Каталины, могла бы, случись ей оказия родиться в знатной семье, блистать на балах, штабелями укладывая у своих ног безутешных поклонников. Увы, на этой планете подобное ей не грозило — красивых женщин и так с избытком, а мужчин, напротив, острый дефицит. Вот и здесь в семье парней не наблюдалось, во всяком случае, пока. Но все равно хороша, чертовка!

— Господа, это моя жена, Мария, и мои дочери, — их Антонио почему-то не счел нужным представлять по именам. — Дорогая, а это...

— Я и сама вижу, — прервала его хозяйка, пристально глядя на берет Костины. Голос ее был не-громкий и, для таких габаритов, на удивление мелодичный. — Императорский флот, ну надо же! И чем мы заслужили такую честь?

— Стеченье обстоятельств, — пожал плечами Костин. — А вы, я вижу, разбираетесь.

— Есть такое дело, — женщина досадливо махнула рукой. — Когда-то хотела податься в армию, чтобы уехать из этой дыры, в которую папаша, мир его праху, залез. Думал, здесь в два дня миллионером станет, ага. Ну, чего встали-то, заходите уж, пока никто не видит.

Ну, насчет не видит, это она зря, в деревнях все равно ничего и ни от кого не спрячешь. Наверняка нашелся хоть кто-то глазастый, кто видел, что

в пикапе Антонио есть кто-то еще, ну а дальше... Впрочем, в любом случае предложение выглядело разумным, особенно с учетом того, что местное солнце припекало все сильнее. Да и умыться, наконец, хотелось, а то после лесной эпопеи и поездки с открытыми (и заклиненными в этом положении, Костин проверял) окнами на лицах осел солидный слой пыли. Лейтенант благодарно кивнул и, пропустив вперед Каталину, шагнул в прохладную тень дома.

Час спустя они сидели за столом. Угощали тут прямо по-русски, то есть много и вкусно. Только вот тишина стояла какая-то... мрачноватая. И девчонок хозяева разогнали по комнатам, приказав им сидеть и лишний раз не высовываться. Впрочем, Костины это сейчас мало волновало, зато радовало, что камуфляж достаточно было сполоснуть, и через пять минут можно было одевать снова. «Умная» ткань очень хорошо умела и отталкивать грязь, и высушиваться, потрудились имперские ученые на славу.

А дом лейтенанту понравился. Просторный, комнат много, и все удобства. Как объяснил Антонио, вода подается из скважины, канализация проложена, солнечные батареи дают энергии с избытком, чего ж не жить-то? На Костина, ожидавшего увидеть классический деревенский сортир во дворе, подобное отношение к собственному комфорту произвело самое приятное впечатление.

— А теперь скажите, — Мария, сообразив, очевидно, что гости, если их не растормошить, так и будут молчать, решила взять разговор в свои руки. — Как здесь оказалась такая странная компания?

— В смысле странная? — Костин аккуратно промокнул салфеткой губы и вопросительно посмотрел на хозяйку.

— В прямом. Вы — русский, ваша спутница, которая так и не сочла нужным представиться, нет. А русские чужаков с собой предпочитают не таскать. Парадокс, правда?

— Для сельской жительницы, пускай даже и мечтавшей когда-то об эполетах, вы весьма образованы.

— Если это комплимент, то не старайтесь. Три курса академии изящных искусств, но это так, к слову. Поясню свою мысль. Вы пропустили ее вперед — это нормально для русского. Она не поняла вашего жеста и замешкалась. Стало быть, она не из ваших. Итак, кто вы и каким ветром занесло в наши края?

— И наблюдательны... — пробормотал Костин. — Ну, что же...

Однако удовлетворить женское любопытство ему было не дано. С улицы послышался рев клаксона, а потом грохот. Каталина схватилась за оружие, пугаясь в непривычной для нее кобуре. Лицо Антонио побледнело, Мария привстала...

— Сидеть! — Костину не потребовалось даже повышать голос. — Сидеть, молчать. Ничего пока не случилось.

Сам же он между тем сидеть не собирался. Встал, не торопясь, но быстро, осторожно подошел к окну и, встав сбоку, выглянул. Нельзя сказать, что увиденное его обрадовало, но и паниковать смысла он не видел. Бывали мы в переделках и похуже, видали соплю и погуще...

Во дворе, снеся одну из створок ворот тяжелым бампером, стоял типичный шахид-мобиль. Проще говоря, пикап, вроде хозяйствского, только побольше и поновее, с установленным в кузове то ли крупнокалиберным пулеметом, то ли даже автоматической пушкой. Возле него стояло чучело в камуфляже,

новеньком, практически необмятом, но уже порядком замызганном. Бот чудо, наверняка его оставили бдеть, так хоть бы возле пулемета устроился, но этому орлу в кузов лезть было, похоже, лень, так что он облокотился на капот своего транспортного средства, на него же бросил внушительный, насквозь грозный на вид автомат и теперь презрительно оглядывался вокруг. Больше во дворе никого не было, только собака злобно лаяла, беснуясь на цепи.

А ничего так, шустрые хлопцы. Судя по грохоту тяжелых ботинок, они уже проникли в дом. Сколько их? Четверо? Пятеро? А, неважно. Костин поудобнее перехватил лучемет и скользнул к двери, как раз вовремя, потому что она распахнулась от мощного пинка, явив миру нарушителя спокойствия.

Ну, что сказать... Мужик был высок, как башня, широк, как шкаф, и бородат, как сволочь. В общем, настоящий брутальный мачо. Аж завидно. Все это Костин увидел и оценил за ту долю секунды, которая прошла с момента, когда открылась дверь, до того, как приклад лучемета вмял нос незнакомца до самого затылка. Тот улетел в коридор, попутно сметя там кого-то, а Костин рванулся следом и, увидев перед собой чью-то удивленную физиономию, провел шикарный апперкот. Оглянулся — все, никого больше, только сбитый познакомившимся с прикладом здоровяком пытается выбраться из-под навалившейся на него туши. Не сообразил еще, что произошло. Тем лучше.

— Лежать, молчать, — Костин упер ствол лучемета прямо ему в нос. — По-русски понимаешь?

Тот часто-часто закивал, расширившимися от ужаса глазами глядя на маленькое круглое отверстие, готовое выплюнуть способный прожечь танк сгусток плазмы. Понимает. Что же, уже хорошо.

— Сколько вас?

Пленный побелел, словно голос Костины обладал способностью откачивать от кожи всю кровь. Пришлось повторить вопрос.

— Ч-четверо. Трое здесь, один у машины...

— Это хорошо, это очень хорошо, — Костин забросил лучемет за спину, ловко, как морковку из грядки, выдернул пленного из-под придавившего его груза и поставил на ноги. Потом быстро охлопал, реквизировал устрашающего вида нож и огромный пистолет. Повернулся к комнате, где все по-прежнему сидели. Ну, правильно, приказ был однозначный, да и времени прошло всего ничего. — Каталина, покарауль пока.

В этот момент снаружи донесся приглушенный стенами звук выстрела и сразу пронзительно, как обиженный ребенок, завизжала собака. Костин зло оттолкнул пленного, от чего тот сел на задницу и пару метров проехал на ней по полу, и бегом скатился по лестнице вниз, на первый этаж.

Он немного не рассчитал. Точнее, не ожидал, что дверь осталась открытой. Двор, шахид-мобиль, парень с автоматом возле него, плачущая, ворочаясь в луже крови собака... Все это было перед Костиным, как на ладони, но и автоматчик его увидел. И оставалась максимум пара секунд до того, как он поймет, что здесь что-то не так, и вскинет оружие.

Ох, какой это был бросок! Костин недаром был родом с «тяжелой» планеты. Когда он попал в училище, на планету со стандартной гравитацией, первое время ему было очень тяжело — совсем другие требовались усилия, и скорость движения, ставшая вдруг запредельной, создала много неудобств. Можно было случайно врезаться в кого-то, оторвать дверную ручку... Пришлось долго и мучительно учиться

управлять собственными возможностями. Зато сейчас сила и скорость пригодились, он, будто пушечное ядро, в два прыжка преодолел отделяющее его от противника расстояние, смял его своей немалой массой, сдавил... Наверное, стоило убить, но Костин в последний момент сдержался, и для противника «дружеские» объятия закончились только сломанными ребрами. Ну и руками, быстро и ловко скрученными за спиной и примотанными к лодыжкам. Все, не подергается.

К тому моменту, когда лейтенант закончил, из дома выбежали все, включая дочерей Антонио. Костин удивленно поднял брови и спросил Каталину:

- Я же сказал охранять пленного.
- Он это... дернуться попытался. Я испугалась, и...
- Убила? — безразлично спросил лейтенант, припоминая, что выстрелов вроде бы не слышал.
- Нет. Пистолетом по голове врезала. Он без сознания... вроде бы.
- Вроде бы, вроде бы, — проворчал Костин, направляясь к собаке. Та лежала и не скулила даже, лишь тяжело, хрипло дышала. Когда он подошел, ему уже было ясно — не жилец. И все же пес еще нашел в себе силы, дернул хвостом, лизнул пальцы склонившегося над ним человека — и замер. Теперь уже навсегда.

Костин медленно встал, повернулся. Наверное, что-то не так было с его лицом, потому что все, включая Каталину, отшатнулись. Но голос лейтенанта звучал ровно, не дрожал, не рычал, не хрипел:

- Пленных сюда. Бегом!

Его приказ выполнили почти молниеносно, приволокли всех троих. Тот, которого лейтенант попот-

чевал лучеметом в лицо, не дышал, удар попросту раскроил ему череп, зато двое других даже переломов не заработали. Что же, тем лучше.

С помощью Каталины, до сих пор как-то нервно на него поглядывающей, Костин связал обоих пленных, которые уже, кажется, начали приходить в себя. Ворочались и, похоже, выражали свое неодобрение, но без особого энтузиазма, видимо, паршиво себя чувствовали. К моменту, когда с ними было покончено, пришел в себя и стрелок по собакам. К нему-то Костин и направился.

— По-русски говоришь? По-английски? По-китайски?

— Да пошел ты, гяур...

Гяур... Ну, что же, с вероисповеданием определились.

— Значит, по-английски шпрехаешь. Это хорошо. Собаку за что убил, козел? — мрачно спросил Костин.

— Собака — грязное животное.

— Это ты — грязное животное. В грязи тебе и место.

С этими словами лейтенант схватил связанного за шиворот и потащил его к компостной яме. Он не знал, где она, но помнил, как ее располагали дома, и решил, что планировка здесь схожая. Запах подтвердил, что он на правильном пути, и буквально через минуту Костин уже стоял перед ямой, чуть не до краев заполненной густой навозной жижей пополам со всякой дрянью. Пленный, видимо, сообразил что-то, начал вырываться и орать, но Костин перегнал его, как танк. На краю ямы лейтенант, не обращая на потуги пленного ни малейшего внимания, ловко привязал к тощей шее веревку, а на другой конец — железяку солидных размеров. Толчок — и орущее тело улетело

в свежий свиной навоз. Внутри только булькнуло смачно.

— Выплытай, если сможешь, и пускай твой бог тебе поможет, — бросил на прощание Костин и пошел обратно, к впечатленным такой расправой людям. — Урод. Не знаю, кого из ваших святых покусали, но эта собака троих таких, как вы, стоила.

Он не спеша подошел к сидящим пленным. Злость медленно уходила, но контролировать себя все же приходилось, иначе... Что иначе, не хотелось и гадать. Посмотрел на них сверху вниз. Ну что же, описание точное. Все, включая убитого, бородатые, одетые в добротную, но недорогую форму, знаков различия нет. На солдат регулярной армии похожи, как заяц на лису. В смысле, ног тоже четыре и хвост какой-никакой имеется. Зато на какое-нибудь полудобровольческое-полубандитское формирование — запросто. И, как минимум, один из них говорит по-русски, это радует.

— Кто вы, какова цель вашего прибытия, где ваша воинская часть...

Вопросы пошли стандартные, по стандартной же методичке. Сидящие молчали. Потом тот, который постарше и попредставительнее на вид, коротко бросил пару слов своему напарнику. Получилось у него, правда, не слишком-то грозно, видно было, что поврежденная челюсть слушается его с трудом.

Второй, на вид совсем мальчишка, был явно лицом подчиненным. Сразу же заговорил на том же непонятном языке, переводил, похоже, вопросы Костина. Выслушав его, старший расхохотался, а потом заговорил. Переводчик втянул голову в плечи, но после того, как лейтенант кивнул поощрительно, заговорил:

- Ты, сын шакала и свиньи...
- Довольно, — Костин поднял руку. — Я понял, что он хочет сказать. Ну, сейчас я тоже пошучу. Каттина, уйди в дом и забери остальных.

Девушка подчинилась беспрекословно. Понимала уже, когда можно иметь собственное мнение по какому-то вопросу, а когда лучше держать его при себе и выполнять приказы. Антонио с семьей тоже не стал пытаться умничать — сообразил, видать, что не стоит им видеть допрос в полевых условиях. А Костин, дождавшись, когда они уберутся, полез в трофеиный пикап, где отыскал набор инструментов. Хороший набор, а в нем, в числе прочего, молоток. То, что нужно.

Вооружившись этой полезной вещицей, он вернулся к пленным. Те заерзали — явно поняли, что сейчас их существование станет крайне некомфортным, однако лейтенанту было плевать на их мнение по этому поводу. Ему почему-то на все было плевать. Слышал когда-то, что первый убитый вот так, лично, а не нажатием кнопки на пульте, здорово действует на психику, но и это его сейчас не волновало. Абсолютно. Работа, которую надо выполнить, и не более того. Присев на корточки, он посмотрел в глаза разом побледневшему сквернослову и почти ласково сказал:

— Я знаю ход мыслей таких, как ты. Вы умеете убивать, гордитесь этим и считаете себя расой господ. Все остальные должны пресмыкаться перед вами. Вам это наверняка внушают чуть ли не с детства. Но на самом деле вы — мелкие ублюдки, которые очень боятся собственной крови. Вы уверены, что другие вам ничего не сделают, им мораль не позволит. Но многие нас, русских, считают дикарями. Может, они правы, а? Давай проверим.

С этими словами он ловко развязал пленнику руки. Тот дернулся было, но Костин легко утихомирил его, прижал к земле, наступив коленом на спину, и перехватил правую руку за кисть. Нашел подходящий камень, аккуратно разместил на нем мизинец жертвы и с силой ударил молотком, дробя фалангу.

— А-а-а...

Буль — этим звуком закончился вопль, когда Костин ткнул его носом в землю. Примерился — и раздробил вторую фалангу, послушал крик и от души врезал по третьей. Потом перехватился и принялся за безымянный палец...

Десять минут спустя кусок мяса, в который превратился еще недавно сильный, уверенный в себе мужчина, прекратил функционирование. Не без помощи лейтенанта, разумеется. Костин попросту свернул ему шею. Честно говоря, практикой допроса в полевых условиях он занимался впервые в жизни, это было неприятно, а с непривычки еще и слегка мучило, так что сквернослов отошел в мир иной довольно быстро. Но дело было сделано. Последний из пленных, забрызганный чужой кровью, трясясь, как осиновый лист, смотрел на Костина, выпучив глаза от ужаса, и, похоже, обмочился.

Поразительно, как те, кто считает себя высшими существами и готов без малейшего раздумья причинять боль другим, пасуют, если берутся за него самого. Особенно если верят, что тот, кто его потрошит, еще более дик и свиреп, чем они. Веры такой, учитывая зловещую и далеко не во всем надуманную репутацию имперцев, добиться было легко. Прав был инструктор, который показывал им элементы допроса в полевых условиях. Курс был факультативный, но Костин его посещал, и вот, пригодилось. Тут дело

такое, переборщить тоже нельзя, а то сойдет с ума от страха, и будет в результате бесполезная трата человеческого материала. Лейтенант позвал Каталину и, когда девушка, с оторопью, но без испуга поглядывающая на свежий труп, пришла, посмотрел в глаза пленному и спросил:

— Все видел? Хочешь так же? Нет? Хорошо. Готов к сотрудничеству? Ну, так вставай, — тут он ловко рассек удерживающие парня веревки, — и неси их в помойную яму обоих. А потом будем разговаривать. Сможешь быть полезен — оставлю в живых, нет — удавлю.

Допрашивать абсолютно деморализованного, потерявшего человеческий облик и чувство собственного достоинства врага противно, но легко. Пленный кололся, будто полено, некоторые вопросы даже задавать не приходилось, он выбалтывал ответы до того, как лейтенант успевал открыть рот. А кое о чем рассказывал, даже когда не спрашивали, просто потому, что сам вопрос в голову прийти не мог. И вот, наконец, родилась картина, не полная, разумеется, но не противоречивая, что уже немаловажно.

Итак, пленный, которого звали Мурад, родился на одной из планет Союза исламских государств, Новой Ливии. Последнее Костин не спрашивал, ему, по большому счету, было наплевать. По его мнению, которое разделяли большинство соотечественников, эти государства, состоящие чаще всего из одной-единственной планеты, походили друг на друга, как две капли воды. Нищие, грязные, отсталые... Какое-то разнообразие вносило разве что колорит, обусловленный климатом планет, поскольку на ихterraформирование денег, как правило, не находилось. А куда деваться? После того, как углеводороды начали

в практически неограниченных количествах качать из атмосфер газовых гигантов и обесценилась нефть, арабы, составляющие большинство жителей Союза исламских государств, очень быстро скатились в нищету. И неудивительно, что своих более успешных соседей они ненавидели люто.

Вот только соседи, в большинстве своем, забили на их ненависть громадный, неприлично выглядящий болт. Джихад им Союз мог объявлять сколь угодно долго, собственно, раз объявив, его и не отменяли, наверное, чтобы не тратить зря времени и сил. Однако любые угрозы и громкие заявления чего-то значат лишь в случае, когда они подкреплены реальной силой. А вот с силенками-то было тугу, и все по одной-единственной причине — не хватало средств. Начальный этап освоения космоса сопровождался грандиозной милитаризацией и взрывным развитием военных технологий. Строились новые корабли, гипербороздили целые эскадры, и как бы ни пыжился Союз исламских государств, любая серьезная держава могла запросто прислать флот и превратить их планеты в безжизненные шары, покрытые шлаком. И, случалось, присылали.

Единственное, что оставалось властям Союза в такой ситуации, это устраивать междоусобные войны. И потому, что надо было стравливать пар, иначе разбушевавшийся народ мог однажды и сместить верхушку планетарных правительств. Случались precedents, очень жестокие и кровавые. И потому, что население в Союзе исламских государств плодилось с прямо-таки феерической быстротой. Казалось бы, места достаточно, все же целые планеты, живи и радуйся, но вот работать арабы не желали категорически. Века благоденствия на нефтяной подушке вбили

в них лень, кажется, на уровень подкорки, а для того, чтобы планеты приносили отдачу, надо пахать, как проклятым. Вот и превратился с течением лет Союз исламских государств в настоящее дикое поле, хаос, в котором жизнь стоит меньше, чем пыль под ногами.

Все изменилось около года назад, когда появился Пророк. Имени его никто не знал, лицо... Мурад не видел, а те, кто видел, описывали каждый по-своему. Но вот тот факт, что это незаурядный человек, отрицать было сложно. Посредственности не объединить давным-давно перегрызшихся между собой соседей, у которых общего лишь имя бога, нищета и горы старого оружия. А Пророк сумел и, вдобавок, раздобыл где-то корабли. Много кораблей, несколько сотен. И повел людей на борьбу с неверными, пообещав... да много чего пообещав. И даже начал выполнять — эту планету, богатую, по сравнению в родиной Мурада, они захватили легко. Только в космосе повоевать пришлось, а на самой планете сопротивления почти не оказывалось. И воины Пророка стали здесь господами, у них было много рабов, много женщин, еда, которую дома не каждый племенной вождь мог себе позволить. В общем, живи и радуйся.

Мурад же, несмотря на молодость, ему не исполнилось еще и восемнадцати стандартных лет, стал не рядовым воином. Не в последнюю очередь потому, что дома он получил какое-никакое образование. Все же города на планетах Союза были, а ни один современный город не может существовать без водопровода, канализации, энергоснабжения, какой-никакой логистики и еще множества незаметных взгляду, но жизненно важных служб. А для них требуются специалисты, закончившие что-то посерьезнее медресе. И одним из них оказался Мурад.

Тут сыграло роль то, что парень, обучаясь, освоил несколько языков. Стандартная, в общем-то, практика для технического специалиста на любой планете, мало ли с чьим оборудованием придется иметь дело. И стал Мурад переводчиком, лицом охраняемым, имеющим большую долю в добыче, чем рядовой джихадист. Большую даже, чем те, кто учился в медресе — Пророк куда сильнее благоволил техническим специалистам, чем богословам. А дальше... дальше, в общем-то, все. Поехал с группой в эту деревню, просто так, развлечься, тут же, на улице, нашелся гяур, что шепнул господам о новых неверных, которых привел в свой дом Антонио, и они поехали к его дому. А потом они познакомились с лейтенантом Костиным, вот, в сущности, и вся история.

Выслушав сбивчивую речь пленного, Костин задумался. Согласно показаниям детектора лжи, простенького, но достаточно эффективного, искренность в рассказе Мурада зашкаливала за девяносто процентов. Более чем достаточно, чтобы поверить. Да и вообще, картина складывалась простая и потому логичная. Не было некоторых звеньев — кто Пророк, чем он сумел завоевать свое положение, где раздобыл корабли, но это уже детали, с которыми должны разбираться специалисты. А перед Костиным во весь рост стоял вопрос, как доставить полученные сведения командованию.

Корабль какой-нибудь захватить, что ли... Вполне, кстати, может получиться. Лейтенанту сразу же стало ясно, почему так неловко и безынициативно воевали здешние истребители. Арабы... Ну, они теоретически тоже пилоты, но ведь и дауны, если смотреть глобально, тоже люди. А по-хорошему, учить араба летать — занятие бесперспективное. На большом ко-

рабле, толпой и под приглядом старших офицеров они еще справляются, а на истребителе, когда все зависит только от тебя, совершенно пустые кадры. В случае чего, могут просто бросить управление и начать молиться. И это притом, что на твердой земле они солдаты пускай не лучшие, но вполне вменяемые. В общем, истребители не для них. Бывают, конечно, исключения, но они так редки, что попадают под определение статистической погрешности. Так что захватить какое-нибудь корыто и уйти от погони реально. Рванут через гипер, и пускай их кто-нибудь попробует остановить. В конце концов, у них два штурмана, а это дает дополнительные преимущества. И чем быстрее они улетят с планеты, тем лучше.

— Пойдешь с нами. Будешь проводником и переводчиком, — холодно сказал Костин. — И не вздумай ныть о своем Пророке, он далеко, а я близко.

Но Мурад и не помышлял о сопротивлении. Это вообще психологически сложно сделать в мокрых штанах. Как только руку новому хозяину целовать не кинулся... Костина передернуло от отвращения, когда он видел эту заросшую призванными изображать бороду куцыми волосенками рожу. Раб, причем потомственный. Радостно втаптывающий в грязь тех, кто по какой-то прихоти судьбы оказался ниже его, и с готовностью падающий на колени перед сильным.

— Дай ему штаны, — повернулся лейтенант к Антонио. — И водой его, что ли, окати — воняет.

Хозяин дома, до того молча стоявший в отдалении... интересно, что он слышал, а что нет... повернулся и, сгорбившись, двинулся к дому. Каталина по-прежнему стояла рядом. Лейтенант кивнул головой в сторону пленного:

— Отвечаешь головой.

Девушка только кивнула. Впрочем, он в ней сейчас не сомневался, в концे концов, один раз она Мурада пистолетом по голове уже отоварила, надо будет — повторит. Да и голыми руками, скорее всего, справится, чему-то же ее учили, а эта шпана испуганная противник несерьезный. Сам же Костин направился к трофеейной машине — прежде чем воспользоваться транспортным средством, следовало понять, на что оно способно.

Машина как машина. Пикап, большой, такие очень любят в Альянсе, на периферийных планетах, но и в других местах не брезгуют. Широченные кожаные кресла, которые перед использованием стоило бы, наверное, протереть спиртом — мало ли каких паразитов таскали на себе прежние хозяева. Панель хороша — простая и понятная, управление стандартное, двигатель, судя по показанию бортового компьютера, лошадей этак в триста, топлива полбака. В кузов запросто влезет тонны полторы, навскидку определил Костин. Правда сейчас там, укрепленный на грубо и кустарно, но качественно приваренной металлической дуге, стоял пулемет стандартного полудюймового или, как любят говорить в Альянсе, пятидесятого* калибра. Система, правда, незнакомая, очень длинный ствол, но механика — старый добрый Браунинг. Видимо, местные умники постарались, испанцы, частенько баловались производством нелицензионных клонов устаревшего оружия.

Здесь же, вдоль борта, уютно расположились тренога, чтобы пулемет можно было ставить вне кузова, и запасные канистры с топливом. Соляр, причем залиты под пробку. Тот, кто заливал, хорошо понимал:

---

* 12,7 мм.

чем меньше воздуха — тем меньше вероятность, что случайно рванет от шальной пули. Коробки с патронами к пулемету... Рядом, в зажимах, отличный немецкий автоматический карабин со штатной оптикой и интегрированным глушителем. На дистанции до полукилометра штука точная и убойная. Кто бы ни собирал это транспортное средство в дорогу, человек это был предусмотрительный, в оружии разбирался и готовился как минимум к небольшой войне. А вот запасных патронов к карабину не нашлось — видать, остались в карманах кого-то из почивших в выгребной яме налетчиков. Ну и черт с ними. Костин достал оружие, отстрелял три патрона в хорошо видимый над забором фонарный столб на противоположной стороне улицы, поглядел, как брызнула щепа, и остался доволен. Пристреляно оружие что надо, гран меры покойному хозяину, хоть что-то хорошее в жизни сделал.

В общем, богатое им наследство оставили, особенно с учетом пистолетов-автоматов, снятых с убитых. А вот под ногами грязно, видать, не любили прежние хозяева мыть сапоги. Ну и черт с ними. Костин легко перемахнул через борт, гулко бухнув подошвами о твердую землю. И с удивлением обнаружил, что во дворе собралась толпа человек в полсотни. Это как же он их не увидел-то, а? Игрушками скорострельными так увлекся, что ли? Впрочем, без разницы. Куда хуже, что лица у всех мрачнее тучи и плятятся, что характерно, на гостей. Ох, как бы не пришлось тут кое-кого вразумлять.

— Ну, здравствуйте, селяне и селянки, — нарочито бодро улыбнулся он. — Чем обязан вашему... хм-м... вниманию?

Толпа молчала, и было в этом молчании что-то испуганно-угрожающее. Костин терпеливо ждал.

Первое правило штурмана — не спешить. Незачем бежать впереди паровозного дыма. Какова бы ни была причина, согнавшая сюда этих людей, им стоило опасаться Костина больше, чем ему их. Хотя бы потому, что за его спиной империя, не умеющая и не желающая прощать хамство, а сам он при нужде способен выдернуть ноги любому из собравшихся здесь жителей деревни. Честно говоря, он всерьез надеялся, что люди потопчутся и разбредутся, но у какой-то из женщин, которых здесь, что закономерно, было подавляющее большинство, лопнуло терпение. Ростом она уступала Марии, но габаритами была ей под стать, так что, шевельнув могучим бедром, легко отодвинула с дороги какого-то неслабого на вид мужика и, будто старинный линкор под всеми парусами, выплыла вперед.

— Имперец... Зачем ты здесь? Что тебе нужно? Вы и так хорошо живете, что вам от нас-то надо?

Костин задумался на миг. Хорошо живут... Наверное, так и есть. Хорошо живут, потому что не боятся трудностей. У империи освоена куча богатых ресурсами, но неудобных планет, от которых другие в свое время отвернулись. Хорошо живут... На планете, с которой лейтенант родом, до сих пор выживает лишь три ребенка из четырех, и это несмотря на все ухищрения медиков. Повышенная гравитация убивает не хуже пуль, а когда-то, в начале колонизации планеты, от нее погибало и вовсе до трех четвертей новорожденных. На Малом Архангельске людям при рождении вживляется блок, вырабатывающий арадиатин, иначе радиация планеты убьет его в течение нескольких дней. Хорошо живут! И стоят на мостиках боевых кораблей, вкалывают, как проклятые, рискуют шкурой, а все потому, что помнят, куда, в какую

яму их при первом же удобном случае спихнут «цивилизованные» соседи. Хорошо живут...

Вот только изнанка такой хорошей жизни никому не видна. Да и, откровенно говоря, неинтересна. Все видят сильнейшие в мире звездолеты, лучших во всем человечестве солдат, высокие заработки. Но, с другой стороны, какая разница? Пускай видят, что хотят. Главное, чтобы под ногами не путались.

— Да, живем нормально, жаловаться грешно. А вы завидуете, что ли?

— Зачем ты пришел? Ты убил этих... За ними придут другие.

— Так убейте их, — пожал плечами космонавт. — Это ваши дома, а они — враги. Врагов прогоняют или убивают. Еще вопросы?

Похоже, местных, истинных европейцев, такая логика поставила в тупик. Костин лишь с неподдельным безразличием на лице наблюдал за ними. Сам он никакой ущербности в предложенном варианте не видел, именно так в империи поступали последние несколько веков. За что, кстати, соседи русских часто ненавидели, но притом всегда боялись и уважали. Если же здесь этого не понимают... Вырождаются, значит, это без вариантов. Люди на планетах фронтира обычно скорые на подъем и резкие на ответ, здесь же не пойми что. Стоят, мнутся...

— Да что вы его слушаете! — взвизгнул вдруг один из мужчин, невысокий, с редкими седыми волосами. До того он стоял во втором ряду, практически скрытый широкими плечами односельчан, но сейчас они расступились, разом выставляя его на всеобщее обозрение. — Он их убил, они нас придут убивать! Надо его скрутить и выдать, пускай сами разбираются.

Толпа заворчала и, похоже, в голосе людей звучало одобрение. Ну, надо же, подумал Костин ходя, они боятся этих немытых арабов, те умерли, столкнувшись со мной, а теперь местные думают, что сумеют меня скрутить. Какая-то извращенная логика. Он повернулся к плениному:

— Этот нас сдал?

Мурад, уже переодетый в штаны и куртку хозяина, поношенные, зато чистые, быстро-быстро закивал головой. Костин хмыкнул:

— Надо же, так я и думал. А иди-ка сюда, мил-человек, покажи мне, какой ты храбрый.

Персонификация того, кому сейчас первому начнут бить лицо, пришлась мужичку не по вкусу, и он попытался сдаться назад, однако там было не протолкнуться. Толпа — она, конечно, толпа, но состоит она все же из людей. Самых обычных, боящихся смерти и боли. И еще много чего, включая имперских офицеров. А потому, пока эта безликая масса не озверела, утрачивая инстинкт самосохранения, когда есть конкретный человек, который, считай, вызвался идти первым, его и вытолкнут вперед. Обратной дороги здесь не предусмотрено.

— А ну, стоять! Всем стоять! И ты, русский, тоже стой.

Народ и впрямь замер, даже тот предатель, без которого не бывает ни одного уважающего себя партизанского отряда, прекратил свои бесплодные попуты затеряться в арьергарде. Костин медленно, не делая резких движений, повернул голову, чтобы увидеть широкое зрелище. Есть женщины в русских селеньях... В испанских, как оказалось, тоже не перевелись еще.

Мария, кто б сомневался. Всей своей необъятной персоной. Как там у Киплинга? И тяжелый карабин

наперевес? Сейчас у нее в руках трофейный автомат, но это ничего не меняет. В той же песне, в конце, есть слова «я не кто-нибудь, я — белый человек». Итак, как минимум один белый человек, готовый взять в руки оружие и доказать всем свое право на эту жизнь и эту землю, в деревне нашелся.

Впрочем, нет, не один. Антонио встал рядом с женой, в руках второй автомат, копия первого. И дочь держит в руках старую, потертую двустволку. Держит привычно, уверенно. Видать, не все оружие сдали, и это радует.

— Эй, ты чего? Совсем сдурела? — толпа, видимо, оправилась от шока, и один из мужчин решил показать, кто здесь главный. Ню-ню. Автомат в могучих женских руках коротко плунул огнем, и у самых сапог говоруна взлетел фонтанчик пыли. Тот шарахнулся назад, потерял равновесие и смачно рухнул на пятую точку. Остальные отшатнулись, и никто не попытался помочь упавшему встать. Он, впрочем, и сам не пытался, заселозил на заднице и принялся быстро-быстро отползать к остальным. Мария посмотрела и смачно сплюнула.

— Мужчины... — в голосе ее звучала горечь. — Какие вы, к дьяволу, мужчины? К вам приехали несколько уродов, показали стволы — и вы разбежались. И улыбались новым господам...

— Но-но, женщина... — кто это сказал, лейтенант не заметил, но Мария, судя по всему, отлично поняла. Узнала по голосу, наверное. Во всяком случае, автомат в ее руках чуть повернулся, будто выискивая цель, и продолжения не последовало.

— Да, женщина, — к горечи добавился вызов. — Женщина. И я не хочу, чтобы мою дочь разложили прямо посреди двора, как твою, Диего. Поэтому

сейчас русские пойдут своей дорогой, мы уйдем своей. А вы можете оставаться, ничтожества. А пока вон с моего двора!

Поразительно, как быстро может рассасываться толпа. Вот они были — а вот их уже нет, хотя вроде бы не бежали, брели, едва ноги переставляя... Мария смотрела им вслед, зло, презрительно и сочувствующе. Потом резким злым движением закинула на плечо автомат и повернулась к Костину:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не дали им уподобиться. И оскотиниться. Мы уезжаем, спрячемся в горах. Там нас не найдут. А найдут, — она мимолетно коснулась пальцами приклада, — им же хуже. Но сейчас вы тоже уходите, потому что этот... Себастьян прав. Рано или поздно придут другие, и куда большим числом. Ты крут, русский, но с ротой не справишься.

Это мы еще посмотрим, подумал Костин. Может, и не справлюсь, а может, и наоборот. Но вслух он этого говорить не стал. Кивнул только и полез в пикап — там, в бардачке, он видел наручники, крепкие такие, старого образца железные браслеты, не утратившие за столетия актуальности. Достал, подошел к Мураду:

— Поверни. И руки за спину.

— Но...

— Если ты сдуру решишь дернуться, то мне придется тебя убить. А мне нужен переводчик. Эти железки уберегут тебя от неправильных мыслей.

Поверил Мурад, или нет, неважно. Главное, подчинился беспрекословно. Костин защелкнул наручники, толкнул его между лопаток:

— Иди, сядь на заднее сиденье и молчи в тряпочку.

Мурад подчинился. Костин небрежным движением кивнул в его сторону Каталине — следи, мол. Девушка лишь понятливо кивнула, а лейтенант полез в кузов. Снял пулемет, легко забросил его на плечо (для кого другого это уже было бы подвигом, но для Костина громоздкое оружие оказалось вполне подъемным), прихватил треногу и решительно зашагал ко второй машине, в кузов которой выбросивший доски Антонио сейчас шустро, немного суетливо забрасывал вещи. Судя по тому, что они были аккуратно упакованы, об отступлении в горы их семья подумывала уже не первый день, и появление гостей, послужившее спусковым крючком, лишь ускорило процесс.

— Держи, вам это больше пригодится.

Антонио кивнул, ловко забросил пулемет в кузов, затем сходил, помог Костины притащить патроны. Жена с дочками продолжали таскать вещи и выкачивали из сарая вторую машину. Неплохо подготовились, молодцы. И оружие все нацепили, трофейные пистолеты у девушек смотрелись довольно комично, но это ерунда. Главное — решимость.

Подумав, Костин снял с пояса луичемет, проверил заряд и протянул оружие Марии.

— Умеете пользоваться?

Женщина приняла оружие, окинула взглядом, ловко перевела его в боевой режим, примерилась:

— Интересовалась когда-то. Ручной десантный луичемет системы Дурова. Какая-то новая модификация, я смотрю...

— Да, поступила на вооружение три года назад. Меньше вес, большая мощность, объемнее батарея, в остальном все то же самое. Двести зарядов.

— Я вижу, — кивнула Мария. — Скажи мне, русский... Только честно.

- Весь внимание.
- Когда ваши придут?
- Не знаю. Это — честно.
- Спасибо, — женщина отвернулась и заорала на дочерей, чтобы пошевеливались. Костин подождал несколько секунд, а затем развернулся и зашагал к своей машине. Времени было не так и много, и потратить его следовало с пользой.

Час спустя. Дорога

- Как ты думаешь, у них получится?
- Получится, — рассеяно ответил Костин, занятый больше тем, как удержать машину и не дать ей после очередного «козла» выпрыгнуть с дороги. Пикап был новее того, на котором раскатывал Антонио, но шел намного жестче. Наверное, виной тому незагруженный кузов — его немилосердно подбрасывало, а рессоры плохо амортизовали, когда задние колеса попадали в ямы. Этого же добра на дороге хватало, и обехать их получалось далеко не всегда.

А и вправду, получится. Если не найдется лидеров-мужчин — не обижайся, сильный пол, но твоё место займут женщины. На Жанну д'Арк Мария, конечно, не тянула, но как командирша отдельно взятого партизанского отряда смотрелась вполне. И, похоже, именно так ее уже воспринимали односельчане. Во всяком случае, когда пикап проезжал вдоль домов, Костин мог поклясться, что видел, как в некоторых дворах люди грузятся в машины. Видать, решили не ждать милостей от захватчиков, а послать их куда по дальше и рвануть прочь. Спутниковой группировки у арабов на орбите пока нет, леса здесь глухие, так что

шанс затеряться и впрямь неплох. Что же, остается пожелать им удачи.

А он, Костин, даст им немного времени. Не в ущерб себе, разумеется, просто здесь их интересы совпадают. Банально — иногда начинает пикировать рация, и Мурад по ней отвечает, говорит, что все нормально. Его язык, какая-то разновидность фарси, конечно, непонятен, но Костин честно предупредил парня, что незадачливый переводчик, если их обнаружат, умрет первым. Он, конечно, и так скорее всего умрет, но об этом лейтенант, естественно, промолчал.

Мурад очень хотел жить. Не храбрец и ни разу не фанатик, это видно сразу, так что шансы, что он ответит, как надо, оставались весомые. Ну а если все же предаст... Ну что же, значит, придется им прорываться лесами. Эх, раздобыть бы где-нибудь аппаратуру мемообучения и, мечтать так мечтать, дня три свободного времени! Выучил бы язык, и вся недолга. Пока же приходилось полагаться на то, что страх, который удалось внушить переводчику, существенно перевешивает все остальные мысли и чувства, и он будет говорить в старую, хрипящую рацию то, что нужно.

А рация действительно была паршивая. Кем бы ни был Пророк, он не слишком озабочивался оснащением своих солдат. Старые рации, древние автоматы, устаревшие морально и физически корабли... Или его возможности материального снабжения всерьез ограничены, или Пророка устраивает, что пушечное мясо будет прыгать, как сотни лет назад, падая во все стороны и умирая пачками. О том, что на поле боя надо иметь единое информационное пространство здесь, похоже, и не слышали. Костину это было на руку, но вопросы возникали серьезные.

Машина подпрыгнула на очередной выбоине и взбрекнула, как козел. Лейтенант выругался сквозь зубы — хоть потолок в кабине и высокий, но подбросило его так, что макушкой приложился чувствительно. Каталина, догадавшаяся пристегнуться, победно фыркнула:

— А я тебе говорила.
— Ничего-ничего, перевернется и на моей улице фура с водкой. Вот тогда я над тобой и посмеюсь, — беззлобно отмахнулся Костин. — А сейчас...
— Тормози!

Было в голосе Каталины что-то, заставившее Костина без раздумий вдавить педаль в пол. Машина скрипнула всеми сочленениями и проползла еще несколько метров, вспарывая намертво застопоренными колесами гравий. Сзади злобно зашипел Мурад — его сорвало с места и, швырнув вперед, основательно приложило носом о спинку сиденья. Впрочем, моральное и физическое состояние пленного ни Костина, ни Каталину не волновало.

— Что за...
— Там, впереди, что-то мелькнуло.

Не спрашивая более ничего, Костин прихватил карабин и вылез из пикапа. Хрен знает, что там Каталине привиделось или увиделось. Может, зверь — на планетах вроде этой попадались иной раз весьма крупные твари. Может, просто игра света и тени. Без разницы, проверить все равно стоило.

Тревога оказалась ложной. За поворотом обнаружилось животное, размерами и видом напоминающее обычного земного лося. Его-то, похоже, Каталина и увидела через жиденъкий перелесок. Заметив человека, зверь понесся прочь, забавно взбрыкивая задними ногами, и моментально растворился среди

деревьев. Ну и пусть его, хоть размялся, а то сиденье в пикапе было редкостно неудобным, и спина Костина порядком затекла.

Каталина ждала его возле машины. Стояла, облокотившись на капот, почти как давешний ваххабит, и сосредоточенно осматривала пистолет. Заметив лейтенанта, чему-то смущаясь и убрала оружие в кобуру. Костин улыбнулся:

- Ну, ты прямо валькирия.
- А?
- Дева-воительница из скандинавских преданий. Не слышала, что ли?
- Слышала. И читала, — вид у девушки был странно-рассеянный. Костин удивился:
- Слушай, с тобой точно все в порядке?
- Да. Размяться вылезла. И с этим, — она кивнула в сторону Мурада, — сидеть там не хочется.
- Что, посмел что-то тявкнуть?
- Ага. Что-то про джихад и священную войну с неверными. Правда, я пообещала прострелить ему ногу, и он заткнулся.
- Ну, это нормально. Они только силу и понимают.
- А еще он сказал, что они все равно победили и теперь это их планета. Потому что им ее подарили Аллах. И что он сильнее нашего бога.
- Гм... А ты что, веришь в богов?
- Ну... Вообще-то нет.
- Ну и дальше не верь.
- Но вот скажи, должно же быть что-то там, за гранью?

— Чушь, все религии стоят на том, что большинство людей боится смерти, а ушлое меньшинство ловко этим пользуется.

- Молодец. Сам придумал только что?
- Нет, слышал где-то. Но мысль разумная, я считаю. Да и вообще, чем больше с тобой говорят о боге, тем тщательнее надо следить за кошельком. Тоже, кстати, не я придумал. Живи настоящим, вот мой тебе совет.

Каталина хотела что-то возразить, но в этот момент чуть в стороне громыхнул выстрел, и душеспасительные беседы разом оказались отложены до лучших времен. Куда больше сейчас обоих занимали вопросы спасения бренного тела.

Пикап Костин в мгновение ока загнал в кусты. Здесь, возле дороги, хватало мест, где можно съехать, и, судя по старым, заплывшим следам, местные периодически так и делали. Что же, оставалось лишь воспользоваться их опытом, благо в несчастном десятке метров машину было уже не разглядеть. Открыв дверь, он прислушался, и убедился, что стрельба продолжается, частая и не особо точная — так обычно стреляют, когда хотят кого-то отпугнуть, на крайняк задавить огнем. Прицельная стрельба звучит совсем иначе.

И, кстати, палили не с той стороны, откуда космонавты приехали. Где-то рядом стреляли. Костин достал планшет, вывел на экран карту. Ну-ка, посмотрим...

Этот район был картографирован куда подробнее, хотя разница, если считать по дороге, составляла меньше полусотни километров. Если по прямой — вообще мелочь, но вот поди ж ты. И дороги указаны, и, разумеется, город, к которому они ехали, и комплекс строений неподалеку. Судя по направлению, с которого разносился звуки, стреляли именно там.

— Что здесь? — ткнул он пальцем в экран. Каталина присмотрелась:

— Не знаю. Я на этой планете была всего-то раз пять, а за пределы города вообще не выезжала.

— Жаль, — Костин выключил планшет и активировал комбинезон. Теперь он напоминал небольшое пятно чуть заметно мерцающего тумана, из которого торчали кисти рук, ботинки и голова. Впрочем, мерцание почти сразу исчезло, мимикрическая система комбинезона вышла на режим. — Я пойду, осмотрюсь.

— Зачем?

— Стрельба смещается в нашу сторону. Не хотелось бы, чтобы прямо на нас вылетела толпа моджахедов. Лучше уж я увижу их первым и, случись нужда, убью.

Может, у Каталины и были на этот счет какие-то возражения, но Костин не стал ждать, пока она соберется с мыслями. Забросил на плечо трофейный карабин и быстрым шагом направился к дороге. Сухая листва... Или хвоя? Да космос ведает, как называются деревья на этой планете и как можно классифицировать то, что они роняют с веток. Главное, что под ногами хрустело, но не очень сильно, а значит, вряд ли его засекут. Хотя бы потому, что увлечены перестрелкой и оглушены грохотом собственного оружия. А еще потому, что пока они слишком далеко.

Позицию он выбрал удобную. Те, кто строил эту дорогу, не стали зря мудрствовать, а попросту срезали бульдозером неровности вместе с верхним слоем почвы и отсыпали все крупным гравием. На взгляд Костина, следовало, как минимум, пройтись по этому безобразию сверху высокотемпературной плазмой, сплавив дорожное покрытие в монолит, но здешние инженеры оставили все как есть. Вот и превратилась дорога в усеянное рыхтинами направление, однако сейчас это было даже на руку.

Огромные кучи земли и камней, громоздившиеся вдоль обочин и успевшие порасти какой-то местной травой и кустарником, представляли собой неплохое укрытие. За одной такой кучей, в которой было много способных выдержать удар пули валунов, лейтенант и залег.

Как оказалось, вовремя. Костин не был лесным жителем, и полученная им в училище подготовка тоже не делала его рейнджером. Он был космонавт, обученный простейшим приемам выживания, не более того, но даже его ухо смогло различить гулкий топот тяжелых сапог и хриплое дыхание за несколько секунд до того, как на дорогу буквально вывалились люди, их издававшие. Трое, один тащил на плечах товарища, видимо, раненого, третий прикрывал, держась чуть сзади и настороженно поводя стволом автомата. Впрочем, не стрелял, и это было разумно — и патроны берег, и себя лишний раз не выдавал.

Зато преследователи старались, что называется, и за себя, и за того парня. Палили во все стороны и перли по лесу, будто стадо носорогов — ходить по нему они умели куда хуже Костина. Но след, вот незадача, упорно не теряли, то ли пользовались каким-то поисковым оборудованием, то ли, что вероятнее, хотя бы одного толкового следопыта в своих рядах сумели отыскать. Может, не будь с ними раненого, беглецы бы и оторвались, но сейчас их шансы выглядели призрачными.

Откровенно говоря, Костина подобные нюансы беспокоили сейчас в последнюю очередь. Наплевать и забыть. Его абсолютно не волновали ни судьба беглецов, ни их взаимоотношения с теми, кто шел по следу. У лейтенанта была своя дорога, своя задача, да еще и груз на шее в лице недотепистой испанской

штурманессы. Которую, кстати, по хорошему стоило бы... нет, не бросить, своих не бросают. А вот оставить с Марией так уж точно стоило. Одному было бы проще. Увы, хорошая мысля приходит опосля. И вмешиваться вдобавок к собственным проблемам еще и в чужую войну Костин не собирался категорически.

У него оставались вполне неплохие шансы на то, что все это безобразие пройдет мимо него. Беглецы ломанулись по дороге, хотя, на взгляд Костина, это было глупостью несусветной. Те, в принципе, и сами это поняли, вновь свернув в лес, но уже в стороне, а буквально через минуту на дорогу вывалилась группа мордоворотов, состоящая, как это сразу понял лейтенант, из соплеменников Мурада. А кем еще, спрашивается, могут быть бородатые неряшлиевые мужики в камуфляже, радостно вопящие что-то на своем языке? Вариантов, как говорится, немного. Правда, у этих была невооруженным глазом видна примесь негритянской крови... Да какая там примесь! Двое вообще черные, как обувной крем. Наверное, с какой-то другой планеты, их в Союзе исламских государств до хрена и больше, ну да какая разница. Гортанно перекликаясь на своем дурацком языке и весело переругиваясь, они бодро потрусили следом за испанцами, причем, судя по поведению, один из этих молодчиков и впрямь был следопытом. И они прошли мимо...

Сзади хрустнула под ногой ветка. Костин повернулся, выругался мысленно, надеясь, что обойдется. Что в лесу достаточно звуков. Что враги оглушенены собственной пальбой. Но один все же повернулся, и... И, в общем-то, все.

Каталина — а у кого еще хватит мозгов крутиться, где не просят, да еще хрустеть ветками — была

одета в рабочий комбинезон. Второго десантного на «Стилете» просто не оказалось. И торчала она в своем черном одеянии на фоне снежно-белых стволов местных деревьев, как хрен посреди грядки. В свете этого дальнейшее развитие событий уже совершенно не зависело от желания или нежелания Костины влезать в абсолютно ненужную ему драку и приобрело характер чисто тактических действий.

Разумеется, учили его не так, как суперменов из десанта, но все равно на совесть. Космонавт, особенно универсал, специалист ценнейший, подготовка его стоит дорого, и обидно будет потерять такого кадра из-за того, что кто-то не научил его стрелять. Вот и учили, а теперь, в кой-то веки, пригодилось. Костин ни на секунду не терял контроль над ситуацией, помнил, что к карабину всего один неполный магазин, а также о том, что на такой дистанции, как сейчас, пистолет удобнее длинноствольного оружия. Штатной офицерской «гюрзой» он и воспользовался, благо кобуру расстегнул заранее, и получилось в результате очень неплохо.

Тот, который обернулся, умер прежде, чем успел крикнуть, хотя рот открыл еще до того, как лейтенант извлек пистолет. Остальные начали понимать, что в этой песенке что-то не так, лишь после того, как упал с разбитым черепом третий. Ну а выстрелил и вовсе только один, в белый свет, как в копеечку. У Костины создалось впечатление, что он даже не видел, кто и откуда их убивает.

Держа наготове оружие, он выбрался из своего импровизированного укрытия, пригибаясь, подбежал к лежащим на дороге телам. Жив был всего один, с пулей в животе, и Костин добил его выстрелом в голову, остальные даже не шевелились. Сзади хрипло дыша-

ла, глядя на происходящее, Каталина. Даже пистолет не достала, из пальцев, что ли, стрелять собралась? Накатила мгновенная волна злости, которую, впрочем, удалось быстро задавить. Но, видимо, на лице что-то осталось, потому что девушка испуганно побледнела и сделала шаг назад. Это, как ни странно, вызвало приступ странного, неожиданного веселья. Надо же, покойников не боится, а его испугалась. Хотя, с другой стороны, это у нее не первый бой, она по живым мишеням стрелять начала даже раньше самого Костина, еще на своем корабле. Имперских же офицеров, особенно разгневанных, следует бояться всегда и везде, в этом она, безусловно, права. Костин улыбнулся собственным мыслям и с удивлением обнаружил, что злость прошла, будто ее и не было. Ладно, профилактический втык спутнице он сделает потом, когда они отсюда уберутся, а сейчас есть дела поважнее.

Каталина Мартинес

Когда Костин ушел от пикапа, Каталине разом стало неуютно. Она, оказывается, успела за это время привыкнуть к спутнику, ехидному, пошлому, неотесанному, как, по слухам, многие русские, но притом готовому оторвать голову тому, кто посмеет косо на нее посмотреть. Вот так. Едва ли не впервые с того момента, как она ушла из родительского дома и окунулась во взрослую жизнь, Каталина чувствовала себя защищенной. Даже здесь, на чужой, занятой врагом планете страха не было, но стоило русскому уйти — и навалилось ощущение, что она осталась с этой планетой один на один. И это притом, что он всего-то в сотне метров.

Откровенно говоря, привыкшая быть честной сама с собой, Каталина понимала, что Костин просто очень похож на ее первую серьезную, но в то же время платоническую любовь — капитана Мигеля Карраско. Не внешне, здесь как раз наоборот. Капитан был высокий, темноволосый, широкоплечий, в общем, красавец мужчина. Костин невысок, даже ниже ее, и видом напоминал танк, которому зачем-то приделали ноги. Нет, тут дело в другом. Просто оба этих человека относились к стремительно вымирающему в Европе виду тех, кого принято называть настоящими мужчинами. И поведенческие реакции у них были практически одинаковые, с поправкой разве что на менталитет и особенности национального воспитания. Люди, рядом с которыми можно не бояться никого и ничего.

В кабине машины злобно сопел мрачно нахолившийся Мурад. Это человекоподобное существо при Костине вело себя так, словно видит обожаемого хозяина, но Каталину в грош не ставило и, как только подворачивался случай, старалось ее унизить. В прошлый раз пришлось пригрозить оружием, и Мурад, трусливая сволочь, заткнулся. Сейчас стрелять не получится, враг слишком близко. Впрочем, и у Мурада говорить тоже не выйдет — Костин, уходя, предусмотрительно запихал ему в рот подобранную в кузове машины грязную тряпку. Как бы не лебезил араб, лейтенант его только сильнее презирал, Каталина это чувствовала. И смотрел... так смотрят на тех, кто уже мертв.

Выстрелы все ближе. А его все нет. Проклятие! Лучше бы он остался. Или ее с собой взял, что ли. Нет ничего страшнее, чем сидеть в неведении и гадать. Каталина прошлась вокруг пикапа. Раз, второй, третий. И, наконец, решилась.

Идти было совсем недалеко, но Костина она уви-
дela, только когда подошла совсем близко. И то по-
тому, что представляла, что искать, и, вдобавок, шла
по следам. Лейтенант не пытался их маскировать,
а отец Каталины, страстный охотник, в детстве часто
брал ее с собой. Дети приметливы, и, хотя прошло
немало времени, кое-какие навыки остались. Вот
и пригодились.

Немного подумав, девушка решила не прибли-
жаться. Мало ли что, тем более, с дороги послышалась
чужая речь. Она шагнула вбок, рассчитывая укрыться
за громадным, в два обхвата, стволом дерева, и в этот
момент под ногой предательски хрустнуло.

Костин развернулся резко, всем телом, этого не
смог скрыть даже мимикрирующий комбинезон. На
мгновение Каталина увидела его белые от злости гла-
за, а потом события понеслись вскачь, за какую-то
секунду перейдя в активную фазу.

Она никогда не думала, что можно стрелять так
быстро. Читала, конечно, о ганфайтерах и видела,
на что способны пилоты их крейсера — реакция тех,
кто водит истребители, запредельна. В конце концов,
и сама Каталина тоже кое-что умела, но этот русский...
Похоже, скорость, с которой он разрядил пистолет,
ограничивалась лишь техническими возможностями
самого оружия. Раз-два-три — и, в принципе, все. Те,
кто был на дороге, лежат, а Костин, уже сменив обой-
му, идет к ним таким не подходящим к его массив-
ной фигуре легким пружинящим шагом. Осмотрел,
сделал контрольный выстрел...

Только сейчас Каталина сообразила, что тоже
выбралась на дорогу и стоит всего в паре шагов по-
зади лейтенанта. Тот обернулся — и девушка, отшат-
нувшись от неожиданно резкого движения, вновь

увидела перед собой его глаза, правда, теперь уже обычного серо-зелёного цвета. Костин посмотрел на нее и внезапно усмехнулся странной, кривой улыбкой:

— Ну, чего встала? Помогай давай.

Десять минут спустя. То же место

Чужаки появились, когда они с Каталиной как раз забрасывали в кусты очередной труп. Потом сверху добавят какого-нибудь мусора — и порядок. Не бог весть какая маскировка, но в их положении и пара часов лишними не будут. Впрочем, тут очень удачно нависала очередная куча щебня пополам с песком, и Костин подумывал о том, чтобы банально обрушить ее сверху. Ну а пока они занимались подготовкой к импровизированным похоронам.

Собственно, можно было сделать это и быстрее, но жаль было оставить просто так автоматы, пистолеты, гранаты, ножи и еще уйму мелочей, которыми убитые были натурально обвешаны. Куркулистая натура Костина не позволяла бросить это здесь, на дороге или даже рядом с ней. Вдруг пригодится, не им, так еще кому. Пожалуй, когда они разместят все это в кузове пикапа, тот изрядно потяжелеет.

— Ненавижу негров, — бормотал Костин, обыскивая труп. Никаких особенных эмоций это не вызывало, на тренинге по психологической устойчивости их несколько раз специально возили в морг, один раз специально подгадав, когда в него привезут тела после жуткой аварии. Заходивший на посадку турецкий лайнер не справился с управлением и рухнул на землю в километре от космодрома, смявшись в бесформенный блин. Месиво тогда было жуткое, и на

фоне этого свеженький, без специфического запаха труп с одной-единственной дыркой во лбу казался едва ли не милашкой. Хоть ты его одобрительно по щечке потрепи.

— За что? — Каталина тоже щеголяла выдержанкой, хотя и побледнела. Однако же честно старалась, а не строила из себя мисс брезгливость и не бежала в кустики проблеваться. В свете этого лейтенант даже раздумал давать ей втык, решив ограничиться профилактической беседой по поводу выполнения приказов, и то не сейчас, а позже.

— А ты посмотри, во что они оружие превращают. Прав был наш инструктор. Тупые и ленивые скоты.

Каталина толерантно промолчала, но мысленно, похоже, согласилась. Действительно, женщина любит ласку, а любое оружие, сколь бы оно ни было хорошо, уход и смазку. А довести сверхнадежный финский Суоми-40 до состояния, когда затвор двигается с трудом, — это надо ухитриться. И добро бы это был единственный пример, но подавляющая часть трофеев выглядела так, что его хозяев стоило немедленно расстрелять перед строем за саботаж и подрыв боеспособности.

В этот момент они и появились. Двое. Похоже, те самые, что только что весело драпали. Честно говоря, лейтенант думал, что они умчались прочь, сверкая пятками, но, оказалось, что им хватило смелости вернуться. И подошли тихо. Костин, увлеченный своим делом, их даже не услышал. Только заметил краем глаза чуть колыхнувшуюся тень на земле и развернулся, чтобы уткнуться лицом в ствол автомата.

Поразительно, каким большим может показаться калибр пять пятьдесят шесть, если видишь его прямо перед носом. Для Костина, раньше в таких переделках

не бывавшего, эти ощущения были внове и оказались неприятным открытием. Не настолько, чтобы испугаться, но все же. А хозяин оружия между тем угрожающе шевельнул стволов (палец на спусковом крючке при этом изрядно напрягся, нервируя лейтенанта) и что-то сказал по-испански. Костин, естественно, не понял ни слова, но по тону вполне догадался. Встать, руки вверх, держать так, чтобы я видел... ну, или что-то в этом духе.

Рядом что-то резко сказала Каталина. И получила не менее резкий ответ. Костин скосил глаза. Ага, второй стоит рядом с девушкой, и в руках у него громадный, нелепого вида пистолет. И, судя по тому, как стоит и держит оружие, человек это глубоко штатский и не слишком уверенно себя чувствующий.

Однако же он снова рявкнул. Это получилось интересно, как если бы кролик зарычал. Ответ Каталины прозвучал... непристойно. Слова непонятны, но тон соответствующий, да и «путано» или что-то очень похожее, Костин толком не разобрал, вряд ли можно считать изысканным комплиментом. Нарывается девочка... и правильно делает, потому что тот хмырь, что держал Костина под прицелом, на мгновение отвлекся, скосил глаза, и этого было, в принципе достаточно.

Шаг вправо, с линии огня, предплечьем отвести его в сторону, чтобы пуля, запоздавшая буквально на миг, бессильно ушла в лес, и свободной рукой, ладонью, ударить-толкнуть в подбородок. Тут главное, не переборщить и не сломать человеку шею, этот чудик пока что нужен. Вырвать оружие из ослабевших пальцев, потому как спички детям не игрушка. Повернуться — и увидеть вполне ожидаемое зрелище второго противника, сложившегося, как перочинный

нож, и опускающегося на колени. Руками он прикрывал напрочь отбитые причиндалы, а его пистолет уже был в руках Каталины.

— Неплохо, — одобрительно кивнул лейтенант. — Вижу, рукопашному бою в вашей армии все же учат.

— У тебя тоже хорошо получилось, — вернула она комплимент. — Ты его не убил, часом?

— Пока нет. Но мысль интересная. Это кто такие?

— А я откуда знаю? От них кроме ругательств ничего слышно не было.

— Ну, ничего, сейчас заговорят, — Костин склонился над лежащим, пару раз хлопнул его по щекам. — Эй, ты, очнись. Отвечай, кто вы такие, невезучие, и что вам от нас понадобилось.

Пленный открыл глаза, некоторое время смотрел на лейтенанта мутным, ничего не понимающим взглядом, потом сфокусировал их, почему-то на своем автомате, который тот по-прежнему держал в руках, и смахно выругался. Костин воздел очи горе:

— Като, ты как думаешь, если я ему сейчас пропстрелю коленную чашечку, он по-человечески разговаривать начнет? Или хотя бы язык выучит?

— Ты серьезно? — не поняла Каталина.

— Да серьезно, серьезно. У него из достоинств только умение ходить бесшумно. Вот и не будет больше подкрадываться. Да убери ты пистолет. У этой игрушки предохранитель отсутствует, как класс. Пальнец еще случайно.

Каталина пожала плечами, но оружие на всякий случай и впрямь убрала, кинула к той куче трофеев, что уже образовалась на дороге. А вот на пленного слова Костина произвели воистину магическое впечатление. Выпучив глаза, он несколько секунд смотрел на лейтенанта, а потом замедленно, как бывает

с человеком, язык знающим, но давно не практиковавшимся в нем, спросил:

- Так вы — русские?
- Да, — кивнул Костин, не вдаваясь в подробности.
- Тогда прошу меня простить, я не знал.
- Это естественно, — старательно удерживая бесстрастное выражение лица, кивнул лейтенант. — Еще что-либо можете сказать в свое оправдание?

Полчаса спустя они сидели возле пикапа. Костин, Каталина, Луис, получивший назад свой автомат, Гаспар, все еще болезненно кривяющийся, зло поглядывающий на девушку и пытающийся найти удобную позу, и Вероника. Именно из-за нее, самой молодой из их компании — ей не исполнилось еще и шестнадцати — и попали в переделку Луис с Гаспарам. Не вовремя вывихнула ногу, зараза! Хорошо еще, Гаспар, при всей своей недотепистости, мужчина крепкий, и пер ее по лесу, как лось.

История с ними случилась сколь паршивая, столь и банальная. Комплекс зданий, который на закачанной в планшет карте остался без названия, не имел военного или еще какого-то жизненно важного значения. Тем не менее, построили их не просто так, это была школа. Хорошая частная школа, пансион для детей богатых родителей в живописном месте. В лесу, воздух которого, подобно сосновым борам на Земле, обладал целебными свойствами. В общем, сливки общества подготовили для своих детей все самое лучшее. Все как всегда.

Вероника была как раз из таких детей. «Золотая» молодежь. Отец — замминистра, в общем, жить можно, и неплохо. На момент, когда в космосе появились корабли арабов, здесь в самом разгаре был учебный

процесс. И детей, отрезанных от родителей, оказалось немало.

Надо сказать, отец Вероники, Альфонсо Сенатра, был далеко не худшим представителем испанской нации. Во всяком случае, не трус и, вдобавок, немножко помешан на древнем Риме, причем не только теоретически. Кое-какие нормы поведения этого грозного античного государства он примерял на себя, в частности, был полностью согласен с их подходом к формированию элиты. А в Риме, как известно, занять сколь-либо значимый пост имел право лишь человек, отслуживший в армии и оттотавший немало километров в рядах легиона. Подход не бесспорный, но гарантирующий, что в случае войны решения будет принимать человек, в военном деле компетентный. Пускай не гений, но изнутри знающий, на что способны его солдаты и что им для этого требуется.

Вот и Сенатра, прежде чем начать подниматься вверх по карьерной лестнице, пошел и честно отслужил аж три года. Даже повоевать успел, когда давили пиратов, вздумавших организовать собственное государство. Некоторые крутили пальцем у виска, но ему армейская закалка в жизни помогала не раз. И вот сейчас, когда начался военный кризис, он не запаниковал и смог трезво оценить обстановку.

Время, купленное для планеты экипажем «Конкистадора» ценой собственной жизни, он использовал с умом. Организовал эвакуацию министерства, благо его прямой начальник впал в коматозное состояние, заперся в кабинете, называнивал кому-то и хотя бы не мешал. Ну а потом еще и успел сформировать отряд ополчения, занял позиции, продержался почти сутки, благо в царившей на планете неразберихе арабы не сразу поняли, куда и как надо бить. Ну а потом, видя,

что позиции все равно не удержать, сумел вовремя отступить, выведя из обреченной столицы почти весь отряд, с оружием и даже бронетехникой. Конечно, четыре полицейских броневика не бог весть что, но, примененные грамотно и вовремя, могут стать не-плохим козырем.

Вот тогда, уйдя в горы и организовав там базу, он решил заняться судьбой дочери. До того он разумно полагал, что ей сидеть в глуши безопаснее. Бомбить комплекс, не имеющий никакого значения, не станут. По той же причине к нему сразу не попрутся, все же силы захватчиков велики, но не беспредельны. Ну а когда подготовлено более надежное убежище, стоит и дочь вывозить, для чего и посланы были двое верных людей. Гаспар, его водитель, и Луис, с которым Сенатра когда-то вместе служил в армии, а потом, уже после юношеских эскапад, помог, пристроил к себе, в министерство, и потихоньку, но не чрезмерно, продвигал.

И вот тут-то выяснилось, что он опоздал. Буквально чуть-чуть, на пару часов. Когда Вероника уже оделась, собралась и даже садилась в машину, к пансиону подрулили два шахид-мобиля. Пришлось бросать все и уходить пешком. Арабы заметили, начали преследование. Шансы оторваться, честно говоря, имелись, но девушка подвернула ногу. Бросить ее они не могли, а неся на плечах, не сумели оторваться. Ну а потом им встретились Костин с боевой подругой. Вот, собственно, и все.

Если честно, Костин выслушал этот рассказ без особого интереса. Ну, нашелся здесь один адекватный и нетрусливый чиновник. Бывает. Чисто статистически такое должно было произойти. Может, и другие найдутся. Обычно, правда, бывает наоборот — мар-

шал удрал, генерал удрал, полковник удрал, майор тоже удрал... А лейтенант достал пистолет и поднял взвод в атаку. Здесь получилось иначе, но Костину было все равно.

Сейчас, вместо того, чтобы сидеть на травке, он бы куда с большим удовольствием и энтузиазмом рванул прочь отсюда, не жалея подвески, но, во-первых, стоило немного подождать и убедиться, что к шахидам не идет подкрепление, на которое можно случайно вылететь лоб в лоб. Во-вторых, разговор давал возможность хоть приблизительно оценить расклад сил в этом районе. Хреновые, кстати, расклады. И, главное, ему с новыми знакомыми было ну вот совершенно не по пути.

Когда Луис, который был у беглецов за главного, закончил, Костин развел руками:

— Что же, приятно было пообщаться. Дальше наши пути расходятся. Из трофеев возьмете, что потребуется, мне не жалко. Только имейте в виду, у них в аптечках нет ничего страшнее йода, такое чувство, что они в каменном веке живут.

— Но...

— Что? — Костин с неподдельным интересом поднял бровь.

— Вообще-то, мы рассчитывали, что вы нас проводите.

— С какого перепугу? У вас своя дорога, у нас — своя. И задание у нас свое, с вашим не пересекающееся, — Костин жестом остановил Луиса, собравшегося что-то возразить. — То, что у вас командир — большая шишка на этой планете, для нас ровным счетом ничего не значит. У вас свое болотце, у нас своя гора. Считаю, жаловаться вам и без того грешно, мы вам здорово помогли, если вы забыли. И да. Если вам

придет в голову мысль положить нас здесь в спину и завладеть транспортом, то, уверяю, это будет очень неудачная идея.

Луис заткнулся. Зато попыталась влезть Вероника, на паршивом, намного хуже, чем у взрослых, русском ляпнувшая что-то насчет поведения, недостойного идальго. Костин ее слова проигнорировал, зато ответила Каталина. Что она сказала, лейтенант не понял, но Вероника заткнулась моментально. Что же, очень неплохо, хоть один понимающий человек имеется.

Оказалось, не совсем понимающий. Пока Луис с Гаспаром, отойдя, копались в груде оружия, выбирая находящееся в более-менее пристойном состоянии, Каталина подошла, тронула его за плечо и кивнула в сторону — отойдем, мол. Ну что же, хочет поговорить вдали от чужих ушей — это нормально. Они отошли, ненамного, шагов на десять, и девушка негромко спросила:

- Ты их так и бросишь?
- Почему бы и нет? Они, обрати внимание, свою девчонку выцарапали, но спасать остальных даже не пытались. Если уж они не рыцари и даже не попытались вытащить своих, то я здесь тем более ни при чем.
- А я слышала, русские великодушны.
- Или ты неправильно слышала, или я неправильный русский.
- Это тебе так кажется, — многозначительно заметила Каталина, но продолжать не стала, потому что как раз в этот момент к ним подошел Гаспар.
- Я прошу меня простить, — начал он. Похоже, работа в качестве личного шофера большого босса вбила в него определенную культуру общения по отношению к вышестоящим. Учитывая же, что Костин

был здесь сильнейшим, он, несомненно, стоял в их группе выше всех, это Гаспар уже понял.

— За сквернословие просить прощения надо не у меня, а у нее, — Костин кивнул головой в сторону Каталины. — Хотя она, думаю, и простила, и отплатила. А за размахивание пистолетом мы не в обиде. В конце концов, кто мы, вы знать не могли.

Хотя, конечно, прежде чем угрожать оружием тем, кто вас спас, стоило бы хотя бы подумать, мысленно добавил он, но озвучивать не стал. Умный и так поймет, дураку же бесполезно объяснять. Впрочем, гадать, понял Гаспар или нет, Костин даже не стал — он был плохим физиономистом. Хотя, конечно, на намек о пинке по мужскому достоинству испанец точно отреагировал, лицо кровью налилось. И наверняка на языке снова засвербили неприличные слова. Впрочем, Гаспар предусмотрительно сдержался, что позволяло предположить наличие у него хоть какого-то ай-кью*.

— Я вас понял... Но дело в том, что я все же вынужден вас просить о помощи. Мы не дойдем сами, это больше сотни километров.

— Сюда же как-то добрались, — резонно заметил Костин.

— У нас была машина.

— Никто не заставлял вас ее бросать.

— Но мы не имели шансов справиться с этими...

— Я же как-то справился.

Крыть было нечем, но Гаспар все же попытался достучаться до дремлющих в глубине сознания русского совести и сострадания:

— Будь мы одни, дошли бы, но с девочкой...

---

* IQ — единица измерения интеллекта.

— Молодой человек, — Гаспар был заметно старше Костина, но лейтенант чувствовал себя куда более умудренным опытом. — На вашем месте я бы не ныл, а делом занялся. К примеру, вернулся в этот ваш пансион, где сейчас врагов наверняка не осталось... или осталось, но совсем мало, и забрал свою машину. А то и две, если наглости хватит. Все, разговор окончен.

Похоже, крайне простая, в общем-то, мысль о том, что стоит позаботиться о себе самим, а также о простом варианте действий, в голову Гаспара до сих пор не приходила. Он резко повернулся и почти бегом направился к Луису. Через минуту, после короткой, но бурной дискуссии оба подошли к Костиныу:

- За девочкой посмотрите?
- Вон, сажай Гаспара, пускай смотрит, от него все равно толку нет. А я с тобой прогуляюсь.
- Я тоже, — влезла Каталина.
- И ты тоже. Заодно нашего переводчика выгуляем, а то он, бедный, извертесь весь. Похоже, мочевой пузырь уже полный.
- Но... вы же не хотели помочь.
- Ты не понимаешь психологию русских, — усмехнулся Костин. — Мы не отказываемся помочь, мы не хотим делать за других чужую работу. Сейчас же вы будете работать сами, мы вас просто немного подстрахуем.

Холм в ста метрах от пансиона. Еще через час

Как оказалось, не все арабы помчались следом за беглецами. Впрочем, может статься, эти подъехали уже позже. Во всяком случае, техники на стоянке, по словам Луиса, заметно прибавилось. Да и рожи у тех, кто здесь сейчас хозяйствовал, заметно отличались от

темнокожих дебилов, навсегда оставшихся под песчаной осыпью. Эти-то как раз были арабами классическими, со вполне нормальными, даже малость одухотворенными лицами. Не все, конечно, но в первой группе они и вовсе отсутствовали, как класс, так что разница бросалась в глаза. Единственное сходство — эти тоже носили бороды, но, кстати, у большинства достаточно аккуратно подстриженные.

Вообще же, пансион на Костина впечатления не произвел. Все же в лесу, да еще и для детей, можно было бы построить что-нибудь не столь уродующее ландшафт. К примеру, на тему сказок архитектуру завернуть, что ли. Костин однажды видел такой, на планете Малый Вайгач. Там тоже выстроили пансион для детей, правда, в качестве реабилитационного комплекса. Так-то это в империи было не принято, но для тех, кто попал в аварию, заболел всерьез или еще что, расстарались. Вот там была действительно красота, здесь же...

Четыре трехэтажных здания простейшей архитектуры, безо всякой выдумки. Поставили рядами и на том успокоились. Один, видимо, учебный корпус, он заметно отличался от остальных, еще три — жилые. Чуть подальше два бассейна, один летний, открытый, второй под прозрачным куполом. Спортивная зона, неплохо оборудованная, стоянка для машин, несколько безликих коробок, похоже, гаражи-склады-подсобки, и, в общем-то, все. Торчало это непонятное убожество посреди леса, будто прыщ на заднице, и глаз не радовало.

Откровенно говоря, Костин уже считал свое решение прийти сюда ошибкой. Хотел-то всего лишь помочь, да не от широты душевной, а просто чтобы местный главпартизан должен был услугу, которую

с него, случись нужда, можно будет требовать. Ну, или хотя бы напомнить о ней — мало ли, как жизнь повернется, и союзники, пускай даже такие, лишними не будут. Но по всему выходило, что прежде чем наложить лапу на транспортное средство, придется отправить к праотцам кучу народу, который эти машины просто так не отдаст. Это уже риск, совершенно сейчас не нужный. Назвался груздем, понимаешь, вот теперь сиди и не чирикай. Данное слово не нарушишь, в империи это не принято. Свои потом не поймут.

— Ну, что скажешь? — Луис, лежащий чуть в стороне, за большой кучей, очень напоминающей муравейник, но почему-то без муравьев, говорил еле слышно. Костин больше догадывался, что он хочет сказать, чем разбирал отдельные слова.

— Ничего хорошего. Мы даже не знаем, сколько их тут. Эй, ты, — лейтенант щелкнул пальцами. Мурад тут же принял угодливую позу, всем видом показывая, что готов услужить. Как это у него получилось, хрен поймешь, но никакой двусмысленности в этом вопросе не возникало. — Кто это такие?

— Это? — Мурад сузил глаза. Похоже, со зрением у него было не все в порядке, что, впрочем, для жителя отсталой планеты совсем неудивительно. Костин зло засопел и сунул ему в руки бинокль. Маленький, аккуратный, с электронной разверткой. Мурад прильнул к нему, всмотрелся... — Это люди Эмира.

Вот так, с большой буквы, по интонации ясно. А еще заметно, что Мурад им завидует до безумия. Сам, видать, рылом не вышел, а те наверняка имеют какие-то серьезные льготы по сравнению с обычным, пускай даже слегка привилегированным ваххабитом. И Мураду оказаться среди них очень хочется, аж слюной давится.

А люди эмира чувствовали себя здесь, похоже, полными хозяевами. Ничего не боялись, ходили по одному, беспечно, курили что-то... Судя по тому, как один из них сидел и покачивался, глупо улыбаясь, явно не табак. Самое паршивое, неясно, сколько их тут было. Но связываться решительно не хотелось. Это патруль можно покрошить и рассчитывать, что хватятся его не сразу. В местном бардаке, кстати, могут и вовсе не хватиться. Люди же эмира, судя по всему, здесь что-то вроде элиты, их живо начнут искать. Сначала их, а потом тех, кто их положил, и это при условии еще, что сумеешь победить.

- Что будем делать? — ну, то уже Каталина.
- Уходить. Слишком рискованно.
- Тут же дети...
- Вот начнется стрельба — и положим тут всех детей. Или мы, промахиваясь, или они, со злости.

Каталина задумалась. Костин поморщился. Дети... Может, и дети, он про то, какого возраста народ здесь учится, как-то не интересовался, но он в возрасте Вероники уже вовсю пахал на отцовском тракторе. Дети... Подкатила к горлу мутная злость. Да и пес с ними, в конце концов, они всю жизнь были на особом счету — пускай теперь этот особый счет и расхлебывают. Будь это в империи, он бы костьми лег, их вытаскивая, но здесь чужая страна, чужие люди. И дети тоже чужие.

- Смотрите, — ну, это опять Луис. Костин отобрал у Мурада бинокль, все же свои глаза хорошо, а с прибором лучше. Всмотрелся и едва не присвистнул от удивления. Если уж эти укурки так оживились, засуетились, будто муравьи, значит, ожидается что-то интересное.

Несколько крепких, бородатых мужиков выводили из учебного здания детей. Старшие шли, заложив руки за голову, младших просто гнали, как скот. Их подгоняли окриками на незнакомом лейтенанту гортанным языке и толчками прикладов, не особенно сдерживая удары. Костин удивленно посмотрел на Мартинес, но Каталина лишь пожала плечами. Луис тоже ничего не понимал. Тогда он повернулся к Мураду:

- Это что такое?
- Не знаю. Наверное, расстреливать повезли, или, может, руки отрубят.

Говорил он шепотом — видать хорошо помнил обещание лейтенанта вырвать ему язык, если заорет, и знал, что русские слов на ветер не бросают. Костин удивленно поднял брови:

- С чего это?
- Они учились в школе, — терпеливо, как маленькому, объяснил ему Мурад. — Это харам.
- Я тебе сейчас твой харам в задницу засуну, — прошипел Костин. — И проверну три раза. Где они этим заниматься будут?
- Откуда я знаю? — Мурад чуть заметно побледнел, что, впрочем, на смуглом лице было не слишком заметно. — Может, здесь, может, отвезут куда. Скорее всего, здесь, какая им разница?

Это уж точно, разницы бородатым ублюдкам не было никакой. И машина, точнее, небольшой автобус, на котором они приехали, для перевозки такого числа пассажиров не годился физически. В него можно было бы вбить человек двадцать — тридцать. Ну, пятьдесят, если запрессовывать, как сельдь в бочку, а детей даже навскидку было не менее сотни. Невероятно, что ваххабиты просто согнали их всех

в кучу посреди двора и некоторое время совещались вполголоса. Потом один кивнул и отошел, чтобы уже через минуту вернуться, небрежно таща за собой огромный, как бы не директорский, стол.

Модификант, подумал Костин. Мышицу-то вон какую нарастил, и стол одной рукой на весу держит. А в нем — килограммов сорок, а то и больше — на таких провинциальных планетах любят делать мебель из дерева. Интересно, ему только мускулатуру усилили или еще что?

Модификант тем временем, даже не подозревая, что его разглядывают и оценивают, с грохотом поставил стол на серый, покрытый густой сеткой мелких трещин асфальт и повернулся к остальным. Тот, который был у них за главного (во всяком случае, именно у него волосы были перехвачены зеленой лентой с неизвестными то ли буквами, то ли пятнами), кивнул одобрительно и что-то сказал. Похвалил, наверное. Звукопеленгатор работал, исправно ретранслируя его слова наблюдателям, но Костин закономерно не понимал ни слова.

— Чего он там бормочет?

— Не знаю, — голос Мурада звучал испуганно. Видимо, ему очень не хотелось стать ненужным — понимал, что как только это произойдет, его прикопают в первой же канаве. — Они не с моей планеты, у них свой язык.

— Надо же. А я думал, вы все на одном лопочете.

Мурад хотел что-то ответить, но Костин жестом велел ему заткнуться и вновь с бесстрастным выражением лица принялся наблюдать за происходящим. Каталина подползла, толкнула его локтем в бок:

— Так и будешь смотреть?

— Да. Запись ведется.

- Какая запись?
- Обычная. Уйти средь бела дня незамеченными все равно не сможем, так хоть информацию соберем.
- И что, пусть дальше их убивают?
- Во-первых, сомневаюсь, что будут творить то, что сказал наш... э-э-э... проводник. Не в средние века живем. А во-вторых, у нас, если ты помнишь, совсем иная задача.
- Ну, ты и...
- Перебивать невежливо. В-третьих, если бы ваше правительство хотело избежать подобных экс-цессов, оно не экономило бы на обороне. Мы, к примеру, не экономим. Так что, какие ко мне претензии?

Девушка зло скривилась, но ничего не сказала — в словах русского была горькая правда. Возникни у кого-то мысль провернуть такое с имперской пленетой — с него бы свои же кожу живьем содрали. Уж больно страшно отвечали имперцы на любое хамство.

Между тем, бородачи приняли, наконец, решение. Модификант ловко, будто морковку из грядки, выдернул из толпы школьников девочку лет восьми и, без видимого усилия держа ее на весу, подтащил к столу. Миг — и ее руки оказались прижаты к твердой, благородных расцветок поверхности.

— Сейчас обрубят, — то ли безразлично, то ли даже с восхищением прошептал Мурад. Однако здесь он ошибся. Из толпы выскочила и, не обращая внимания на направленное в ее сторону оружие, бросилась к модификанту вторая девчонка, лет пятнадцати. Мордально, кстати, очень похожая — наверное, старшая сестра. Увы, на удары ее кулаков модификант обратил внимания не больше, чем на какую-нибудь муху. Зато его товарищ, опустив оружие, ловко перехватил решительную девицу и с хохотом ее облапал.

Тем временем, главарь отошел и вернулся с утилитарного вида топором. Судя по цвету, сдернул он этот инструмент с пожарного щита. Сейчас зловещая расцветка пришлась как раз кстати, но сравнить ее с естественным колером никому не удалось. Стоило только бородатому поднять свою железяку, как посреди его лба открылся вдруг третий глаз, затылок брызнул веером окровавленных осколков и, сделав два шага назад, труп — уже труп! — спиной рухнул на землю.

Отдача у трофеиного карабина была очень мягкая, а пули оказались хороши. Второй выстрел — в грудь одному из автоматчиков. Костин словно воочию увидел, как оболочка пули раскрывается лепестками в его теле и, судя по огромной дыре в спине убитого, так все и было. Ему попросту вырвало кусок позвоночника, но и без того от стремительно распространяющегося по телу гидродинамического удара все органы убитого должны были превратиться в кашу.

Третий выстрел — в лицо успевшего повернуться на звук модификанта, и тот рухнул рядом со своим командиром. Его товарищ, что держал руки приговленной, вскочил и получил свою пулю в бок. Пятая — еще одному автоматчику, точно в сердце.

Только в этот момент уцелевшие бандиты, все трое, открыли беспорядочную стрельбу. Судя по всему, особым боевым опытом похвастаться они не могли и, кроме того, очень испугались. Стреляли, куда попало, больше для того, чтобы хоть как-то заглушить свой страх. Костин хладнокровно пристрелил еще одного, потом дважды промазал — мишень прыгала, словно заяц. Наконец, удалось попасть шустрому автоматчику в ногу, практически оторвав ее ниже колена и поставить смачную точку уже лежащему, в голову.

Боек сухо щелкнул. Лейтенант поморщился. Увлекся стрельбой, забыл, что магазин неполный, выстрелы не считал... Непрофессионально, а главное, перезаряжать нечем. А тот, который держал девчонку, бросившуюся на помощь сестре, прикрываясь ею, как щитом, все еще жив. Держит ее, водит перед собой стволом автомата, выискивая цель. Хотя... Короткое шевеление пальцами, из налобной гарнитуры выезжает и занимает штатную позицию перед глазом тоненький, будто стекло очков, прицел-монокуляр. В таком бою он не нужен, зато позволяет в деталях рассмотреть цель. Костин усмехнулся. Ну вот, так и есть. Рука бородача сжата с такой силой, что костяшки побелели, палец вдавил курок до упора. Х-ха! Да, этот урод с испугу выпустил весь магазин и даже не заметил. Вояка недоделанный!

Костин, уже не скрываясь, встал и зашагал к месту событий, забросив винтовку на плечо и придерживая ее за приклад. Ствол зловеще, хотя и бессильно, смотрел в небо. Позади зашуршали ветки — похоже, Каталина решила следовать за ним. Получалось у нее не очень — торопливо и шумно.

— Ты чего?
— Ничего, — коротко ответил Костин. — У меня патроны кончились, а из пистолета на такой дистанции стрелять — только девчонку угробить.
— А... он?
— Он? Да он не соображает даже, что происходит. Ты погляди, он сейчас искренне уверен, что стреляет в меня. Поразительно, как легко пугаются те, кто привык безнаказанно причинять боль другим.

Бородатый, видимо, сообразил своими укуренными до фильтра мозгами, что здесь что-то идет не так. Во всяком случае, он отбросил автомат (как только

не надорвался, бедненький, держать его одной рукой) и выхватил нож. Длинный, широкий, замысловато изогнутый и абсолютно нефункциональный. Приставил его к горлу заложницы и заверещал что-то. Язык его так и остался для Костина тайной за семью печатями, но тут и без перевода было ясно — «все назад, или я убью ее!». Ну, или, возможно, что-то иное, но по смыслу очень похожее. Лейтенант хмыкнул:

— Обрати внимание, а пальчики-то дрожат. Ты как, уши на память отрезать будешь?
— З-зачем? — не поняла Каталина.
— Не знаю. Мало ли какие обычай в ваших диких Европах.
— Да ты...
— Тих-ха! — лейтенант остановился напротив свирепо выпучившего глаза захвачника. Постоял, спокойно глядя на него, перенося вес с носков на пятку и обратно. Подумал, что тренироваться надо все же чаще, уж слишком быстро уставать начал. И, безошибочно уловив момент, когда противник угрожающим, как ему казалось, движением взмахнул клинком, убрав его на миг от горла заложницы, ткнул бородатого стволом винтовки в глаз.

Бандит дико взвыл, зажимая рукой изуродованное лицо, и тут же рухнул, получив сильнейший удар ногой. Костин шагнул к нему и всей массой наступил на горло. Захрустела, ломаясь, гортань, вопль перешел в хрип, пальцы заскребли песок и конвульсивно выгнулось тело. Лейтенант посмотрел и безразлично пожал плечами:

— Вроде бы все. Пошли отсюда.
— Куда?
— Да куда угодно, лишь бы подальше, — ответил лейтенант, поднимая автомат одного из убитых и про-

фессионально обшаривая труп в поисках патронов. Нашлось всего три магазина — негусто. Впрочем, можно было посмотреть у других убитых. — Скоро этих уродов хватятся, сюда примчится толпа и из нас ромштексов наделят. Солдаты из них аховые, но лично у меня желание воевать с целой дивизией отсутствует напрочь.

— А... дети?

— Послушай, — лейтенант повернулся к девушке. — Меня зовут Всеволод Иванович Костин. Слов «Красный Крест» в моем имени не наблюдается. Я и помогать-то никому не должен был, да вот... Но дальше пускай уж сами, без моей помощи. У детей есть родители, которым положено о них заботиться, у планеты — армия, которая костьюми должна лечь, но захватчиков в свой дом не пустить. Я знаю, что сражались вы до конца, но раз не справились, то не стоит втягивать других в решение своих проблем. Без обид. Луис!

— Чего? — припоздавший испанец вырос будто из-под земли.

— Ты куда запропал?

— Да этот ваш... Мурад сбежать под шумок пытался. Я его оглушил слегка и связал.

— Это ты правильно, это умно. Бери машину, проверь все хорошенько и дуй за своими. Оружие, то, что у нас в кузове, забирайте. Потом у себя реанимируете. Удачи.

— Спасибо, — Луис едва не вприпрыжку бросился к потрепанному седану, но потом, видимо, передумал и остановил свой выбор на одном из двух стоящих рядом шахид-мобилей. Разумно, полный привод и крупнокалиберный пулемет лишними не бывают. Костин повернулся к Каталине:

- Езжай с ним, пригониши нашу машину. Или, если хочешь, уезжай с ними, здесь транспорта хватает.
- С ума сошел?
- Нет, в лесах у тебя больше шансов выжить, чем со мной, звездолеты угоняя.
- Да пошел ты...

Костиин задумался, потом обошел обиженно сопящую девушку и направился к третьему шахид-мобилю. Он стоял за автобусом, поэтому Луис на него особо и не обратил внимания, а вот Костина еще когда они лежали в засаде заинтересовали необычные обводы пикапа.

Ого, а игрушка-то ничего, даже побольше той, на которой они сюда приехали. И движок мощнее, и колеса огромные, с «зубастыми» покрышками. Кенгурятник, лебедка, все дела... Похоже, прежний хозяин этого танка был любителем офф-роуда. Неизменный пулемет в кузове, такой же, как они оставили Марии с мужем, канистры полные... Ай, маладца!

- Слыши, Луис!
- Да?
- Знаешь, нашу машину тоже забирайте. Мы на этой поедем.

Испанец удивился, подошел, завистливо присвистнул:

- Ничего себе... Это же дона Перейры машина.
- Это что за чудик?
- У нас на планете самый известный искатель приключений. Правда, говорят, когда все началось, его здесь не было. Куда-то улетел.
- Да? Ну и черт с ним. Машина вроде ничего. Ладно, Луис, удачи.

Тот кивнул и, повернувшись, быстро зашагал к выбранной машине. Взревел двигатель, пикап

выплюнул облако вонючего дыма и умчался прочь. Костин подошел к Каталине, по-прежнему стоящей с опущенными руками:

— Видишь? Уехал, и нет у него никаких угрызений совести. А ведь ему эти дети вроде как не совсем чужие. Так что хорош дуться. И не обижайся на меня, пожалуйста, насчет того, чтобы тебе поехать с ними, я ляпнул не подумав, каюсь.

— Мне тоже...
— Чего тоже? — не понял Костин.
— Мне тоже не совсем чужие. Знаешь, ты езжай, ладно? Я попробую что-нибудь сделать.

И ведь попробует, понял Костин. Останется и попробует. Ее пристрелят, скорее всего... Хотя нет, ей очень повезет, если пристрелят сразу. Дура. А ему потом всю жизнь совесть успокаивать.

— Эх, дал бы я тебе по шее, да нельзя, — с сожалением в голосе проворчал он.
— Это почему еще? — удивилась Каталина.
— Женщин бить нельзя, женщина — слабый пол.
— Да ты... ты... сектрист!
— А это что такое?
— А это те, кто считает женщин хуже мужчин.
— Разве я такое говорил? Не передергивай, я всегда лишь утверждал, что вы слабее.
— Неправда!

Костин согнул руку в локте и продемонстрировал тугу натянувший ткань рукава бицепс.

— Разогни.
Девушка посмотрела на него унижительно, и, вместо того, чтобы браться за явно непосильную задачу, круто развернулась и пошла к детям. Костин скрипнул зубами.

Больше всего хотелось дать ей по голове чем-нибудь тяжелым, кулаком, например. Потом закинуть в машину и валить, валить отсюда куда подальше. Вместо этого он развернулся на каблуках и направился к лесу, туда, где они оставили Мурада. Если тот, конечно, не сумел развязаться и сбежать. Не дай бог, конечно, бегай за ним потом по лесу.

Как оказалось, узлы Луис вязал на совесть. Мурад лежал, уткнувшись носом в ствол дерева, и шевелиться ему было не с руки — тонкая, но прочная веревка охватывала его шею, и, пытаясь хоть немного изменить позу, пленник моментально заставлял удавку затягиваться сильнее. Грамотно сработано, ничего не скажешь.

— Знаешь, братец, а ведь ты меня разочаровал, — Костин присел на корточки рядом с Мурадом. — Я ведь тебе русским языком говорил: не вздумай дергаться. А ты что? Обманул ты мое доверие.

Мурад что-то сказал на своем языке. Костин даже не стал гадать, что — может, выругался, может, помолился. Какая разница? Переводчик, не понимающий большую часть местных диалектов, был ему не нужен. Ходячая проблема, готовая воткнуть нож в спину — тоже. А потому... В общем, Мурад ничего не успел почувствовать.

Территория пансиона. Через полчаса

— Это кто такие?

Каталина обернулась, судя по выражению лица, удивленная и обрадованная. Впрочем, все эмоции она тут же погасила, сухо пояснив:

— Местные учителя.

Да уж, учителя. Человек десять, в основном тетки средних лет и мужчины чуть постарше. Ну, оно и понятно, народ достаточно опытный, чтобы

нормально вести занятия, и в том возрасте, когда не тянет завести интрижку с учениками постарше. Даже инструктор по физподготовке уже далеко не молод, хотя не потерял еще ни легкости движений, ни крепких мускулов. Разве что обзавелся в дополнение к этому небольшим пивным животом. Ну и еще двое явно не имели отношения к обучению, сантехники-электрики, сразу видно.

Учителя... Интересно, где они были, когда... В сортире сидели да вес сбрасывали? Стоп, одернул он себя. Не много ли требуешь от насквозь гражданских и немолодых уже людей? Толку от них, правда, скорее всего, тоже не будет. Он вздохнул, повернулся к Каталине:

- Решила все же попытаться всех вытащить?
- Да.
- Глупо.
- Я уже говорила, что тебя не держу.
- А я своих не бросаю.
- Я. Это. Сделаю.
- Слушай, женщина, да поступай ты, как хочешь, все равно потом пожалеешь. Но запомни, если не будет другого выхода, получишь по башке и уедешь отсюда связанной.

Каталина явно хотела сказать в ответ какую-то колкость, но передумала, только вздохнула:

- Зря ты Луиса отпустил. Пусть бы взял с собой хоть человек десять.
- Ты уверена, что он не вышвырнул бы их по дороге? Я — нет.
- Плохо же ты думаешь о людях.
- Да. Потому что жить хочу.

Каталина не ответила, видно было, что ей не по себе. Обстановку надо было срочно разряжать, и Ко-стин спросил:

— Боишься?

Девушка зябко повела плечами и, вздохнув, честно ответила:

— Да.

— А вот это ты зря. По-настоящему на этой планете бояться стоит лишь одного человека.

— Кого же? — Каталина прищурилась, явно догадываясь уже, какой будет ответ, и Костин постарался ее не разочаровывать.

— Меня, разумеется.

— Ты от скромности...

— Да-да, именно так. Учитывая, что с момента нашего знакомства ты сказала эту фразу уже раз пятнадцать, она только подтверждает мое величие — ухмыльнулся лейтенант и, не удержавшись, показал девушке язык. Та прыснула в кулак. Ну что же, похоронное настроение ушло, и теперь можно было заняться делом.

Беда только в том, что он совершенно не представлял, как решать свалившуюся ему на голову проблему. И потому, что никаким образом на такое не рассчитывал, и потому, что его решать подобные задачи попросту не учили. Может, тот, чья профессия изначально предусматривает бег по тылам противника с пулеметом на плече или внедрение в чужую жизнь с построением агентурных сетей, проблемы бы не увидел в принципе. Или, как вариант, знал, что нужно делать. Скорее всего, повернулся бы и ушел, наплевав и на детей, и на Каталину, и был бы, откровенно говоря, прав. А вот космонавт, пусть и решавший весьма специфические задачи, столкнулся с этим впервые и вынужден был импровизировать, сохраняя при этом уверенный вид и важно надувая щеки.

Он еще раз посмотрел на взрослых обитателей этого заповедника отпрысков благородных семейств. Паршиво. Что не герои, понять можно вполне, но отсутствие инициативы удивляло. Может, это просто стресс, а может, привыкли к сътой, спокойной жизни. Поразительно, если у европейцев это фронт, то что же делается на центральных планетах? Неудивительно, что среди флотских офицеров, особенно буйной молодежи, регулярно возникают мысли о том, как неплохо бы съездить туда на экскурсию. Одной-двумя эскадрами, к примеру. Судя по всему, шансы на успех у «туристов» бы имелись, и неплохие. Впрочем, если эти умники бесполезны, когда речь идет о войне, то это не значит, что от них вообще не будет толку.

Лейтенант громко щелкнул пальцами, привлекая внимание. Холодно посмотрел на собравшихся и процедил:

— Кто у вас за старшего?
— Я — директор школы, — в голосе ответившего все еще присутствовали остатки начальственной вальяжности. Это плохо, а еще хуже, что не посмотришь на него сверху вниз, роста не хватит. Впрочем, есть и другие варианты. — А вы кто такие?

— Старший лейтенант Костин, Российский императорский флот. Почему допустили бардак?
— Да вы, собственно...

Костин, не слушая более, развернулся, неспешно подошел к простенькой металлической ограде, идущей вдоль стоянки, и одним рывком вырвал из нее прут в мизинец толщиной. Только сварка тренькнула. Так же неспешно вернулся и, под обалдевшими взглядами окружающих, обмотал железку вокруг шеи директора, ловко переплетя края. Пострадавший даже пискнуть не успел, сведя глаза к переносице — ды-

шать стальная петля не мешала, но дискомфорт явно доставляла. А вот не надо слова через губу цедить, не дорос ты еще до этого, и возраст тут совершенно ни при чем. В империи привыкли уважать за дела, а не за годы.

— Вопросы будете задавать, когда разогнете, а теперь отвечайте. Здесь транспорт есть?

Вопрос, в общем-то, логичный. Не может в таком заведении не быть собственной техники. Разъездной какой-нибудь, например. Хотя должно быть и что-то повместильнее, экскурсии детям положены, или как? Даже если их сюда вертолетом привозят. Вместе с автобусом, на котором приехали шахиды, трупы которых, кстати, так никто и не убрал, это дает хоть какой-то шанс.

— Есть, — очевидно, наглядная демонстрация силы произвела впечатление. — Там, в гараже...

— Где ключи?

— У Терезы... но ее убили.

— Ясно, веди. Хотя нет, стой.

Костин махнул рукой спутнице и зашагал в сторону по-прежнему сгрудившихся возле несостоявшейся плахи детей. Почему не разбегаются? Шок? Нет, что-то здесь явно было нечисто. Взрослые на этой планете оказались в большинстве безынициативными, но у детей совсем другая мотивация, иное поведение. И то, как они вели себя здесь и сейчас, не вписывалось в понимание Костина. Или у него мозгов с образованием не хватает, или... Мысль, которая периодически возникала в мозгу еще с момента драки в деревне, но пролетала, не успев оформиться, наконец-то сложилась во взятную форму. С планетой, с живущими на ней людьми что-то не так. Это была загадка, а Костин терпеть не мог загадок. Особенно опасных для жизни.

Каталина поняла его жест правильно, догнала лейтенанта буквально через десяток шагов и пошла рядом. Так, плечом к плечу, они и подошли к детям. Те сидели тихо, как мышки. Похоже, запуганы вконец. Костин поиском среди них глазами, живо нашел то, что хотел, и поманил рукой:

— Иди сюда, не бойся.

Подошла. Та самая девчонка, что бросилась защищать сестру. Сестренка, кстати, тоже подошла, держась чуть позади. Костин внимательно посмотрел на старшую. Ну что же, для пережитого держится неплохо, а ведь кто другой после всего, особенно послужив живым щитом и получив царапину от ножа на шее, впал бы в истерику, а эта ничего, держится. Молодец. И на лицо вполне ничего. Года через три стоит позавидовать тому, кого она одарит вниманием. Если доживет.

— Тебя как зовут? — спросил лейтенант, глядя девочке (или уже девушке? Хрен их в таком возрасте поймет) в глаза. Это было легко — росту она была не мелкого, Костин — наоборот, так что глаза находились почти на одном уровне.

— Изабелла.

— Красивое имя. Вот что, я видел, как ты бросилась защищать сестру. Молодец.

— Я знаю, — девчонка чуть задрала носик, и Костин подумал, что характером она, похоже, вроде него самого. Нельзя сказать, чтобы он был в восторге, но и плюсы у этого, несомненно, были.

— Хорошо, что знаешь. А жить хочешь? Вместе с сестрой, разумеется?

— Да, — Изабелла энергично кивнула.

— Вот и молодец. Пошли.

Идти было недолго, шагов десять. Как раз до ближайшего трупа, с которого никто не подумал забрать

оружие. А зря, кстати, оно, в отличие от стволов первой группы, было весьма ухоженным. Костин быстро охлопал тело, снял с него весьма неплохую «сбрую» немецкого производства. Пистолет в подвешенной на нее подмышечной кобуре тоже оказался немецким. Ну надо же, настоящий «глок». Кстати, довольно легкий, в нем почти все пластик или титан. Очень неплохо. Повернулся к Изабелле:

— Берешь?

О-па, а глазенки-то загорелись! Не вышла, видать, еще из того возраста, когда нравится играть с оружием. И даже то, что снято оно с трупа, на который Изабелла посматривала довольно настороженно, ничего не изменило.

— Беру.

— Пользоваться умеешь?

— Стреляла в тире. Правда, не из такого.

— Отлично. Смотри сюда. Патрон уже в ствole.

Аккуратно спускаем курок, чтобы не выстрелить. Вот предохранитель. Все, достаточно его перешелкнуть — и пали, в обойме двенадцать патронов. Все поняла?

— Ага.

— Ну и отлично, потом займемся специально, а пока и этого хватит. Надевай «сбрую». Вот так, — Костин потратил минуту, подгоняя ремни под худощавую, еще полудетскую фигуру. — Все. Твоя задача — организовать старших ребят, собрать оружие и следить, чтобы никто не появился. Если что — стреляй.

— А... если не послушают?

— Пальни в землю перед тем, кто не слушает. Он обгадится, а остальные шустрее работать будут. Все поняла? Ну, вперед!

— Ты что, с ума сошел? — напустилась на него Каталина, когда девчонка, изо всех сил старающаяся казаться взрослой и крутой, отошла к своим.

— Не-а, — усмехнулся Костин и махнул рукой директору, безуспешно пытавшемуся разогнуть железяку, которая явно доставляла его шее определенные неудобства. — Эй, ты, умник, давай показывай, где тут у вас гараж.

— Тогда какого хрена...

— Като, — лейтенант повернулся, взял Каталину за плечи и слегка встряхнул. Чуточку не рассчитал, и голова девушки мотнулась, будто пришитая. — Очнись. Эта девочка — единственная здесь, кто оказал хоть какое-то сопротивление этим уродам. И поднять тревогу она, если что, сумеет. Бряд ли, конечно, здесь в ближайшие часы кто-то появится, объект не из важных, но все равно лучше такое охранение, чем никакого.

— Ну, дал бы оружие взрослым...

— А им я не доверяю. Потому как они своих подопечных бросили.

Каталина фыркнула, но ругаться не стала. Все равно бесполезно, дело сделано, она поставлена перед фактом. Костин усмехнулся. Вот так оно и делается. Может, и не хорошо, но изменить что-то все равно не получится. И, кстати, хорошо, что у нее хватило такта не затевать спор при посторонних. В конце концов, они — это они, а чужие — это чужие. Хотя... хм... очень интересно. Он-то ее своей воспринимает давно, а она его с какого момента? Впрочем, может статься, это просто домыслы. Какие испанцы, к черту, свои... А жаль.

Прибытие директора избавило его от праздных и совершенно неуместных сейчас мыслей. Все еще

нервно теребящий концы железки, хорошо напоминающие о том, кто здесь комендует, местный главнокомандующий без проволочек отвел их к требуемому боксу. Уже через пару минут Костин с восторгом созерцал гигантских размеров амбарный замок из тех, что использовались за тысячу лет до его рождения и наверняка останутся в ходу, когда его кости развеет плах. Замечательная штука!

Вообще, как оказалось, гараж был здесь практически единственным местом, спроектированным и построенным с умом и выдумкой. Не зря же ни лейтенант, ни Каталина его попросту не заметили. Расположенный позади основных зданий, он не был стандартной бетонной коробкой на поверхности ландшафта. Нет, он был стандартной бетонной коробкой, в этот ландшафт утопленной. Сверху земля и трава, цветы местные растут и пахнут, а гараж более всего напоминал хорошенько замаскированный бункер. Из общей картины выбивались дорога и ничем не прикрытые ворота, но они-то как раз и выдавали абсолютно мирное назначение объекта. Просто толстые доски и этот вот амбарный замок, который привел Костина в такой экстаз. Точно такой же обычно вешал на амбар его отец. Совершенно, кстати, бесполезная в их местах вещь, скорее, дань традиции, поскольку удержать кого-нибудь такая железка не смогла бы.

Здесь, очевидно, думали иначе. Ну да, кто же ожидал, что их гаражом заинтересуется выходец с «тяжелой» планеты. Костин взялся за замок. Ты уж прости, железка, ни в чем ты не виновата, но... им нужно попасть внутрь, а потому не стоит загораживать дорогу.

Кланг! Костин не обернулся, но и без того знал, что глаза у директора полезли на лоб. Оставалось только извлечь из слегка пострадавших петель

сломанную дужку замка, а потом толкнуть ворота. Раз, другой... И сообразить, что они открываются наружу.

Внутри гаража царил вековой сумрак, но было, как ни странно, сухо. Обычно влага в подобных строениях присутствует, что называется, по умолчанию, но здесь и сейчас ее не наблюдалось в принципе. Очевидно, строители хорошо продумали вентиляцию. В общем, можно жить, но сюда всего лишь ставили машины. Щелчок выключателя — и глазам Костина предстало наследство покойной Терезы, которая, очевидно, занималась в этих местах тем, что на нормальных планетах обычно делают мужчины, в частности, обслуживала технику.

А посмотреть было на что. Тереза, похоже, была неплохим специалистом, и хозяйство ее находилось во вполне пристойном состоянии. Два автобуса, чуть меньше трофеиного, тяжелый грузовик, увы, с разобранным двигателем, и огромный внедорожник, судя по комфортабельному салону, заточенный под перевозку самого директора или каких-нибудь важных гостей. Ну что же, неплохо. Костин повернулся к представителю местного начальства.

— Мне нужно три человека, умеющих водить автобусы. Бегом!

— Я спрошу...

— Ты не спросишь, — Костин подошел к директору, и тот разом съежился, стал меньше ростом. — Ты обеспечишь. Или, клянусь, я тебя пристрелю!

Дорога. Три часа спустя

Машину потряхивало и подбрасывало, несмотря на хитрую систему амортизаторов и огромные

по сравнению с обычным пикапом колеса. Костин сидел за рулем, развалившись в очень удобном, хотя и несколько жестковатом кресле, и мрачно смотрел вперед, по сторонам... в общем, пытался крутить головой как сова, на триста шестьдесят градусов, потому что ожидал неприятностей откуда угодно. А все потому, что провозились они куда дольше, чем он рассчитывал.

Как оказалось, запихать в три автобуса такую ораву разновозрастных младенцев — задача, перед которой меркнут иные эпические подвиги. Геракл близко не валялся. Особенно учитывая, что делать никто ничего не хочет, учителя мягко саботируют приказы и двигаться начинают, лишь получив в рыло. Сидячих мест не хватает, но сажать младших на колени или часть пути постоять никто из старших не хочет. Надо сбрать хоть какой-то минимум вещей, а кое-кто из балованных деток этого делать попросту не умеет. Надо загрузить хоть какую-то еду... В общем, можно сказать, Костин поставил своеобразный рекорд, пиная, подгоняя, ругаясь последними словами, но сумев организовать отправку. Учитывая же, что он никогда в жизни не работал с детьми, это был даже не рекорд, а великое достижение. Правда, теперь появилась реальная вероятность того, что могут и наехать за рукоприкладство — кое-кого из подростков пришлось реально вздуть с использованием попавшегося под руку обрывка резинового шланга, но в данный момент это волновало лейтенанта меньше всего.

Сейчас их колонна продвигалась по дороге. Медленно, даже чересчур, но деваться было некуда. Если идущий впереди пикап с Костиным, Каталиной, Изабеллой и ее сестрой, тихой, незаметной девочкой, все еще не оправившейся до конца от шока, мог гнать

намного быстрее, да и внедорожник, замыкающий их отряд, тоже, то автобусы ползли с трудом. Разумеется, среди учителей нашлись люди, способные худо-бедно управлять этими гробами, но опыта у них отсутствовало совершенно. Как выяснилось, обычно одним из автобусов управляла покойная Тереза, а водитель второго за сутки до начала боев укатил в город повидаться с родными. Вот и приходилось остальным подстраиваться под их темп, и Костин прямо физически ощущал, как утекает, истаивает и без того сомнительный резерв времени.

Самое же паршивое, он не знал толком, куда ехать. Куда-нибудь подальше, это ясно, однако «подальше» — понятие растяжимое. Идею подкинул, как ни странно, местный физрук, предложив вывезти детей в летний лагерь. Обычно его использовали, когда ходили в походы. Красивое место на берегу большого озера, там же несколько домиков, совершенно не заметных с воздуха. На всех не хватит, конечно, но палатки можно поставить, благо этого добра нашлось предостаточно. В общем, спрятаться реально, тем более что и дорога туда вполне для автобусов проезжая, но за редкостью использования малозаметная. Не зная, где, даже если будешь искать специально, так сразу не найдешь. И при этом сравнительно недалеко. Вот и ехали они теперь, надеясь успеть до темноты — на лесной дороге ночью автобусам делать нечего.

Автобус, идущий сразу за их пикапом, громко просигналил. Костин тут же остановил машину, вылез. Физрук высунул из окна своего рыдвана довольную харю, для него поездка явно пошла на пользу. Во всяком случае, исчезло тупое безразличие к происходящему. Увидев Костина, он махнул рукой влево:

— Поворот здесь, вы немного проскочили.

— Ага, понял. Там как, развилки есть?

— Да нет, все прямо и прямо.

— Угу, спасибо, — лейтенант вернулся к своей машине. Мимоходом глянул на кузов и в очередной раз мысленно посетовал, что пулеметом теперь воспользоваться будет весьма проблематично. Весь кузов пикапа был завален прихваченными со склада продуктами, и Костин мимоходом вспомнил, как их пришлось добывать.

В склад им пришлось прорываться если не как сквозь вражескую оборону, то как в гараж уж точно. Для начала отыскался повар, он же кладовщик, который до того тихонько сидел в подсобке, надеясь, что его никто не обнаружит. Зато увидев, что дверь склада осматривают с явными намерениями ее открыть, и делают это не шахиды, а люди вполне цивилизованные, даже с погонами на плечах, тут же обрёл уверенность в собственных силах и значимости. Настолько обрел, что заявил нечто вроде «не пущу» и встал на дороге всей своей необъятной массой.

Костин его отодвинул. Ну, как отодвинул — оттолкнул слегка. Так, что мужика с размаху вляпало в стенку. Потом вышиб дверь — искать ключи попросту не хотелось. И, непроизвольно пригнувшись, вошел внутрь заставленного стеллажами и холодильниками помещения.

Из-под ног с писком бросились в сторону какие-то тени. Похоже, мыши или крысы — эти твари ухитрились проследовать за людьми даже на соседние планеты, оставаясь вечными спутниками человеческой цивилизации. Сколь верными, столь и мерзкими. Планеты, на которых грызуны не прижились, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Костин,

от неожиданности вздрогнувший, с отвращением сплюнул.

— Вот ведь. Не в Грузии вроде, а грызунов — как грязи.

— Чего? — не поняла Каталина.

— Игра слов... и понятий. Не обращай внимания, все равно не поймешь. Проехали.

Девушка пожала плечами и принялась усердно помогать в выборе продуктов. В результате ими забили кузов пикапа, багажные отделения автобусов, да еще и внутрь закинули ящики с консервами. Если верить физику, на озере есть рыбалка, да и подстrelить кого-нибудь вполне реально. Так что какое-то время беглецы с голоду не умрут, а там, глядишь, кто-нибудь все же начнет освобождать планету. Не бросят ведь ее просто так, в самом-то деле. Или Европейская Ассоциация раскачается, пускай не сразу, и пошлет сюда корабли, или Испания, в конце концов, вспомнит, что она хоть и член этого надгосударственного образования, но все же независимая страна, со своими армией и флотом. Да и империя рано или поздно отреагирует. В общем, от нескольких дней до нескольких месяцев, которые группе беглецов требовалось еще продержаться.

К новому месту дислокации они все же успели засветло. До заката оставалось чуть больше часа, который они и посвятили обустройству, благо место и впрямь было неплохое, и в плане красоты, и в плане удобства. Озеро, представляющее собой воронку неизвестного происхождения, было глубоким, заполненным очень чистой, зеленовато-прозрачной водой. Деревья, высокие, как определил Костин, метров в тридцать до макушек, подступали почти к самому берегу, надежно укрывая небольшие коттеджи, в ко-

торых обычно останавливались туристские группы. Правда, разместить в них, пускай и в тесноте, удалось не более половины детей, но палатки сумели поставить быстро. А главное, сразу же нашлось место, где можно укрыть от посторонних глаз технику. Здесь, на склонах холмов, обнаружились входы в большие, явно карстовые пещеры, и в некоторые можно было практически без проблем, ценой разве что царапин на краске, загнать автобусы.

Обустройство лагеря немного затянулось, но в целом все оказалось не так уж и плохо. С людей начала наконец сходить апатия, от костров разносился веселый смех, кое-кто из детей уже затеял игры. В общем, неплохо. Да и повар, впечатленный Костиным, расстарался, так что ужин оказался и быстрым, и обильным. Оставалось только раскидать в окрестностях датчики, замкнув их на собственную информационную систему — вряд ли кто-то решит подобраться к лагерю, конечно, его еще надо отыскать, а сил у охотников не так и много, если вдуматься. Зверья опасного в округе тоже нет, об этом его уже просветили. Тем лучше, но стоит все же осторожничать, поэтому датчики он все же расставил, настроив их на объекты массой свыше полусотни килограммов. Все, можно спать спокойно, но вначале следовало пойти и получить свою порцию ужина.

— Ешь — потей, работай — мерзни! — усмехнулся лейтенант, попробовав местный аналог походной каши. А ничего так, много овощей, в избытке специй. Испанский колорит в еде ему даже нравился. — Все же не зря мы их взяли.

— Угу, — отозвалась Каталина с набитым ртом. Долгий и трудный день заканчивался, а они с утра ничего не ели. — Что дальше?

— Дальше спать. Рано утром выезжаем, надо попасть в город как можно скорее и попытаться угнать корабль до того, как начнется буча.

Каталину он отправил спать в машину, благо сиденья огромного пикапа, складываясь, образовывали довольно приличную лежанку. Хватило бы и для двоих, но Костин решил не давать повода для скабрезных мыслей ни учителям, ни детям, и завалился в кузов, кинув себе вместо подушки вещевой мешок. Десантный комбинезон, помимо прочего, имел функцию климат-контроля, позволяющую не замерзнуть, да и ночь, откровенно говоря, была теплой. Некоторое время он лежал, глядя на рисунки созвездий, различительно отличающиеся от тех, которые видел дома. Звезды были иными, но все так же манили за собой, как того мальчишку, когда-то ушедшего из дома, чтобы поступить в космический десант. И почти поступил, но тесты выявили у него способности работать с многомерностью гиперпространства. И стал он штурманом. К добру, к худу... Хрен его знает, но скука явно не грозит.

С этими мыслями он и заснул.

Дорога к столице Малой Севильи. Утро

Все же тряска изрядно выводила Костина из себя. Тем более сейчас, когда он отдал руль Каталине, чтоб попрактиковалась и справедливости ради. Ты ведь тоже офицер, а значит, давай, вкалывай, не все же Костину на себе тащить. Когда-то и отдохать надо, а жизнь настала бурная, вчерашний день — тому пример. Но, как оказалось, за руль держаться Каталина умела, а вот ямы облезжать — нет. Машина прыгала, то и дело взбрыкивая задом, словно норовистый

конь, и лейтенант проклинал все на свете. Мысленно, конечно, нельзя показывать, что недоволен, дабы не подорвать у напарницы веру в себя, а заодно лишний раз не демонстрировать, что его приказы тоже бывают неудачными.

Единственным, что улучшало настроение, оставался карабин, к которому среди трофеев удалось найти патроны. Теперь надежное, проверенное оружие расположилось как раз под рукой, и его можно было пустить в ход в любой момент. Карабин, на взгляд Костина, в умелых руках даже превосходил автомат, а до пулемета в кузове добраться можно и не успеть.

После очередного ухаба их подбросило так, что Костин прикусил язык и с трудом сдержался от того, чтобы выругаться. А вот Каталина, на этот раз решившая не пристегиваться, со своим цыплячьим весом подпрыгнула над сиденьем, приложившись головой о потолок, и не сдержалась. Правда, тут же смутилась и извинилась, но Костин, с самого утра пребывавший в хорошем настроении, не упустил случая пошутить:

— Великий Космос, как же бедна испанская речь в отношении крепких выражений.

— И ничуть не бедна, — тут же автоматически заступилась за честь родного языка Каталина и, сообразив, что ляпнула, тут же покраснела. Эта ее привычка в очередной раз вызвала у Костина приступ смеха:

— Значит, ты ею не умеешь пользоваться.

— Ты своей тоже.

— Умею. Просто не хочу.

— А вот не умеешь. Так, как наш боцман в училище выражался, например, вообще никто не умеет.

— Это ты зря. Вот у нас, помню, боцман был, так тот одной фразой переборки гнул.

- И от чего же они гнулись?
- От стыда...

С минуту пикап сотрясал веселый смех. Вот так вот, бодро и беззаботно, словно не творилось вокруг никакого безобразия, не шла война с толпой бородатых идиотов и не рубили руки детям. Потом Костин, справившись с приступом веселья, махнул рукой:

- Все, тормози, теперь я поведу.

Каталина сделала обиженнную физиономию, но из-за барабанки вылезла с видимым облегчением. Еще минута — и машина бодро катилась дальше. Намного шустрее, и тряслось ее совсем не так, как раньше. Все же с управлением лейтенантправлялся и впрямь получше девушки.

Признаки цивилизации начали появляться лишь во второй половине дня. Все же Малая Севилья была планетой аграрной и малонаселенной, большими пространствами на такой никого не удивить. Тогда же им встретились первые на сегодня люди — все те же шахиды на очередном так популярном у них драндулете с кузовом. Заметили издали, засигнали, замигали. Тот умник, что расположился в кузове, с героическим видом опираясь о пулемет, замахал руками — тормозите, мол. Костин послушно свернул на обочину и, когда встречная машина подъехала, вылез наружу.

Секундное замешательство бородачей, увидевших совсем не тех, кого ожидали, пришлось как раз кстати. Первый выстрел орлу возле пулемета, второй — водителю. Тот осел на руль, и не успевший остановиться шахид-мобиль повело в бок, в канаву. Прежде чем он перевернулся, Костин всадил несколько пуль прямо через стекла, подскочил, распахнул дверь... Шевелился только один, тут же получивший пулю в башку. Контрольные из пистолета... Вот и ко-

нец, в принципе. Вся пародия на бой длилась меньше тридцати секунд, Каталина, сидящая в машине, даже испугаться не успела.

Тем не менее, встреча эта означала, что шанс на-рваться на патруль становится вполне реальным, и дальше ехали с осторожностью до самого вечера. Никого, правда, не встретили, зато полей становилось все больше. И самого обычного вида, засаженные земными культурами и отданные под местную продукцию, они впечатляли и размахом, и тем, на-сколько тщательно за ними следили. Костины они неприятно напомнили те, что остались на его родной планете, разве что выглядели чересчур безлюдными. Пару раз в отдалении мелькали человеческие фигуры, но местные пейзане совершенно не желали показы-ваться на глаза проезжающим. В нынешней ситуации предосторожность совсем не лишняя.

— Однако же бардак у них, — заметил Костин вечером, когда они остановились на ночлег, выбрав для разнообразия какую-то хибару, в которой, по-видимому, местный фермер обычно хранил сено. Строение заметно отличалось от тех, которые ис-пользовали на родине Костина, да и лежащие на полу сухие травинки пахли иначе, но довольно приличная куча не до конца убранного сена говорила сама за себя. Хорошее место, а главное, ворота достаточно велики, чтобы впустить их машину. Так ее не будет видно с воздуха, что, в общем-то, немаловажно. Рано или поздно их будут искать и, скорее всего, найдут, но зачем облегчать кому-то задачу?

— Это почему? — Каталина с сомнением рассма-тривала выхваченные светом фар и медленно опу-скающегося солнца участки потемневших от време-ни стен. Видно было, честно говоря, паршивенько,

местное светило и днем-то едва пробивалось сквозь разрывы в тучах, а сейчас облачность стала заметно плотнее, да вдобавок стал накрапывать дождь, и его редкие, крупные капли смаочно бухали, разбиваясь о крышу.

— А ты сама подумай. У них одна за другой пропадают то ли три, то ли четыре группы, а они ни сном, ни духом. Не чешутся даже. Они просто обязаны были вычислить нас и обезвредить еще днем.

— Зная тебя, еще неизвестно, кто кого бы прихлопнул.

— Во всяком случае, попытаться обезвредить. Имей мы дело с регулярной армией, здесь такое бы началось! Все бы на ушах стояли.

— У нас вон крейсер пропал, и то...

Шутка получилась горькой. Костин лишь плечами пожал — жалеть самолюбие и патриотические чувства девушки он не считал нужным, но постарался ответить максимально объективно:

— Так у вас и решают не армейцы, а политики. Но здесь не политика даже, здесь, похоже, что-то вроде анархии. Ладно, помоги лучше...

Вместо костра, который согласно традиции просто обязаны разводить все путешественники, они воспользовались старой добрый спиртовкой. Голубоватое пламя озаряло их лица, окрашивая кожу в неестественный цвет, и отбрасывало странные тени. Костина это мало волновало, главное, чай кипятился исправно, а остальное ерунда. Вот только, как выяснилось, утром, выкидывая из кузова остатки груза, Каталина, не разобравшись, присовокупила к нему и все их пайки. Теперь она сидела с виноватым видом и, похоже, гадала, какие громы и молнии на нее обрушат. Однако здесь ее ждало разочарование, по-

скольку лейтенанту совершенно не хотелось ругаться. Обстановка, так сказать, не способствовала.

— Ну что же, пора открывать стратегический запас, — усмехнулся он и полез в кабину, чтобы вернуться с небольшим, плотным свертком.

— Булка? — удивленно подняла брови Каталина.

— Ага. Прихватил вчера у Марии, со стола. Итак, кладем на стратегическую булку тактическую колбасу, и... на, держи.

— А...

— А я — мужчина, потерплю. Ешь, это приказ. И только вякни мне тут про равноправие.

Вякнуть, как выразился Костин, ей очень хотелось, но есть хотелось еще больше, а колбаса пахла одуряюще вкусно. Так что девушка впилась в наспех сделанный кособокий сэндвич, будто никогда и ничего вкуснее в жизни не ела. Ну а пока она замаривала червячка, Костин вытащил из кузова пару банок тушенки и принялся их разогревать.

— В пансионе взял, для собственных нужд. Как чувствовал, что пригодятся...

Вскоре они уже ели вполне приличное, хотя и несколько непривычного из-за незнакомых специй вкуса, мелко нарубленное мясо, черпая его ложками прямо из горячих банок. Горячий, крепкий до черноты, обильно сдобренный сахаром чай подходил к такой трапезе как нельзя лучше. Самый большой минус — отсутствие хлеба, но голод вполне заменял мелкие недочеты на столе, работая лучше любой приправы.

Костин закончил первым. Отставил в сторону банку, откинулся спиной на копну сена и принялся с интересом разглядывать спутницу. Та быстро почувствовала его взгляд, подняла глаза на прихлебывающего чай лейтенанта и спросила:

- На мне что, цветы выросли?
- Не-а, — Костин зевнул. — Просто хочу понять.
- Чего именно?
- Насколько ты типична для своего народа.
- В смысле?
- В прямом. Я за тобой наблюдаю, и получается, что если ты самая обычная испанка, то разница в менталитетах наших народов не так и велика. Но я смотрю на жителей этой планеты — и выводы рождаются прямо противоположные. Но при этом ты ведешь себя привычно, а здесь люди ходят, как пришибленные. Особенно мужчины.
- Гм... Я не совсем типична, если тебя это интересует.
- Возможно... Вот ты скажи мне, милая, а тебя-то с чего в армию занесло? Только не надо говорить мне про феминизм и прочие радости жизни. Это все комплексы и дурость, а ты выглядишь адекватной. Такие, как ты, не борются за торжество феминизма во всем мире.

Каталина замялась на минуту, барабаня тонкими пальцами по колену. Костин ее не торопил, отчасти потому, что это могло вызвать обратную реакцию, а отчасти из-за невеликого своего интереса к вопросу. Если бы девушка смолчала или увела разговор в сторону, он бы не стал углубляться в тему, но она все же заговорила:

- Понимаешь, у меня отец был офицером. Потомственным.
- И что? У меня отец был потомственным фермером. Это привило мне стойкую неприязнь к земледелию в любой форме.
- Ты не понимаешь. Вот представь себе, что все твои предки защищали Родину. Представил?

— А чего мне представлять? — Костин пожал плечами. — Так и было. Все и защищали. У деда на стене наградной бластер висит, у отца шрам на полщеки. У нас, когда надо, сражаются все.

— Да оно понятно, — махнула рукой Каталина. — Наш фронтир в этом плане не слишком отличается от вашего. Эта планета, скорее, исключение. Дело не в том. Мои предки сделали военную службу даже не профессией, а образом жизни. И делом чести, если ты меня понимаешь.

— Ну, здесь на одно «если» больше, чем надо, — слегка обиделся лейтенант. — Думаешь, если мы от сохи, а не с атласных перин, то не знаем, как стоять и умирать?

— Да какие там перины, — обиды его Каталина, похоже, даже не заметила. Или мастерски сделала вид, что не заметила, хотя как раз это вряд ли. Не столь уж она была прожженная политиканка. — У нас и на поесть досыта денег не всегда хватало. Жизнь в Европе дорогая, а военный — профессия не слишком хорошо оплачиваемая. Но не суть. Мои предки — иdalьго, сражавшиеся еще во времена реконкисты. И вдруг все это закончилось.

— В смысле?

— Ну, понимаешь, у нас в семье было трое детей, два брата и я. Старший брат заявил, что не будет больше во всем этом участвовать. Вообще. Если страна не хочет ценить своих солдат, то это ее проблемы. Ну и подался в финансовую академию.

— Вполне логично, — Костин в очередной раз пожал плечами. — Если хозяин не кормит собаку, она рано или поздно сбежит, либо в конце концов отбросит лапы с голоду. Патриотизм хорош, но его следует поощрять материально. И вообще, жизнь прекрасна, когда в ней нет места подвигу.

- Вот-вот, он так же сказал. Другими словами, но суть ты поймал.
- А чего ее ловить? И так ясно.
- Ну и ладно, считай, что самый умный. Второй брат вообще связался с плохой компанией.
- С мальчишками это случается, — кивнул лейтенант, однажды сам едва не загремевший на пару лет. — В тюрьму сел?
- Хуже. На хрен.
- В смысле?
- Гомик он, — грубо ответила Каталина. — Пассивный. Подробнее объяснить? Могу даже с картинками.

Ну, вот вам и причина того нервного смешка там, на корабле. Банально... Однако же ей не позавидуешь... Но требовалось хоть немного снизить градус напряженности, буквально разлившейся в воздухе.

- Не стоит. Все равно рисовать ты как следует не умеешь. Сочувствую. Хотя это же, кажется, нетолерантно, а?
- Идут они все, — Каталина честно сказала, куда, и вышло неприлично, — со своей толерантностью. Хотя, если бы эти... оказались здесь, наверняка потом написали бы на меня жалобу на пяти листах.
- Хе. Не дождешься, не напишу.
- Во-во. И узнала я в один прекрасный день, что продолжать семейную традицию придется мне, любимой.
- Нормально...
- Нормально? — буквально взвилась девушка. — Знаешь, как продолжать? Выйти замуж и нарожать кучу мальчишек. Не меньше пяти, чтоб уж наверняка. Я что, машина для воспроизведения?

— Я, вообще-то, всегда считал, что каждая женщина хочет семью и детей, — осторожно заметил Костин.

— Но по любви, а не по обязанности. И столько, сколько захочет сама, а не сколько укажут. В общем, собрала я вещи и отправилась прямиком в училище. Там, конечно, в штыки, но я разузнала, для женщин предусмотрены квоты. Пришлось им меня принять. Выгнать, правда, всю учебу пытались, но не смогли. У меня была очень сильная мотивация.

М-дя-а... Костин только головой покрутил. Надо же, как все запущено. Оставалось лишь развести руками и осторожно сказать:

- Прости, но ты не в той стране родилась.
- А где мне следовало родиться? У вас, в империи, что ли?
- Как вариант.
- И чего бы я там добилась?
- Технически чего угодно.
- Но вы же против женской эмансипации!
- Естественно, женщина должна оставаться женщиной.
- Вот видишь. У нас, к примеру, если женщина хочет, она может стать офицером, например.
- Как ты?
- Да, как я.
- И что с того? У нас даже женщины-генералы встречаются. Это как раз нормально. А командиров кораблей и вовсе десятками считают.

Каталина завистливо вздохнула. Легко вам, имперцам, прямо-таки крупными буквами было написано у нее на лице. У вас флот такой, что даже относительно небольшой процент женщин на службе выглядит в абсолютных цифрах очень впечатляюще.

И кораблей, особенно легких, которым требуются капитаны, более чем достаточно. Вон, тот же малый рейдер вполне себе тактическая единица. Хотя, конечно, вряд ли женщины доверят линкор.

А Костин думал о том, что ему и впрямь повезло. Империя, конечно, тоже далека от идеала, и проблем хватает, но все же возможностей она людям дает куда больше, чем, к примеру, в свободных на словах, но опутанных толстыми канатами негласных правилах странах Европейской Ассоциации. Вон, взять хотя бы нашумевшую лет десять назад историю, когда трое офицеров учудили такое, от чего весь остальной мир пребывал в шоке до сих пор. Этих троих, правда, Костин лично не знал. Во-первых, они были куда старше него и служили в другом месте, а во-вторых, учились в Гатчинском военно-космическом училище. Далеко не элитном, кстати, заведении. Преподаватель по тактике любил повторять, что гатчинцы за недостатком головного мозга думают спинным. Он, конечно, как и многие патриоты своих альма-матер, был предвзят, но факт оставался фактом — на соревнованиях по тактике выходцы из Гатчинского училища всегда показывали крайне посредственные результаты, а периодически и вовсе били антирекорды.

Но мозги мозгами, а на сей раз, видимо, на стороне лихой троицы сыграли удача и беспредельная наглость. Какие уж они там пережили приключения, никто толком не знал, но вот что собственное государство ухитрились основать — это факт. И не слабое государство, по сравнению с той же Испанией территориальный и военный гигант. Что там у них с экономикой, правда, Костин не знал, но тоже вроде никто не жаловался. И показательный факт, что старший из этих авантюристов вообще основал собственную

династию и женился на внучке императора, говорил о жизнеспособности их страны. За кого попало отпрысков монаршей крови не выдают.* А главное, это не вызывало какого-либо особого удивления, рассматриваясь остальными, как естественное продолжение карьеры. Вот так, иди вперед — и империя тебя не забудет, это Костин знал точно.

Каталина Мартинес

Каталине было стыдно признаться даже самой себе, но она завидовала Всеволоду. Завидовала, и ничего не могла с собой поделать. Завидовала его твердолобой, но, как показывала жизнь, всегда оправданной уверенности в себе. Завидовала тому, что он, хоть и вел себя грубовато, оказался чрезвычайно эрудированным. Каталина и сама была не в восторге от европейского образования, но только сейчас начала понимать, насколько оно низко пало. Завидовала, в конце концов, тому, что он должен был чувствовать. Обычный человек, знающий, что за его спиной держава, которая не бросит и не предаст. Может статься, он и ошибался... но он знал, и знания его были основаны на огромном опыте, накопленном десятками поколений таких, как он, солдат великой империи.

А самое паршивое, что она, Мартинес, тоже готова была драться за свою страну и, случись нужда, умереть. В конце концов, там на «Конкистадоре», это едва не произошло. Готова, но готова рассудочно. А этот русский... Он, похоже, вообще не пытался как-то обдумывать этот момент. Он просто знал, что если надо, то ради своей страны и своего народа пойдет

---

* См. книгу «Spays Quest».

и умрет, но защитит. Для большинства соотечественников Каталины решение совершенно неприемлемое, ну а для него это так же естественно, как дышать, этого требует его честь. А честь для него стоит неизмеримо выше жизни. Своебразная, часто непонятная Каталине, но именно честь. И в этом плане он стоял куда ближе Каталины к ее предкам, которыми девушка всегда восхищалась. Тем, кто отвоевал свои земли у африканских варваров, а потом создал могущественнейшую империю, чьи владения раскинулись на четырех континентах. И пусть та империя давно мертвa, но это — было! И Каталина страшно завидовала тому, у кого она ЕСТЬ.

Интересно, а чувствовал ли ее состояние Костин? Вряд ли. Ему нравится роль циника и хама, но на самом деле, и это Каталина уже поняла, это маска. Непонятно, зачем он ее надел, но сейчас она мешает обоим. Ей тяжело понять, что реально чувствует русский, ему... А ему, похоже, дает искаженную картину о ней. Впрочем, возможно, он и впрямь просто толстокожий, как бегемот.

Подумав так, Каталина посмотрела на замолчавшего почему-то лейтенанта и едва удержалась от того, чтобы выругаться. И впрямь, толстокожий. Привалился к груде сена и задремал. И плевать ему на все. Хотя, может, так и надо, завтра ехать и, скорее всего, драться. Русскому нужен корабль, он должен передать своим собранную информацию, а ей... Ей просто некуда деваться.

Она еще раз позавидовала, на сей раз физической силе русского. Легко быть уверенным в себе, если ты способен походя завязать узлом железный лом. Хотя, надо признать, эта уверенность добавляет сил и ей самой. Поразительно, насколько легко себя чувству-

ешь, когда рядом стоит такой вот генератор страха для окружающих.

И в то же время было в нем нечто, отличающее его от других. Каталине приходилось уже сталкиваться с уроженцами «тяжелых» планет. Они были редкостью, экзотикой, составляя от силы полпроцента населения Европейской Ассоциации, но все же встречались. И кое-кто из них был физически не слабее Всеволода, а бицепсы у некоторых смотрелись даже внушительнее. Вот только ни один не излучал столь непробиваемой уверенности и ощущения внутреннего превосходства. Ухитряется же лейтенант при своем невеликом росте смотреть на людей или глаза в глаза, или вообще покровительственно, но никогда не снизу вверх. И с ним на удивление легко... Вот только если бы не его идиотская манера называть ее укороченной версией имени!

А дождь снаружи, между тем, усиливался, и звук, с которым били капли, постепенно слился в одно мерное, убаюкивающее шуршание. Глаза закрывались сами собой. Конечно, стоило бы охранять сон товарища, но, с другой стороны, если Костин так легко позволил себе заснуть, значит, не видел вокруг ничего опасного. Да и не приказывал он ей ничего. И даже не просил. Да и вообще, дождь смоет все следы, никто их здесь не найдет и искать не станет — арабы любят мокнуть не больше нормальных людей.

Вздохнув, Каталина подошла к копне с другой стороны, подумала и зарылась в нее с головой. Пришлось, правда, немножко повозиться, устраивая себе нечто вроде пещерки, но зато внутри оказалось и тепло, и на удивление уютно. Настолько, что уже через минуту она спала, и сон ее был мирным.

То же место. Утро

Как хорошо спится в отпуске, на море, да еще когда в плечо дышит грелка в полный рост. Как тяжко просыпаться с первыми лучами солнца, особенно если ты сова, а будит тебя пинок под ребра. Зато стимулирует это просто замечательно! Примерно так же, как пришедшее мгновенно осознание того, что самым позорным образом заснул, не позабывши даже о намеке на безопасность, и в результате вляпался по самое не балуйся.

— Сидеть, шакал!

Сказано это было на скверном английском, явно выученном самостоятельно, а не с помощью mnemonicской аппаратуры. Ну что же, сидеть — значит, сидеть, тем более, Костин и так вроде бы этим занимался. И дергаться пока не хотелось совершенно — ствол пистолета у самого лица поневоле заставляет быть покладистым. Конечно, с его хозяином можно было потягаться даже сейчас, тем более, он не производил впечатления гения рукопашной, моторика не та. Выбить пистолет из рук, скрутить — и получить свое еще от троих, устроившихся чуть в стороне с автоматами наперевес.

Вот так, четверо. Здесь, похоже, противник вообще передвигался группами, кратными четырем. Логично, в шахид-мобиль, не теснясь зря и не мешая друг другу, как раз четверо и влезают. Стало быть, или все здесь, или еще одна группа снаружи. Или не одна...

Костин прислушался. Нет, дождь по-прежнему барабанил по крыше. Стало быть, скорее всего, здесь их всего четверо. Вряд ли остальные будут сидеть по машинам, и еще меньше вероятность, что их любимое

занятие прогулки по грязи. Что же, в целом диспозиция ясна. Кстати, а где Каталина?

Мыслей своих он не выдал даже движением бровей. Возможно, девушке удалось бежать, может статься, ее и не заметили даже. Вопрос только, почему она не подняла тревогу, но мало ли, как все повернулось. О худших вариантах даже думать не хотелось. Впрочем, на его мимику уже чувствующие себя победителями арабы внимания не обращали. Обыскали, быстро и вполне профессионально, реквизизировав не только оружие, но и все содержимое карманов. А потом заковали руки Костина за спиной в наручники. Глядя на эту древность, лейтенант едва не рассмеялся — им сто лет в обед. Да не, не сто — тысяча! Металлические браслеты, связанные цепью. Нет, понятное дело, что силовые кандалы этому отребью никто не даст, но ведь и без них куча вариантов. Могли бы хоть уважение проявить, что ли...

Между тем, араб закончил с руками Костина и с чувством врезал ему кулаком в живот. Без малейших признаков злобы — так, для профилактики. Положено им пленных бить, и все тут, наверняка это уже в подкорку записано. Лейтенант с готовностью ему подыграл. Для него такие удары — что слону дробина, но лучше показать, как тебе плохо и больно, чем получить уже всерьез и с чувством. А так — согнулся, пустил из уголка рта слону... Араб, довольно прорвавшав что-то, отошел к своим. Ну, вот и славненько, теперь поиграем.

— Ну что, гяур, поговорим?

Задавший вопрос, видимо, был здесь за главного. Постарше других, поосанистее, оружие, опять же, не как у всех. «Беретта», причем, весьма похоже, настоящая, не китайская подделка. Одежда такая же,

но, в принципе, для полевых выходов лучшего и не требуется. Зато говорит чисто, и причем по-русски. Это уже плохо — стало быть, понимает, чем может кончиться для него избыток агрессии, а потому оставлять свидетелей не будет. Ладно, все же поиграем, может, узнаем что путное.

— Попробуй.

— А ты смелый... — неопределенным тоном заметил араб. — Думаешь, если из империи, то тебе ничего не будет?

— Думаю, вы не самоубийцы... Откуда знаешь, что я русский? И как вы меня нашли?

— Довольно просто. — Нет, этот чудик явно был не из простых боевиков. Чувствовался определенный уровень образования, а потому стоило попытаться взять его живым. — У нас, бывает, пропадают патрули. Местные резвятся. Но когда в одном месте исчезает несколько групп, это настораживает. Оставалось только посмотреть данные спутникового наблюдения да не поспать ночку. Смотался в деревеньку одну, там почти все сбежали, но кое-кто готов сотрудничать, вот и рассказал о русских. А дальше, опять же, пара часов над данными со спутников, которых хватает, но почему-то никто ими не пользуется, и вот я здесь.

Все просто, как дважды два. Нашелся один неглупый и хваткий малый и решил вопрос кардинально. А что разговорчив — так ведь по роже видно, как его достало общение с тем быдлом, что сейчас расхаживает по сеновалу и тупо ржет. Хотя нет, уже не расхаживают, курят что-то и, по запаху судя, явно не табак. Но корабль они, похоже, не нашли, и то хлеб... Впрочем, эту мысль тут же подтвердил ненароком и сам араб:

— Как вы попали на планету? И где твоя напарница?

Ага, значит, Каталину не нашли. Уже неплохо. Костин пожал плечами:

— Попали на корабле. А где... У нее свое задание, у меня — свое.

— Значит, по-хорошему не хочешь...

— Смотря что считать хорошим.

Араб, не отвечая, коротко свистнул. Его шестерки тут же подошли, вразвалочку, явно показывая, что они вроде как не прыгают по первому щелчку, но достаточно быстро, чтобы стало ясно — дразнить отца-командира они не собираются. Предводитель небрежно кивнул в сторону пленного и, развернувшись, отошел. Зато троица «быков» тут же ввалила лейтенанту, используя в качестве аргументов тяжелые ботинки. Правда, стоит отдать им должное, били аккуратно, чтобы причинить боль, но не покалечить. Пришлось терпеть.

К счастью, длилось это недолго. Главнюк щелкнул пальцами и с усмешкой бросил:

— Полагаю, ты готов к сотрудничеству. Иначе очень скоро тот кусок мяса, что от тебя останется, будет выть от боли и все равно все расскажет, но только наградой ему будет разве что смерть.

— А что, есть альтернатива?

— А вот это будет зависеть от того, что ты мне скажешь.

— Ребята, только честно. Вы не боитесь? — задушевно спросил Костин.

— Тебя, что ли? — захотел один из экзекуторов.

— Это, кстати, было бы самым правильным, — кивнул лейтенант. — Вы же знаете, наверное, что когда мы потрошим террористов, то пленных не берем.

— Пленных? — ближайший шахид с чувством врезал Костину по лицу. — Да я с тебя сейчас штаны спущу и...

Костин уже не слушал фантазии этого идиота. Вкус крови на губах — и тяжелая, медленно поднимающаяся из глубины сознания злость... Он усилием воли сдержал ее, ему нужны были пленные, а не куча изломанных трупов. И он даже заставил себя улыбнуться:

— Ну, все, парни, вы меня разозлили.
— И что? — осклабился атаман.
— Да ничего, — задумчиво ответил Костин. — Просто, как говорят в Альянсе, я ваш аул демократия носить.

Здоровый смех был ему ответом. Дождавшись, когда он утих, лейтенант вздохнул:

— Думаете, я шучу?
— Конечно, — заржал очередной кандидат на звание самого тупого бородача в галактике. — Что ты можешь сделать в наручниках?
— Так это... Я разве не сказал? Я их сломал, ребята!

Они еще не поняли, что произошло, их укуренные мозги не успевали перестроиться, а Костин уже развел в стороны руки, и с тонким звоном лопнула за спиной цепь. Перекатом уйти в сторону и тут же вскочить, нанося размашистый удар во всю силу. Металлический браслет от наручников, болтающийся на запястье, не хуже кастета впечатался не успевшему отскочить боевику в висок — и брызнули во все стороны мозги из расколотого черепа. Два быстрых шага вперед, удар только начавшему поворачиваться противнику в область почек... Костин еще успел подумать, что если тот даже каким-то чудом выйдет

отсюда своими ногами, то до конца своей не особенно длинной жизни будет работать на лекарства, а ноги уже сами несли его к третьему противнику.

Тот оказался то ли умнее, то ли трусливее остальных. Даже не пытался развернуться, сопротивляясь, просто бросился вперед, но убежать уже не успел. Он только начал движение, а Костин, уже набравший скорость, его поймал. Сзади, за голову. И рванул назад, изо всех своих немалых сил. Тело продолжило движение, голова — нет, с хрустом сломалась в руках лейтенанта шея противника, и Костин, тут же выпустив труп, атаковал последнего из уцелевших.

Это очень опасно — недооценивать врага. Именно такую фатальную ошибку уверенный в своем превосходстве араб и сделал, убрав красавицу «беретту» в кобуру. Достать ее — дело пары секунд, но как раз их-то ему и не хватило. Он еще только поднимал оружие, а Костин уже был рядом. Левой рукой выбил ствол у противника из рук, правой же аккуратно, почти нежно ударил араба в грудь. Этого «нежно» как раз хватило, чтобы его оторвало от земли и, пронеся пару метров по воздуху, крепенько так шмякнуло о стену, а с нее предводитель местной шпаны уже сползл, разом лишившись интереса к происходящему вместе с сознанием.

Тут же Костин вернулся к единственному уцелевшему боевику. Тот как раз пытался встать — очевидно, только что выкуренный наркотик притуплял боль. Нормальный человек должен был лежать, скорчившись, этот же упорно царапал ногами землю, одновременно непослушными пальцами цепляясь за ремень автомата. Костин решительно отнял у него опасную игрушку, еще раз врезал по почкам и, для

полноты ощущений, добавил кулаком по затылку. Боевик пискнул неразборчиво и осел, несколько минут нездорового сна ему было гарантировано.

Теперь была очередь Костина быстро обыскать пленных, а заодно и убитых, связать тех двоих, что еще дышали, после чего осторожно высунуться наружу и убедиться, что никого рядом нет. Только автомобиль, на котором приехали арабы, на сей раз, очевидно, в честь важного пассажира, не привычный уже пикап, а солидный на вид, хоть и не слишком большой внедорожник. Ну что же, тем лучше, оставалось только найти Каталину. За нее лейтенант, следует признать, изрядно беспокоился.

Шорох за спиной прозвучал в наступившей тишине так громко, словно кто-то решил бабахнуть из орудия. Костин развернулся, выхватывая из кобуры пистолет, и еле успел сдержать палец на спусковом крючке.

— Каталина?

— Да, а кого ты ожидал? — девушка вылезла из копны сена, протирая глаза и остервенело выдергивая из волос набившиеся в них травинки. Потом огляделась вокруг, и челюсть ее с явственным стуком упала едва не до пояса. — Это что здесь было?

— Ты что, все проспала?

— Ну да...

— Проспала самое веселье, — честно говоря, Костину хотелось ее хорошенъко вздрючить за то, что не покараулила или хотя бы не разбудила, но злость моментально ушла, растворившись в облегчении. Все в порядке, ничего с ней не случилось. Да и потом, не путалась под ногами и не вынуждала еще и спасать ее, догадайся кто-нибудь взять заложницу, и это уже неплохо.

— Да уж, я вижу. Не успеешь отвернуться, а ты уже влезешь в драку, — голос девушки звучал вроде как и ядовито, но нотки вины из него никуда не делись.

— Это да, это я могу, — Костин непроизвольно потер бок. Особого вреда ботинки шахидов ему не причинили, бессильные пробить плотную броню его мышц, но вот синяков понаставили изрядно. От Каталины его движение тоже не укрылось.

— Ну-ка, показывай, что у тебя там? Ой...

Вот тебе и ой... Впрочем, за дело она взялась решительно, живо измазав Костина регенерирующей мазью, сколь полезной, столь и вонючей. А пока она этим занималась, Костин вкратце пересказал ей, что произошло. Вышло достаточно коротко, но основной разговор ожидался впереди.

Пленные между тем пришли в себя, зло глядели на победителей каждый из своего угла, но внимания к себе старались не привлекать. Даже тот, с опущенными почками, лишь зубами скрежетал, хотя наверняка ему сейчас хотелось взвыть от боли. Наконец Каталина закончила, и лейтенант, вновь натянув комбинезон, не спеша подошел к пленным.

— Ну что, разговаривать будете? Кстати, зовут-то вас как? Не то чтобы мне это очень интересно, но различать как-то надо, да и для отчетности пригодится.

Травмированный лишь зыркнул на него злобно, но промолчал. Зато его командир выругался на своем языке, да так душевно, что и без слов понятно стало, куда он Костина послал. Лейтенант вздохнул:

— Я ведь могу сделать с тобой то, что ты собирался со мной. Только еще больнее.

Араб снова выругался, на сей раз по-русски, с упоминанием родителей Костина. Тот опять вздохнул:

— А вот маму трогать не надо. Не любим мы, когда наших предков оскорбляют, видишь ли. Я человек сколь простой, столь и безжалостный, потребуется — голыми руками вам головы раздавлю, и в душе ничего не дрогнет.

— У таких, как ты, нет души!

— И это тоже возможно. Но вам от этого будет не легче. Ни тебе, ни этому, — кивок в сторону второго пленного, — чудику.

Араб выругался уже по-своему и тут же сложился пополам от короткого, почти невидимого глазу тычка в солнечное сплетение. Хрипло закашлялся и принялся выблевывать завтрак вместе с остатками ужина. Костин посмотрел брезгливо.

— Я же сказал тебе, про родителей — молчок.

— Я... не про них...

— Ври больше, — равнодушно бросил лейтенант. — Открывать рот будешь, только когда я разрешу.

Кто-то осторожно тронул его за плечо. Костин развернулся — ну правильно, кому здесь еще быть?

— Что случилось, Като?

Девушка кивнула головой — отойдем, мол. Ну, если надо... Они отошли в сторону и там, тихонько, чтобы их не услышали, Каталина спросила:

— Ты и в самом деле раздавил бы им головы?

— Не-а. Но этой парочке знать о столь прискорбной слабости не стоит.

— Уф-ф... Я уж испугалась...

— Это ты зря. Хотя, если честно, меня не волнуют проблемы местных негроцефалов. Однако же, мы сейчас разговариваем, а у меня кишка на кишке марш играет. Где завтрак? А ну, вперед!

— Есть, капитан! — девчонка дурашливо отдала честь, бросив руку к непокрытой голове, четко, как на

параде, повернулась и бодро направилась к машине, а Костин печально смотрел ей вслед. Ты правильно испугалась, девочка, потому что вариант с головами еще достаточно мягкий. Есть вещи куда страшнее и эффективнее... Впрочем, не стоит тебе от этом лишний раз задумываться, крепче спать будешь. Наивные девчонки вроде тебя тоже нужны, без вас мир потеряет частичку себя. И не самую худшую частичку. Костин вздохнул, вернулся к пленным и, глядя на них с мрачноватой усмешкой, хмыкнул:

— Ну что, сволочи, продолжаем наше шоу?

Араб скрипнул зубами и сделал максимально гордый вид. Впрочем, лейтенанта это не волновало — что-то не слышал он о таких вот умниках, проявляющих запредельную стойкость на допросе. Может, и есть такие на свете, но это явно не арабы.

— Не переживай. Как говаривали инквизиторы, щас зажжом!

Судя по роже пленного, он сообразил, что в предстоящем спектакле его ролью могут быть разве что дрова, но Костина это мало волновало. Ему нужны были сведения, а тонкая душевная организация того, чьи люди еще недавно били его, имперского офицера, ногами, оставалась за кадром. Не торопясь выбрав из груды трофеев здоровенный нож скверной ковки, он зажег спиртовку и, аккуратно подогревая на огне кончик устрашающего вида клинка, вежливо поинтересовался:

— Ну что, орел, созрел? Тогда вопрос первый...

Дорога. Через два часа

Запах паленого мяса упорно щекотал ноздри. Скорее всего, это было не более чем разгулявшееся

воображение, однако Костин продолжал недовольно морщиться. Сегодня он впервые применил на практике то, о чем знал разве что теоретически, да и то благодаря факультативному курсу. Как оказалось, инструкторы говорили правду, только правду и ничего, кроме правды. Вот только заниматься экстренным потрошением самому Костину решительно не нравилось. И сколько бы он ни ругал себя за чистоплюйство, ничего от этого не менялось.

Каталина от подобных неприятных ассоциаций, кстати, не страдала. Еще бы, когда лейтенант занимался убеждением, она находилась в десятке метров от него, завтрак готовила, а рот пленному он предусмотрительно завязал. Берег женские нервы, так сказать. Ну и когда зачищал место, тоже отослал ее, на сей раз в уже выведенную наружу машину. Ну а так как дождь продолжал накрапывать, лишний раз вылезать из салона и прыгать по грязи у девушки особого желания не возникло. Так что присутствовала она, только когда пленный уже разговорился, а в тот момент внешне все уже выглядело пристойно.

Сейчас она сидела, как обычно, на пассажирском сиденье, держа под рукой трофеиный автомат. Тот оказался во вполне пристойном состоянии, разве что вычистить и смазать потребовалось, но это уже мелочи. Ну и на трофеиную «беретту» лапу наложила — машинка эта не только обладала весьма приличными характеристиками, но и брутальным дизайном, а потому смотрелась просто здорово. Костин не препятствовал, ему хватало своего оружия, плюс требовалось постоянно контролировать дорогу, которая хоть и стала заметно лучше, но все равно не прощала ошибок. Это было даже неплохо, позволяя

отвлечься от неприятных ассоциаций. И неудивительно, что, сосредоточившись на вождении, лейтенант пропустил начало разговора, превратившегося в монолог одной испанки.

— Что? — наконец переспросил он, сообразив, что с ним, оказывается, разговаривают.

— Так я и знала, что ты не слышишь, — Каталина повернулась к нему, благо ремней безопасности, сковывающих движение, на этот раз накидывать не стала, и обвиняющее ткнула в собеседника пальцем.

— Во-первых, пальцем тыкать неприлично, а во-вторых, водителя в процессе движения отвлекать не рекомендуется, — мрачно отозвался Костин.

— Я знаю, — беззаботно махнула она рукой. — Говорю, не подозревала никогда, что в этой религии столько злобы.

— Ее в любой вере хватает — отмахнулся лейтенант. — Напомнить, кто сказал «Кто не с нами, тот против нас»?

Фраза эта, насколько он сам помнил, принадлежала кому-то из видных христианских деятелей. Правда, кому именно, не то чтобы не помнил — просто не знал. Однако Каталина, видимо, была в курсе и надулась, как мышь на крупу:

— Это было давно...

— Зато вера этих орлов моложе и проходит сейчас те стадии, которыми ваша цивилизация уже переболела. А вообще, откровенно говоря, сейчас ты, скорее всего, столкнулась с приверженцами какого-то особо радикального течения... секты, если по-нашему, или можно тебя поздравить.

— С чем?

— С тем, что ты присутствуешь при зарождении новой религии. Молодой и, как положено молодости,

голодной и несдержанной. В ином случае, хоть убей, но я не понимаю, что за бред здесь происходит.

— То есть?

— Эти уроды несут полнейшую ересь, — терпеливо объяснил Костин. — Я знаком с постулатами ислама, там ничего такого даже близко нет.

— Откуда знаком? — сунулась с вопросом любопытная Каталина.

— Като, у меня однокашник, Чибулаев, помню, как на грудь лишнего примет — так и начнет всех изводить и каяться, что он, грешник, сухой закон не соблюдает.

— Он... верил?

— Почему верил? И сейчас верит, живой вроде. А так — у него дед был самым настоящим муллой.

— Но... разве это у вас не запрещено?

— Слушай, — лейтенант всем телом развернулся к спутнице, так резко, что она от неожиданности даже подпрыгнула на сиденье. — У тебя в голове столько стереотипов, что мне иногда становится страшно. Разумеется, у нас это не запрещено. Не поощряется, да, но и запрещать никто не собирается. Тот же дед-мулла в свое время дослужился до полковника десанта, две Звезды Героя на груди. Если бы не ранение, наверное, до маршала бы дошел, а так — не захотел на кабинетной работе сидеть, когда ему в десант ходить врачи запретили. Чибулаев — потомственный военный, его предки служили России не сосчитать уже сколько поколений. И если он в свободное время хочет пообщаться с богом, то это только и исключительно его право. Вера у нас не преследуется, просто церкви отделена от государства, что, в общем-то, логично.

Каталина молчала. Похоже, общение с русским изрядно поломало ее представление об этом мире.

Лейтенант тоже замолчал, сосредоточившись на дороге и обдумывании ситуации. А она, если верить собранной ранее информации, дополненной полученными от ныне покойного Аль-Муслима (именно так звали главу хамов, посмевших прервать его, Костина, сон, и выяснять, настоящее имя или нет, было совершенно неинтересно), оставшегося мирно гнить в компании своих подчиненных под все той же многострадальной копной сена, была неприятная, а главное, непонятная. И проясняться упорно не желала.

Итак, планету это отребье, собранное с нескольких отсталых миров, контролировало полностью. Местные практически не сопротивлялись, но вот почему? Ладно в первый момент — неожиданность, паника... Но сейчас-то? Тем более, эти умники грызлись между собой, как бродячие собаки, регулярно, читай каждую ночь, устраивая то перестрелки, то поножовщины. В такой ситуации устроить им кошмар наяву, по мнению Костина, было не так и сложно. Однако же все оставалось без изменений, и это все-рьез удивляло.

С другой стороны, пленный, хоть и хорошился не по чину, знал не так и много. Даже из того, что не скрывалось, многое прошло мимо его внимания. Однако же две вещи он углядел. Во-первых, то, что столичный космодром, к которому, собственно, и планировал изначально направиться Костин, хорошо охраняется и через него на планету идет поток резервов. А во-вторых, что Пророк тоже на планете и его штабной корабль не на космодроме. Только вот где — он, Аль-Муслим, не знал. А жаль, потому что взять за жабры главгада и хорошенъко постучать его башкой о ближайшее дерево очень хотелось.

Итак, программа минимум — добыть корабль и выйти на связь со своими. Программа максимум — взять Пророка и доставить его в империю, пускай этим чудиком специалисты занимаются. Выглядит задача, конечно, нереальной, но империя никогда не достигла бы своего величия, ставя перед собой только те задачи, которые решаются между делом, походя. Разумеется, никто не отдавал Костину соответствующего приказа, а Империя и вовсе официально ни с кем не воюет, но... сбит имперский звездолет. За такие шутки наказывают больно, и никто лейтенанта не осудит, даже если он здесь устроит массовый геноцид.

Костин прикинул, сколько им осталось ехать, и пришел к неутешительному выводу — засветло добраться до города не успеют. Точнее, успели бы, но слишком долго провозились с незадачливыми моджахедами. Стало быть, надо было искать место, где можно переночевать, да так, чтобы от города не слишком близко. Деревни отпадали — там или местные сдадут, или же просто могут наткнуться случайно на очередной патруль. А поблизости от города и подкрепление к нему подойдет запросто, что чревато. И по всему выходило, что относительный комфорт ночевки под крышей не перевешивал риска.

А еще Костину не давала покоя мысль, все никак не способная оформиться во что-то законченное. Пришлось отвлечься на дорогу, позволив голове слегка отдохнуть, и результат оказался выше всяких похвал. Костин понял наконец, в чем его ошибка.

В самом деле, а почему он таится, уступая право первого хода, а с ним и инициативу, противнику? Конечно, привычка летать на рейдере, собирая информацию, вещь хорошая, но сейчас, когда его никто

не ждет, можно применить и другие способы. Тем более, корабль не нашли, а значит, о русских на планете толком не знают и опасаются разве только местных герильерос, или как там на этой планете называют партизан. Их же воинские таланты, судя по тому, что довелось увидеть, отнюдь не выдающиеся. С другой стороны, из результатов допроса Аль-Муслима известно, кого можно поспрашивать с пристрастием. Так почему бы нет?

Костин свернул с дороги, затормозил в неширокой лесополосе. Поймал удивленный взгляд Катерины, улыбнулся:

— Все в порядке. Только, боюсь, нам придется разбежаться.

— Это почему еще?

— Дальше я пойду один. Слишком опасно...

В следующие пять минут Костин узнал две вещи: что такое по-настоящему опасно и что такое настоящий скандал. Ну и так, в качестве довеска, в очередной раз убедился, что женщину не переспорить. В общем, дальше ехали вдвоем, хотя лейтенанту это очень, очень не нравилось.

Вилла местного олигарха. Вечер

Положительно, тот, кто строил для себя это жилье, обладал хорошим вкусом, но странными привычками. Место замечательное — на берегу реки, рядом лес, тут же широкая отмель, где наверняка отличная рыбалка! Красотища! И архитектура дома, точнее, немаленько-го особняка, выглядела интересной. Эта как смесь колониального стиля и модерна, но при этом отдельные элементы того и другого не казались чужеродными. Блестящий металл и стекло сочетались с колоннадой

из похожего на мрамор розового местного камня, отлично дополняли друг друга. В общем, замечательное жилье, имеющее все шансы стать фамильным гнездом. И возникал вопрос: на кой хозяину всего этого великолепия было размещать на первом этаже здания центральный офис своей фирмы?

Впрочем, забивать голову чужими тараканами Костин не собирался, ему своих проблем хватало. Аппаратура в налобной гарнитуре работала на полную мощность и, глядя в монокуляр, лейтенант хорошо видел сеть тончайших нитей, несвязанных, но от того не менее страшных, — лучи сканеров, которыми здесь было утыкано буквально все. Тот, ктоставил здесь сигнализацию, решил, видимо, не экономить на спичках.

— Ну, что там? — нетерпеливо выдохнула ему в плечо Каталина. Вместо ответа Костин снял гарнитуру, протянул девушке:

— На, сама посмотри.

Каталина стянула берет и, пыхтя, кое-как приладила гарнитуру на лоб. Зря, мимоходом подумал лейтенант. Прижала бы к виску, этого достаточно. Впрочем, пусть ее. А девушка между тем выдвинула монокуляр, посмотрела и присвистнула:

— Да уж...

— Вот именно, — буркнул Костин, забирая аппаратуру и возвращая ее на законное место. — Окапались, сволочи.

Надо сказать, картинка в монокуляре выглядела феерически, и датчики раскидывали, не жалея, вот только единственным комплексом система обнаружения так и не стала. Во всяком случае, лейтенант видел как минимум четыре пути, которыми можно было пройти к дому. И сейсмодатчиков не было... Впр

чем как раз это нормально. Природа здесь человеком еще до конца не изгажена, крупных зверей навалом. Сейсмодатчики на высокой чувствительности будут верещать непрерывно, а на низкой бесполезны, поэтому их, видимо, и не устанавливали. И мин тоже не наблюдалось, что логично — самим нарваться можно. Расклады Костина вполне удовлетворяли. Оставалась, правда, теоретическая возможность того, что у противника имеется что-то, необнаруживаемое имперскими приборами. Но теория теорией, а жизнь жизнью, и Костин очень сомневался в том, что здесь можно найти хоть что-нибудь, по уровню приближающееся к аппаратуре, стоящей на вооружении русского флота.

— Ну что, пошли? — азартно прошептала Каталина.

— Может, все-таки останешься? — Тоски в голосе лейтенанта хватило бы на роту утомленных семейными проблемами мужиков.

Увы, его предложение не возымело действия. Что поделать, несмотря на некоторую, в основном наносную, вольность взглядов, на самом деле его, традиционно для империи, воспитывали на уважении к женщинам. Именно это не давало ему сейчас дать Каталине в глаз, наорать и заставить подчиниться своему разумному, в общем-то, решению. А по-другому не получалось, и Каталина, похоже, уже раскусила эту слабость лейтенанта. Оставалось смириться и постараться, чтобы девчонка не сложила бездумно свою симпатичную голову. Ей же ей, с врагами куда легче, их можно просто убивать.

Он тихо скользил вперед, сливаюсь с землей, растворяясь в быстро сгущающихся сумерках. С мимикирующим комбинезоном это было просто. Сзади

пыхтела Каталина. Лейтенант поморщился: и маскировка не та, и ходить не умеет. Хорошо еще, арабы — известные разгильдяи, надеются на сигнализацию. Или, может, наоборот, подпускают ближе...

О плохом думать не хотелось, но оружие Костин на всякий случай держал наготове. Впрочем, не все так страшно — рабочий комбинезон был темный, а за время путешествия еще и изрядно выпачкался, что только добавляло ему маскировочных свойств. Плюс к тому, в инфракрасном диапазоне он был различим очень слабо, не уступая в этом десантному комбинезону самого Костина. Создатели рабочей одежды предполагали вариант, когда человеку придется работать в условиях низких температур, и предусмотрели режим, при котором «умная» ткань не выпускала наружу ни одной лишней калории. Правда, в результате сейчас Каталина должна была плавать в собственном поту, но это лучше, чем пара лишних дырок в шкуре. Она это сама прекрасно понимала и потому не жаловалась, только пыхтела мрачно. Увы, здесь ей Костин помочь ничем не мог, разве что посочувствовать.

Куда больше его волновало отсутствие у Каталины возможности видеть сканеры противника. Его собственная гарнитура позволяла уверенно обходить или перешагивать опасные места, но у девушки соответствующих приборов не было. А куда деваться, на борту «Стилета» второго комплекта просто не предусматривалось за ненадобностью. Хорошо еще, сейчас испанка не умничала, а шла след в след, сосредоточенно копируя движения лейтенанта. Разве что пару раз ему приходилось аккуратно переносить, точнее, переставлять ее через датчики — увы, там, где он мог без усилий перепрыгнуть, Каталине

было попросту не справиться. Физические кондиции не те.

Зону действия сигнализации они проскочили быстро. Минута, может, две. Еще раз просканировав местность, Костин повернулся к боевой подруге:

- Ты как?
- Живая, — сквозь зубы отозвалась девушка. — Что там?
- Все, порядок.
- Пошли?
- Пошли, — кивнул лейтенант, сделал несколько шагов вперед — и почувствовал, как нога цепляется за что-то. Зло дернулся ей — и только после раздавшегося грохота сообразил: что-то пошло не так.

Его провели, как мальчишку. Те, кто ставил здесь сигнализацию, прекрасно понимали, что желающие проникнуть на объект могут иметь под рукой соответствующую времени технику, переиграть которую сложно. И они пошли иным путем. Примитивно и старо, как мир, но действенно — тонкая леска, невидимая на сканерах, а к ней привязана всевозможная гремящая дрянь, главным образом, пустые консервные банки. И загрохотало это безобразие вполне качественно.

Когда в лицо ему уперлись лучи старомодных, но от этого не менее эффективных прожекторов, Костин даже не стал дергаться, а молча поднял руки. Его переиграли, и стоило это признать. Каталина вскинула было руку с пистолетом, но лейтенант перехватил ее запястье. Перестреляют, как кроликов. Девушка тоже поняла это, явственно скрипнула зубами, но подчинилась. А потом из темноты вышел комитет по встрече, и Костин сложился вдвое от удара тяжелым прикладом под ребра.

Почти там же. Через полчаса

Болело... Гм, лучше перечислить, что не болело. Быстрее получится раз этак в ...дцать. Те, кто был его сейчас, оказались серьезными профессионалами, никакая физическая сила не спасла, да и комбинезон, способный частично распределить силу удара на большую площадь, тоже. По сравнению с ними головорезы бедняги Аль-Муслима выглядели попросту безобидными. И, доставив лейтенанту максимум болевых ощущений, они ухитрились не сломать ни единой кости и не причинить заметных повреждений внутренним органам. В общем, действительно профессионалы, чего уж там.

Костин неловко пошевелился, тут же получил новый букет острых ощущений и едва удержался от того, чтобы выругаться. Вместо этого лейтенант предпочел растянуться на кровати, безжалостно пачкая белье грязью с комбинезона и кровью из разбитых губ и носа, которая все никак не хотела останавливаться. Так оказалось полегче, хотя и ненамного.

Кровать была широкая, удобная, и места для двух хватало. Рядом то дышала тяжело, будто загнанная лошадь, то скрипела зубами от боли и злости Катарина. Ее били не так сильно, но с тем же деловитым безразличием. Получила свою порцию, ничего не скажешь. Конечно, не такую, как Костин, но тоже ничего себе. А учитывая, что она была мельче и слабее, то, пожалуй, ей пришлось даже хуже.

Хорошо еще, эти умники не стали размениваться на пошлости вроде темных сырых подвалов. Возможно, потому, что подходящих помещений было попросту не предусмотрено. Вместо этого пленных запихали во что-то вроде гостевых помещений — средних

размеров комната, огромная кровать, санузел... В общем, в такие селят не самых важных гостей. Оружие, конечно, забрали, равно как и прочее снаряжение. Хорошо хоть, из одежды не вытрясли.

С точки зрения лейтенанта, ситуация выглядела неприятной, но не смертельной. Главное, оклематься чуточку, а потом возможны варианты. Стену, конечно, не прошибешь, но выломать теоретически неразбиваемое окно можно вполне. Оно рассчитывалось на противодействие обычным вандалам, а не имперским офицерам. Или вынести дверь и свернуть шеи тем, кто охраняет их узилище. Только вот зачем? Им ведь надо было добраться до эмира — так наверняка к нему и приведут, а вот дальше посмотрим.

Увы, полежать не дали. Лязгнул замок, и в комната вошло... мурло. Нет, формально это был самый обычный человек, высокий, на две головы выше Костина, широкий в плечах, со сверкающими неестественной белизной зубами. И камуфляж на нем сидел, будто вторая кожа. Оружие — короткоствольный автомат австрийского производства болталось на плече с деланной небрежностью, но Костин прекрасно видел: случись нужда — перехватить его можно за полсекунды. В общем, опытный, хваткий наемник, тренированный когда-то серьезным государством. И лейтенант хорошо помнил, что именно от этого умника ему прилетело по лицу, да так, что зубы теперь ощутимо шатались.

— Ну что, живые? — широко улыбнулся вошедший. Его улыбка была столь же открыта и доброжелательна, как фальшивый доллар.

Больше всего Костину хотелось его убить, но он демонстративно усмехнулся, встал и, не обращая внимания на разом напрягшегося визитера,

прошествовал в ванную. Умылся, убедился, что кровь вроде бы наконец остановилась, и спокойно вернулся в комнату.

— Что надо? — исподлобья спросил он. Улыбка с лица незваного гостя слетела, будто по волшебству.

— Вас хочет видеть хозяин. Шнель!

— Да пошел ты, — пробормотал себе под нос Костин, но подчинился. Он не сомневался, что даже сейчас справится с этим умником в рукопашной схватке. И автомат гостю вряд ли поможет. Вот только рано, пока что рано. Наверняка за дверью остались еще двое-трое, которые не станут просто так сидеть и активно вмешаются. Поэтому не стоило рыпаться раньше времени. Костин повернулся к Каталине, резко дернул головой, пошли, мол, и решительно шагнул к двери.

Судя по оханью и сдавленному ругательству, которое выдала девушка, сползая с кровати, досталось ей и впрямь изрядно. Однако же догнала моментально, пристроилась за спиной, справа. Конвой (за дверью оказалось еще трое лбов, кондициями напоминающих первого) гулко топал позади, и именно в таком составе они вошли в комнату, служащую прежним хозяевам, наверное, чем-то вроде конференц-зала.

Здесь все сохранилось во вполне пристойном виде. Даже полы не слишком испачканы, только стулья сдвинуты, да в углу возвышается куча ящиков, оставшихся явно от прежних хозяев. Костин с трудом удержался от того, чтобы усмехнуться — кое-какие идеи начали прорисовываться в голове моментально. И охрана, находившаяся здесь и составившая, вместе со вновь прибывшими, аж восемь душ, не сильно его напрягала. Да, наемники, самого что ни на есть европейского облика. Видать, эмир не слишком доверял

соплеменникам, а может, просто решил заиметь охрану из серьезных профессионалов. Неприятно — но не смертельно. Главное, дождаться момента.

При втором взгляде на помещение обнаружилось кое-что интересное. На широком офисном столе грудой валялось отобранное у пленных оружие. Отдельно лежала гарнитура Костина. Очень хорошо, значит, ее уже идентифицировали, как стоящую на вооружении империи. Это радует.

Эмир — а кто еще это мог быть — появился внезапно. Красавец мужчина, иначе и не скажешь, рядом с такими невзрачный Костин частенько ощущал нечто вроде комплекса неполноценности. Высокий, с правильными чертами лица, породистым носом... Мундир — ну надо же, мундир! — подчеркивал совершенство фигуры. Не, за одно это стоило его пристрелять. Хотя, надо признать, на фоне стены, увешанной целой коллекцией холодного оружия (новоделы, моментально определил неплохо разбирающийся в таких делах Костин), смотрелся он эффектно.

— Итак, кого я вижу? — голос эмира звучал певуче, совершенно без акцента. Даже чище, чем у изрядно повысившей за последние дни свой уровень языковой подготовки Каталины. Верный признак обучения с использованием профессиональной аппаратуры, плюс языковая практика. — Невероятно! Господин русский офицер. И что вас занесло в наше захолустье?

Он говорил весело, почти искренне, но Костин чувствовал колоссальное внутреннее напряжение в его голосе. Эмир не боялся, но опасался, оценивая немалую вероятность проблем. Это радовало. Не фанатик, значит, своя шкура дорога. С такими кадрами можно и нужно работать.

— Откуда знаете, что мы русские? — поинтересовался он сколь мог небрежно.

— Вы — русский, — уточнил эмир. — А вот ваша... подруга, скорее всего, из местных.

— Неплохо, неплохо, — Костин демонстративно поапплодировал. Из-за боли пришлось для этого простого действия приложить немалые усилия, но он справился. — Так как поняли-то?

— Да просто только у вас, имперцев, можно встретить такое сочетание дилетантизма и наглости.

— А у местных?

— Только дилетантизм. Именно поэтому вас не убили сразу. А потом убедились, что угадали — оснащение у вас... — эмир кивнул в сторону стола, — специфическое.

— Ну что же, может, вы и правы. Кстати, а что мы стоим-то? — лейтенант оглянулся, отошел к стене (руки у охраны рефлекторно дернулись к оружию) и приволок оттуда два стула. — Я, с вашего разрешения, сяду, а то устал малость. Като, присоединяйся.

— Ну вы нагле-ец, — протянул араб.

— Вы еще не представляете, какой, — благосклонно кивнул лейтенант, устраиваясь поудобнее. — Като, чего ждешь?

Каталина, немного подумав, села рядом с ним. Эмир недовольно поджал губы, видимо, не одобрял такое поведение женщины. Не привык, что они в его присутствии сидят, да еще и подчиняются не ему. Правда, Костина это не слишком волновало, он откинулся на спинку стула и поинтересовался:

— Ну что, рассказывайте, как вы докатились до жизни такой?

— А вы и вправду не боитесь? — остатки улыбки сползли с лица эмира.

- Кого? Вас, что ли?
- Хотя бы. Я ведь могу и расстрелять вас приказать.
- Не-а, — нагло ухмыльнулся Костин. — Не боюсь.
- Разрешите поучить его культуре общения? — тут же влез один из телохранителей. Ну надо же, какие мы слова знаем... Впрочем, среди них могут оказаться люди и с вполне себе университетским образованием. Всякое бывает в жизни. Тем не менее, спускать этот пассаж не хотелось.
- Не тем, кого наши предки учили мыться и строить сортиры, теперь учить нас культуре, — надменно отозвался Костин.
- Да я тебе...
- Сядь, — коротко и резко приказал эмир. — Он нас и впрямь не боится.
- Да, не боюсь — кивнул лейтенант. — Совершенно.
- И почему?
- Видите ли, — Костин, не спрашивая разрешения, встал, прошелся по кабинету. Охрана бдительно проводила его стволами автоматов, но стрелять не пыталась. — Вы, конечно, сейчас вроде бы сильнее. Но связываться со мной, зная, кто я и откуда, уже сами боитесь.
- Боюсь? — эмир удивленно вскинул брови.
- Ну да, — лейтенант пожал плечами. — Вернее, я не совсем правильно сформулировал. Вы не считаете мою ликвидацию выгодной. Одно дело, когда неизвестный корабль сваливается вам на головы и начинается бой против непонятного противника. И совсем другое, когда вы видите перед собой имперского офицера и знаете, что за меня будут мстить.

И вам придется или умереть, или тщательно затереть все следы. К примеру, уничтожить исполнителей, а заодно и свою личную охрану. Ведь она сейчас нас слышит, может сболтнуть... А они не похожи на фанатиков, которым отдашь приказ самоубиться — и они это сделают. Больше всего присутствующие здесь и сейчас джентльмены с европейскими рожами похожи на опытных, профессиональных наемников, служащих за деньги и желающих оставаться в живых и потратить гонорары. Так что может получиться и вариант, что они сами вам голову оторвут. Нет?

Эмир молчал. Костин ухмыльнулся.

— Вот видите. Так что грохнуть меня просто так у вас не получится, — отчаянно блефовал лейтенант. — И лучше всего вам меня изолировать, а потом передать нашему командованию, когда оно явится сюда на паре линкоров разбираться, куда же пропал имперский рейдер. Взаимоприемлемый, кстати, вариант. Правда, беречь меня придется, как зеницу ока. Иначе могут и к ответу призвать. Фатально. А мою спутницу... Знаете, я бы на вашем месте ее ликвидировал, но вы этого сделать не сумеете. Иначе вам придется перешагнуть через мой труп, а это, извините, чревато ранее озвученными последствиями. Кстати, как вы относитесь к нездоровому образу жизни?

— Чего?

— Закурить дайте, болваны. Я со вчерашнего дня не дымил.

Каталина, наверное, удивилась — на ее памяти лейтенант вообще табаком не баловался. К счастью, у нее хватило ума не показывать эмоций. Эмир, обдумывающий ситуацию, кивнул, и один из охранников вытащил пачку сигарет и зажигалку. Костин с удовольствием затянулся, эффектно пустил из носа дым

густыми плотными струями и вновь прошелся по кабинету. Остановился в углу и принял с интересом читать надписи на сложенных тут же затрапезного вида ящиках, тех самых, на которые обратил внимание, когда вошел. Откинул крышку ближайшего, ухмыльнулся:

— А вообще, лучшим выходом для вас, да и, подозреваю, единственным, станет отпустить нас. Подогнать хорошую машину, лучше всего бронетранспортер, заправить его под крышку топливом, загрузить продуктов, воды, оружия... Кстати, от пары килограммов золота или, к примеру, камушков, да не абы каких, я тоже не откажусь. В качестве компенсации за моральный ущерб, да... А потом лечь на пол, сложить руки на затылке и вежливо подождать, пока мы соизволим удалиться.

— Чего? — эмир выглядел настолько ошарашенным, что Костину стало по-настоящему смешно. — Вы, вообще, в своем уме?

— Я-то да. А вот вы кое-чего так и не учли. Напомню. Вы у нас тоже не фанатик, а значит, хотите извлечь максимум из своего нынешнего положения и остаться при этом в списке живых. Я могу вам, конечно, сказать, что вот сейчас отберу у того жлоба, что самый толстый, потный и постоянно чешет задницу, автомат... Почему у него? Да больно уж удобно стоит и из-за своего дерматита немного отвлекается. Потом я закроюсь вами. Стрелять они не смогут, а я их положу... Кстати, вполне реальный сценарий. Вот только не вижу нужды впадать в такие пошлости. Мы же с вами цивилизованные люди. Так что просто взгляните на мои руки.

Эмир посмотрел и удивленно поднял брови. Зато его начальник охраны вдруг побелел и принял

судорожно хватать ртом воздух. Остальные, судя по всему, были согласны с шефом, и только дисциплина удерживала их на месте. Каталина удивленно переводила взгляд с лейтенанта на его оппонентов и не понимающе хлопала глазами. Костин рассмеялся, причем совершенно искренне:

— Для тех, кто не в курсе. Очень недальновидно устраивать штаб в офисе компании, занимающейся горными работами. Тем более, небольшой компании. Здесь, в провинции, любят плевать на нормы хранения материалов и технику безопасности, а работают по старинке, главное, чтобы попроще и подешевле. И прямо в офисе, помимо всего, находится дюжины ящиков со взрывчаткой — видать, что-то как раз перед визитом непрошеных гостей хотели взрывать. Ну а пока что забросили ее сюда. Или уже взорвали, а это излишки. Собственно, плевать. Главное, это универсальная взрывчатка. Раз в пять мощнее динамита и готовая рвануть не только от детонаторов, но и от банального запального шнуря. Над одним из которых я, кстати, сейчас держу сигарету. И вряд ли вы успеете разбежаться. Так что оружие на пол положите, а то ведь рука и прогнуть может. Живенько, живенько. Хан, шейх, как вас там... Жить хотите, или прямиком к гуриям? Аллах — он, конечно, велик, но прямо сюда за вами не прилетит, и не надейтесь.

— Вас тоже разнесет, — как ни странно, эмир, хоть и побледнел, сохранил присутствие духа. Костин в ответ лишь пожал плечами и безразлично улыбнулся:

— А мне все равно, я — пилот малого рейдера, нас подбирают еще и по абсолютному бесстрашию. У меня есть задание, и я его выполню или умру, остальное несущественно. Поэтому давайте, давайте, складывайте свои железки.

И ткнул кончиком сигареты в услужливо зашипевший шнур.

Когда последний автомат глухо лязгнул о пол, гореть шннуру оставалось еще пару сантиметров. Костин аккуратно отщипнул кончик, растер его в пальцах. Это было горячо и больно, однако показывать, что ты хоть самую малость озабочен такой мелочью, не стоило. И так блефовал по-черному. Презрительно усмехнувшись, он приказал:

— Като, собери металлом. И дай мне мой пистолет. Джентльмены, сядьте-ка пока что у стеночки и руки на коленях сложите. Так, чтобы мне их видно было. А вы, эмир, распорядитесь насчет транспорта. Чем раньше я уеду, тем меньше шансов, что осерчаю и всех здесь перебью.

Пока Каталина возилась с горой оружия (умная девочка, живо сообразила, что уволочь все не сумеет, и попросту повыдергивала магазины), эмир коснулся пальцем экрана планшета, громко и разборчиво, на хорошем английском, отдал распоряжение. Не дурак, понимает, что к чему, и проигрывать умеет. Костин вполне доброжелательно кивнул и поинтересовался:

— Не поделитесь со мной информацией, где там ваш Пророк засел? И, кстати, добавьте к ним сведения о том, какие силы прибыли на планету, где засели... Знаете, давайте лучше ваш планшет. Думаю, там есть все, что меня интересует.

Эмир скрипнул зубами, но подчинился. И о том, где засел Пророк, тоже сообщил. В несгибаемого борца за светлое будущее шариата он играть явно не собирался.

— Замечательно, вы у меня просто душка. И последний вопрос, — Костин бдительно качнул стволом пистолета в сторону охранников, но те,

в общем-то, и без таких предупреждений дергаться не пытались. — Кто отдал приказ сбить мой корабль? Вы?

— Нет... Нет! Это Пророк!

— Ну, я так, в общем-то, и думал. Откровенно говоря, подставил он вас всех капитально. Не знаю, намеренно или случайно, вам от этого все равно не легче. Если вы не в курсе, то мой корабль был послан сюда только и исключительно для сбора информации. Решение о любом вмешательстве принимается на уровне не ниже министра обороны, о полномасштабной силовой акции — самим императором. Лично. А теперь... Знаете, сейчас будет уже не интервенция, а спасательная операция. И решение принимается на уровне комфлота, причем вопрос «спасать или не спасать» не стоит вовсе. По сути, решается только, какие силы будут задействованы. Вы, думаю, знаете, как империя проводит такого рода акции?

Судя по ставшим совсем уж скучными рожам собравшихся, отлично знали. Четыре линкора пирамидой на высоких орбитах перекрывают все выходы с планеты и давят узлы обороны, не особенно экономя боеприпасы. Потом десант, подавление очагов сопротивления... Чем упорнее будут защищаться, тем безжалостнее пройдет зачистка. И, сразу видно, собравшимся здесь совсем не улыбалось оказаться в эпицентре событий.

— Вижу, прониклись, — Костин жестко, уголками рта, усмехнулся. — Тогда мой совет. Не говорите Пророку ничего. Вообще ничего. А грузитесь-ка вы на корабль да валите отсюда, куда подальше. Времени у вас не так и много.

Все, что он сейчас говорил, было чистейшей воды экспромтом. Ну откуда лейтенанту, даже старшему,

знать, где и какие решения принимаются? Тем не менее, ему поверили. Если людям слишком долго рассказывать страшилки, они поверят в них и испугаются на самом деле. Империя же периодически пугала соседей, не прилагая к этому особых усилий. Это была часть ее политики, и сейчас она пришлась как нельзя кстати.

— Замечательно, — Костин потер руки. — Ну, раз у нас полное взаимопонимание, ответьте-ка мне еще на пару вопросов...

Увы, в дальнейшем эмир как собеседник оказался слабоват. Его положение здесь соответствовало чему-то вроде командира дивизии. Вот на этом уровне он и был компетентен, а интересующие лейтенанта технические вопросы попросту не знал. Оставалось лишь вздохнуть и отпустить его с миром. После этого, под зубовный скрежет наемников, выбрать из груды оружия наиболее понравившиеся образцы (Каталина до кучи сперла еще какую-то странной формы железяку из коллекции на стене) и сделать всем ручкой. Ну и, уже выходя из зала, Костин с чувством врезал локтем тому охраннику, что повредил лейтенантские зубы. Не убил, конечно, но нос вмял чуть не до затылка. Ничего, будет ему память.

Лес. Два часа спустя

— Ты думаешь, они не будут нас искать?

— Уверен, — Костин пошевелил тлеющие угли. —

Эмир — разумный человек. Сюда он пришел за-ради наживы, но сейчас риски перевешивают возможную прибыль. Если империя и впрямь вмешается, им всем хана. Думаю, потому их самозваный Пророк и распо-

ложился в стороне от всех, чтобы суметь под шумок удрать. Но скотина же он...

— Пророк?

— И Пророк тоже, но я сейчас про эмира. Мало того, что вместо нормального броневика вернул нам нашу же машину, так еще и на сухпай пожлобился. Нам тут, считай, на раз. И сейфа с золотом тоже нет...

— Ты что, всерьез думал, что он в точности выполнит все, что ты ему сказал?

— Нет, конечно, ну а вдруг? Мечтать не вредно, именно мечты ведут нас от звезды к звезде. Мечты о богатстве, власти, красивых женщинах у наших ног...

Каталина посмотрела на его одухотворенное лицо и рассмеялась. Чуть истерично, чуть сдавленно, ребра все еще болели, но рассмеялась. Костин тоже улыбнулся:

— А что, повод для подвига не хуже любого другого. И вообще, мужчины идут на подвиги ради дам. А ради не дам не идут. И не красней так, пора уже привыкнуть к моим шуткам.

Впрочем, Каталина и не думала краснеть. На этот раз цвет лица ее и впрямь поменялся из-за отблесков костра. Она откинулась на спину, благо было сухо, и посмотрела в небо. Звезд здесь наблюдалось раза в три больше, чем на ее родной планете, и вид черного, покрытого сияющей россыпью купола над головой завораживал. Немного помолчав, она спросила:

— Одного не могу понять: почему он сразу не приказал тебя убить? Ведь хотел, я же видела. И все равно, ты ему хамишь, а он терпит...

— Потому что боялся, — Костин с восторгом вгрызся в куриную ногу. — Элементарно, Ватсон...

— Боялся? Тебя?

— Не меня, разумеется. Я, конечно, имел некоторые шансы успеть свернуть ему шею до того, как меня пристрелит охрана, но как раз об этом наш эмир не знал. Нет, не меня он боялся, а империи за моей спиной. Боялся изначально, до дрожи в коленях.

— Вы так страшны...

— Ой, вот только не надо сарказма. Просто очень многие пробовали разбудить медведя, имена тех, кому это удавалось, давно канули в Лету, а империя все еще жива, здорова и в ус не дует. Знала бы ты, сколько таких шейхов и эмиров украсили собой колья вдоль дорог... А конкретно этот не имел информации о том, что известно или не известно тем, кто меня послал. Вот и боялся на всякий случай.

— Его... убили бы?

— И всю его семью, до седьмого колена. Без суда, он в таких случаях не предусмотрен. Достаточно волевого решения любого офицера в ранге не ниже майора.

— Но это ведь противозаконно!

— Почему? Согласно нашим законам все предельно ясно, понятно и юридически грамотно. А международные понятия... Понимаешь, законы Российской империи для нас стоят выше международных. И именно поэтому ситуации, когда мы прибегаем к жестким мерам, очень редки. По статистике, империи действительно приходится кого-то наказывать в восемь целых и две десятых раза реже, чем, к примеру, в Альянсе. И почти в шестнадцать раз по сравнению с вами.

— В ответ начнутся взрывы в ваших городах. Вы об этом подумали?

— С нами это не проходит.

— Но... как?

— А у нас персональная ответственность, — пожал плечами Костин. — Переходящая в коллективную, если надо, и наоборот. Все эти шейхи, эмиры и про-чая шелупонь знают: произойдет, к примеру, взрыв, без разницы, где, один из них умрет. Страшно умрет. А вот кто — это уж как упадет кубик.

— Какой?

— Игровой. И даже если они не причастны — все равно кто-то из них умрет, к примеру, упав в мясорубку. Живьем. Это уже бывало, и с тех пор у нас нет терроризма.

— Кх... — девушка закашлялась. — Ну, вы даете.

— Имеем возможность, мы достаточно сильны.

— Ох, и ненавидят же вас за эту силу...

— Да и пускай, — лейтенант посмотрел на куриную кость в руке, подивился, как лихо под разговор успел ее обгладать, и продолжил: — Тут ведь понимаешь, в чем дело. Соседи с завидной регулярностью полагали, что спихнули нас в яму. А на проверку каждый раз оказывалось, что мы просто залезли в окоп. И выковырять нас из него будет им стоить чересчур дорого. Но ни разу они не подумали о том, что будет, если мы вылезем из него сами и возьмем в руки большую дубину. А стоило бы подумать, чес-слово. Ведь голова человеку как раз и дана, чтобы думать. А мозги — чтоб соображать.

Катарина рассмеялась, искренне, но не очень весело. Потом вздохнула:

— Знаешь, ты вроде нормальный, но... Глядя на тебя, создается впечатление... В общем, не зря мне говорили, что вы там, в Империи, все поголовно страдаете манией величия.

— Мы не страдаем, мы наслаждаемся, а что?

Каталина рассмеялась, на сей раз вполне искренне. Костин же, закончив наконец с несчастной курицей (из-за разговора процесс затянулся, и она успела подостыть), взял реквизированную у боевой подруги железяку и вновь поворошил ей угли. Для этих целей она подходила идеально.

Вообще, интересно. Пародия на тесак, которую девушка честно сперла у эмира, оказывается, называлась фальката и вроде бы имела испанское происхождение. Костин честно полагал до сегодняшнего дня, что родом из Испании только и исключительно наваха, а все остальное — производные типичной для Европы оружейной школы. Как оказалось, все не так просто.

Больше всего непонятная фальката походила на классический турецкий ятаган, отличаясь разве что рукоятью. На взгляд непривычного к такому оружию Костина, чертовски неудобная штука. Правда, выглядит необычно и грозно, человеку, от войны далекому, в темной подворотне покажи — тот мигом энурез с метеоризмом заработает. А так... В общем, Костин ее попробовал крутануть в руке и едва не оттяпал себе кусок мяса чуть пониже колена.

Как ни странно, Каталина с этой железякой обращалась куда лучше него. Говорила, что у отца такая имелась — тоже, блин, коллекционер экзотических кривулек. Потому и забрала, кстати, что фальката напомнила ей о детстве. Ладно, чем бы дитя ни тешилось, тем более, хоть и новодел, а сталь отменная. Пусть таскается, не жалко.

— Слушай, я тебя все хотела спросить...

— Спрашивай, — Костин отложил фалькату и, в свою очередь, откинулся на спину. Все тело болело и говорить особо не хотелось, но лежать молча

не хотелось еще больше. Тем более, все равно скоро спать, так что под этим благовидным предлогом разговор, если он почему-то окажется неприятным, можно свернуть в любой момент.

- А скажи, ты и впрямь взорвал бы там все?
- Только если не нашел бы другого варианта.
- Но... тебе и впрямь не страшно было?
- Еще как страшно, — вздохнул лейтенант. — Но куда деваться?
- И как тебе удается вот так, запросто преодолевать страх?
- Удается вот, — усмехнулся Костин. — С трудом, честно говоря. Просто надо всегда помнить, что Россия превыше всего. Это помогает.
- Тебе не кажется, что это уже было? Дойчланд юбер аллес. Чем все кончилось — напомнить?
- Надо же, образованная, — усмехнулся Костин. — Большинство ваших об этом забыло... Или постаралось забыть, а зря. Между прочим, очень хороший девиз, мы с ним согласны. Для немцев превыше всего Германия, для тебя — Испания, для нас — Россия. Главное, не доводить расклад до бездумного абсурда, а то извратить можно любую идею.

Каталина вздохнула, несколько секунд помолчала, а потом убралась в машину спать. Видно было, что убедить ее у лейтенанта не получилось, но и достойного ответа с ходу придумать не вышло. Ну что же, оставалось лишь последовать ее примеру — завтра их обоих ожидал тяжелый день.

То же место. Утро

За ночь ситуация изменилась до полного безобразия. Машины с моджахедами шуровали по дороге

одна за другой, и все — в сторону виллы эмира, да еще и помеченные его личным знаком. На бортах грубо, но вполне узнаваемо намалеваны золотистый полу-месяц в голубом круге, не перепутать.

Похоже, эмир был не только умным, но и предусмотрительным человеком, и рассчитывал прорываться домой не в одиночку. Все правильно. Неизвестно, какие там у них нравы, Костин этим особо никогда не интересовался, но, в любом случае, возвращаться домой одному с видом побитой собаки не стоило. В лицо-то родственники брошенных здесь солдат, может, и не скажут ничего, но потом в любом случае, прирежут. И из мести, и потому, что живут они по законам волчьей стаи. Ослабевшего вожака рвут на куски претенденты на его место.

Совсем другое дело, если он вернется героем. А что? Потерь минимум, трофеи какие-никакие есть, а своих солдат он из-под неумолимо надвигающегося асфальтового катка империи выдернул. Стало быть, мудрый и дальновидный правитель, честь ему и хвала. А может статься, что пройдет несколько лет — и придут к эмиру вежливые до приторности господа из внешней разведки империи. Придут и напомнят о том, как господин эмир остался жив, а за одно о последствиях, которые непременно возникнут, как только об этом узнают иные заинтересованные лица. И будет у империи еще один агент... Впрочем, это Костина уже не касалось.

В общем, все шло так, как и задумывалось, с одной маленькой поправкой: лейтенант не ожидал, что у эмира столько людей. В результате дорога оказалась буквально запруженя, и ехать по ней, мягко говоря, опасно. Моджахеды — народ простой, они в тонкости большой политики не посвящены и про то, как

опасно задевать русских, не знают. Могут и из пулемета приласкать. Так что дороги закрыты, ехать лесами — скорее всего угробить машину, поскольку Костин слабо представлял, где и что здесь творится. Оставалось сидеть и ждать, благо по сторонам арабы не особенно смотрели.

Впрочем, ближе к обеду поток начал иссякать, а со стороны резиденции эмира донеслась стрельба. Потом небо прочертили трассы истребителей, то ли атмосферных, то ли класса «воздух-космос». Ну и, в качестве финального аккорда раздалось несколько взрывов. Очень похоже, кто-то активно пытался помешать эмиру сваливать. Ну и черт с ними, Костина разборки в благородном семействе не волновали совершенно. Хотя, откровенно говоря, на такие расклады он изначально не рассчитывал.

Словно в подтверждение его предположений, воздух снова прочертили трассы, но на этот раз от плазменных орудий. Очень характерный след... Помнится, возле виллы стояла батарея старых зениток — весьма похоже, эмир без боя сдаваться не собирался. И сопротивлялся он достаточно успешно — два самолета, как минимум, артиллеристам свалить удалось. Впрочем, скоро в той стороне полыхнуло, до ушей лейтенанта докатился тяжелый рокот взрыва, и батарея замолчала, похоже, навсегда.

На всякий случай Костин предпочел задержаться в лесу — и, как оказалось, правильно сделал, поскольку не прошло и получаса, как дорога заполнилась вновь. На этот раз поток шел, правда, в противоположном направлении. «Верные» солдаты эмира, подобно спасающимся с тонущего корабля крысам, порскнули во все стороны. Ну а учитывая, что дорога одна, то давка стояла жуткая. Правда, недолго.

Очередной истребитель с ревом прошел над дорогой, и почти километр трассы полыхнул ярким, будто вспышка магния, пламенем.

Для того чтобы проморгаться, Костику потребовалось минуты две, не меньше. Каталина отделалась легче — в момент, когда истребитель накрыл беглецов, она как раз полезла в машину, чтобы взять термос с кофе и бутерброда. Ей, видите ли, хотелось наблюдать за происходящим с комфортом, в смысле, удобно сидеть, закинув ногу на ногу, и подкреплять силы легким перекусом. Эстетка комнатная... Впрочем, самого Костина она в этом желании опередила совсем ненамного. И, надо признать, желание отвлечься возникло у нее крайне вовремя, у самого же лейтенанта еще минут десять плавали перед глазами цветные круги. Хорошо еще, что на них в это время не пытались напасть — просто некому было.

Чем уж там долбанули по дороге, лейтенант так и не понял. Без радиации, и то спасибо. В остальном же пес их знает, гадов. Применили опять какое-то старье, или свое, или из местных арсеналов. В нормальных странах такое уже давно снято с вооружения, а забивать головы курсантов характеристиками барахла, которое, скорее всего, разве что в музеях увидишь, в свое время не старались. Ну и ладно. Костин в очередной раз раздраженно мотнул головой (помимо кругов перед глазами от ударной волны изрядно заложило уши) и отправился посмотреть, что же творится на дороге, поближе.

Как оказалось, зря — картинка при ближайшем рассмотрении выглядела совсем уж тошнотворной. Чем бы ни ударили по беглецам, оно, помимо световых эффектов, давало еще и высокую температуру. Мясом подгоревшим воняло так, что блевать

хотелось. И трупов разной степени изорванности и обугленности валялась масса. Костин даже не стал подходить ближе десяти метров — повернулся и направился к Каталине. Та сидела с позеленевшим лицом, и пришлось влепить ей пару пощечин, чтобы хоть немного привести в себя. Не оставалось времени на рефлексии, надо было убираться, да побыстрее и подальше.

Однако не все прошло так быстро, как планировалось. Не успели они отойти, как внимание лейтенанта привлекло шевеление в паре сотен метров от них, в редком перелеске. Он всмотрелся, потом тронул уже пришедшую в себя Каталину за плечо:

— О-па! Узнаешь чудика?

Каталина взглянула в указанном направлении, потом реквизировала у Костина бинокль, всмотрелась еще раз:

— Эмир?

— Ага, он самый. Вот он идет прямиком сюда, наш маленький волосатый друг...

— Я б таких друзей...

— Не поверишь — я бы тоже их на деревьях вешал, причем не за шею. Но сейчас я с ним переговорю. Пригодится.

— Зачем?

Но Костин уже не слушал. Размытой в воздухе тенью он скользнул навстречу незваному гостю, и комбинезон надежно скрыл его от чужих глаз.

Подобраться к эмиру оказалось просто, особенно если учесть, что охраны у него сейчас было кот наплакал. Всего четверо, из них двое раненых. Эмир, правда, не выглядел пострадавшим, но вид все равно имел какой-то жеваный. Великосветский лоск событий последних часов смыли с него начисто. Но, судя

по тому, с какой целеустремленностью все пятеро перебирали ногами, они явно хотели, а главное, все-рьез рассчитывали выжить.

— Стоять!

Очевидно, для них голос из ниоткуда стал полной неожиданностью, но не шоком. Во всяком случае, не разбежались и не стали палить в белый свет, как в копеечку, зато ощетинились стволами во все стороны знатно. Костин довольно усмехнулся — это хорошо. Не паникуют, реально пытаются хоть что-то сделать. Могут быть полезны, хоть и сволочи перво-старателей.

— Стоять. И не нервничать. Включите мозги, умники, я мог изрешетить вас уже раз двадцать.

Полчаса спустя они сидели возле машины. Гости подкреплялись чем бог послал, точнее, тем, что осталось от сухпайков лейтенанта. Наверняка жалели, что вчера пожлобились и положили в машину самый минимум. Костин с девушкой к пище не притрагивались — во-первых, совсем недавно плотно поели, а во-вторых, в ноздрях у обоих все еще стоял запах горелой человечины. Игры воображения, конечно, но аппетит отбивался сразу же.

— Эта сволочь Пророк нас обыграл, — с набитым ртом, забыв о манерах, вещал эмир. — Вначале просто предложил моим людям цену за мою же голову. И большинство согласились! Вы представляете?

— Вполне, — кивнул Костин, никогда не строивший иллюзий по поводу моральных качеств арабов. — Получается, самый важный свой ресурс вы подготовить не сумели.

— В смысле?

— Люди — вот единственная ресурсная база, заслуживающая постоянного внимания. Все осталь-

ное — наживное, — менторским тоном пояснил Костин. — А вот своих людей-то вы и пролюбили.

— Чего сделали?

Костин перевел на понятный, хотя и не оченьличный язык. На пару минут воцарилось молчание.

— Не всех, — эмир наконец решил, что терминология, используемая собеседником, не так уж и важна. А может, просто оправдаться захотелось. — Многие выступили на нашей стороне, мы отбились — и тогда по нам ударили самолеты. Мы в тот момент были связаны боем и запоздали с ответом. Большая часть зенитных средств была уничтожена прежде, чем операторы добежали до своих постов.

— Это еще раз подтверждает, что Пророк умен и хорошо подготовлен. Классика жанра. Максимально ослабить противника, рассорить его со своими людьми, вывести большую часть сил из-под его контроля. Потом связать оставшихся боем и в финале нанести один-единственный удар. Ну и, разумеется, зачистить уцелевших, и ваших, и тех, кто вас предал, так, на всякий случай. В теории просто, на практике требует немалого мастерства. Ладно, все это уже случилось, не переиграешь. Что планируете делать дальше?

— Пробираться к моему кораблю и улетать с этой планеты.

— Дураки, да? — Костин покрутил пальцем у виска.

— Ты что, русский, совсем обнаглел? — привстал с места один из наемников. Что же, его невежливость была оправдана. Тяжелый день и все такое... Только вот у Костина тоже настроение было не очень, к тому же тело еще болело после вчерашнего. Да и наемник больно уж хорошо сидел...

Сколько на человека ни кричи, но ударить все равно как-то надежнее. Именно поэтому Костин не стал размениваться на ерунду вроде разговоров, а сразу же заехал невежде в челюсть. Нокаут получился что надо. Правда, остальные схватились за оружие, но Костин уже не обращал на них внимания.

— Реально глупость затеяли. Бьюсь об заклад, согласно приказу вашего Пророка все корабли таких, как вы, вроде бы командиров стоят на одном космодроме. Так?

— Да.

— И вы думаете, их не охраняют? Или надеетесь, что охрана не будет стрелять?

— Что вы так о нас беспокоитесь? — не выдержал эмир. — В конце концов, мой человек прав. Не появись вы здесь, все было бы нормально.

— Не появись ВЫ здесь — я бы сейчас на пляже валялся и в океан плевал, — холодно ответил Костин. Нет, он, конечно, приврал немного, его отдых уже должен был закончиться, но объяснять кому-то что-то не было ни малейшего желания. — И беспокоиться о вас... Да мне, в общем-то, плевать, кто вы и что вы. Пускай вас хоть всех перебьют, воздух чище будет. Но деловые отношения еще никто не отменял.

— Деловые?

— Именно. В конце концов, какое-то количество ваших людей наверняка уцелело. Сумеете выжить сами и собрать их в кулак — и станете реальной силой, которая может что-то делать и решать. А главное, с которой будут считаться. И, когда сюда придет наш флот, поможете десанту в захвате плацдарма.

— Зачем нам это?

— Сможете быть полезным — и империя вас не забудет.

— Не мелковаты ли вы, лейтенант, чтобы говорить от имени империи?

— А у вас есть выбор? — логично поинтересовался Костин. — Все иные расклады снова приведут вас к гуриям, а так — шанс. Соглашайтесь или проваливайте, у меня не так много времени.

— И все же...

— Слушайте, — Костин встал. — Да делайте вы, что хотите, потом не жалуйтесь только. А то, что я мелковат — так и вы никто и звать вас никак. Я, случись нужда, даже на дуэль бы вас не вызвал. Так, перчатками бы отхлестал. В машину, Като, и поехали, а они пускай крутятся, как могут.

Дорога. Два часа спустя

— Но как?

— Понты — наше все, — гордо ответил Костин. — А если честно, то при всем моем невысоком мнении об арабах, этот еще вполне неплохо держался. Но как только сообразил, что торга не будет, сразу пошел на попятную. Нормальная ситуация.

Каталина, очевидно, ход мыслей лейтенанта до конца не понимала, но списала все на загадочную русскую душу. К тому же вовремя проявился один из постулатов женской логики — черт с ним, что не понимаю, главное, работает. Так что она откинулась в кресле и честно попыталась насладиться поездкой. К сожалению, получилось не очень — и пейзаж однобразный, и дорога паршивая.

Хотя, конечно, что бы она там ни думала, а финал переговоров с эмиром прошел в весьма положительном ключе. Костин давил с невозмутимостью танка, эмир пищал, как лягушка под гусеницей, остальные

помалкивали. Точнее, телохранители эмира пытались что-то неубедительно вякнуть, но тут же выяснилось, что их аргументы недостаточны. Когда-то давным-давно, еще на заре империи, ее ученые доказали, что щелчок предохранителя в пистолете заменяет сорок минут воспитательной беседы, а выстрел в ногу гарантирует хорошие манеры собеседника. И, как только выяснилось, что Костин, благодаря развившейся на родной планете запредельной реакции, достает оружие быстрее всех, наемники заткнулись и в разговор серьезных людей больше не вмешивались.

Закончив разговор и заключив взаимовыгодное соглашение, Костин тут же запихал Каталину в машину. Вернее, скомандовал садиться, а убраться она и сама была рада. И рванули они прочь как только могли — Костину хотелось как можно быстрее закончить со всем этим бардаком, и, по его расчетам, выходило, что к небольшому космодрому, ранее использовавшемуся силами самообороны планеты, а ныне узурпированному Пророком, они успеют прибыть еще до темноты. Если никто не помешает, конечно.

Все получилось, как он и рассчитывал. Прибыли именно в тот момент, когда сумерки только-только начали сгущаться. На колесах вышло бы быстрее, но единственная дорога к вражеской базе наверняка плотно контролировалась. Во всяком случае, сам Костин поступил бы именно так, а Пророка глупее себя он не считал.

Однако вокруг пролегала масса небольших дорог, действующих и заброшенных, тропинок... Вообще, невероятно развитая вокруг любого жилья сеть таких вот мелких путей сообщения была, похоже, отличительной особенностью этой планеты. Контролиро-

вать их все получилось бы разве что из космоса, а с этим делом у Пророка, как успел убедиться лейтенант (а эмир подтвердил), дело обстояло так себе. Не было у него нормальной спутниковой группировки, а располагающиеся на орбите корабли район этот банально не перекрывали. Кстати, на вид халатность, а на практике вполне себе разумная мера предосторожности. Своих людей Пророк контролировал лишь частично, достаточно вспомнить, насколько легко эмир решил завязать с вдруг ставшим невыгодным сотрудничеством. Так что пускай уж висят в стороне, а то придет в чью-нибудь обкуренную, а может, наоборот, слишком трезвую голову умная мысль. Например, о том, что корабль на планете – не более чем удобная мишень. И вопрос с надоевшим Пророком можно решить быстро и радикально. Одним выстрелом.

Так что, в свете раскладов, Кости^н выбрал одну из боковых дорог, проходящую мимо космодрома и ничем с ним не соединяющуюся, и, подъехав как можно ближе, оставил машину под сенью деревьев. Последние два километра пришлось тащиться пешком, но это мелкое неудобство, на такие нет смысла и внимания обращать.

Космодром располагался в уютном и живописном местечке. Эта ложбинка меж невысоких, поросших лесом холмов. С точки зрения обороны неплохо – при близких взрывах, пускай даже противник решит применить тактическое ядерное оружие, нанести смертельный ущерб космодрому сможет разве что прямое, ну, или очень близкое попадание. Во всех остальных случаях холмы отклонят и рассеют взрывную волну. Вот только обратная сторона у этой медали тоже имеется. На тех же самых холмах куча

точек, с которых космодром как на ладони, а контролировать лесистую местность на большом пространстве крайне сложно. Впрочем, те, кто строил этот комплекс, на противодействие десанту и не рассчитывали. И, как оказалось, напрасно.

Территория космодрома была невелика. По прикидкам лейтенанта, на нем могло базироваться не более десятка истребителей «земля-космос» типа «Торнадо», стоявших на вооружении у местных сил самообороны. Сейчас здесь располагались лишь две машины — МиГ-2000 имперского производства. Эти легкие истребители, считающиеся на родине Костина вконец устаревшими, распродавались налево и направо. А что поделать? Наклепали кучу, а когда пришла пора заменять их машинами следующего поколения, наступил классический момент — девять некуда, а выбрасывать жалко. Вот и распродавали за бесценок туземцам, благо на слаборазвитых планетах устаревшую, но удачную и имеющую немалый ресурс технику расхватывали, как горячие пирожки.

На пару секунд Костин почувствовал легкий приступ ностальгии. Когда-то именно на таком истребителе он в первый раз поднялся в небо не пассажиром, а за штурвалом. Пусть и под внимательным взором инструктора, но — сам. И сейчас потребовалось даже некоторое усилие, чтобы отодвинуть в сторону нахлынувшие воспоминания. Нехорошо, конечно, но сейчас как-то не до них.

Кроме этой сладкой парочки, здесь же располагался и объект, который истребители, собственно, и охраняли. Довольно старый транспортный корабль немецкого производства, небольшой, но основательный. Такие можно было сравнительно недорого приобрести на вторичном рынке, и их частенько

покупали владельцы мелких транспортных компаний или небогатые путешественники, превращая в нечто вроде яхт. Не слишком, правда, быстроходных, зато обладающих колossalной автономностью и огромным для своего класса запасом хода. Последнее, кстати, получилось из-за того, что проект легкого транспортного корабля изначально создавался для нужд военных, а уже потом нашел себе применение в гражданском космофлоте.

Сейчас этот корабль, украшенный гордой надписью «Посейдон», сделанной псевдоготическим шрифтом, располагался прямо в центре космодрома. Не совсем подходящее название для арабского звездолета, подумал Костин, но мучиться раньше времени догадками не стал. Рядом с транспортом стояла средних размеров фура, и несколько человек проворно вытаскивали из нее ящики, перекидывая их на автоматические гравиплатформы. Такого добра хватает в любом порту, а на грузовых кораблях частенько возят собственные. Места они занимают мало, а польза, особенно при работе в необорудованном месте, несомненная. На глазах Костина одна из платформ, очевидно, полностью загруженная, мягко отъехала и нырнула в грузовой люк звездолета, чтобы вернуться через несколько минут уже пустой.

— Глянь, — Костин толкнул локтем устроившуюся рядом девушку. — А ведь Пророк не рассчитывает удержать планету.

- С чего ты взял?
- С того, что он явно намылился бежать с награбленным.
- Думаешь?
- Вижу. Что еще он может грузить на свой корабль?

- Ну, не знаю...
- И я не знаю. Но, скорее всего, после этого рейда он станет очень богатым человеком. Он ведь очень рационален и достаточно умен.
- И что?
- Ничего особенного. Просто раз у него есть мозги, то он должен понимать: трофеи должны быть легкими, компактными, ценными и безликими, чтобы не составило труда их потом реализовать. Судя по тому, сколько ящиков с ними уже погружено, мы успели только-только, и Пророк дернет с планеты в самое ближайшее время.

Каталина задумалась, потом неохотно кивнула. Сам же Костин еще некоторое время рассматривал чужой корабль, потом усмехнулся:

- Однако же, он и впрямь не дурак, этот Пророк. И не лишен инстинкта самосохранения.
- Уверен?
- Като, ты на его корабль посмотри.
- По-моему, такая же развалюха, как и остальные.
- Э-э, нет. Двойка тебе за наблюдательность. Ты на движки посмотри.

Каталина всмотрелась, потом вздохнула и кивнула головой, признавая его правоту. Действительно, корма «Посейдона» выглядела порядком раздутой, а причина этого была проста. Неведомые мастера пытались в этот антиквариат впихнуть невпихуемое, и это им почти удалось. Двигатели фирмы «Роллс-ройс», едва ли не лучшее из того, что можно найти за пределами империи. Вполне, кстати, сравнимые по мощности и надежности с лучшими военными образцами. И наверняка кораблик с такими движками, явно предназначенными для посудины классом выше,

уделает любого преследователя, как призовой скакун ломовую клячу.

- Значит, надо захватить его немедленно.
- Не торопись, пускай догрузят — глядишь, пригодится. Но, в целом, ты права. Но я пойду один.
- Я с тобой.
- Я. Пойду. Один, — чтобы выдать требуемые интонации, Костину пришлось поднапрячься. — Извини, но это не обсуждается. Если уж лопухи эмира сумели нас перехватить, то здесь ты и вовсе окажешься мне гирей на ногах.
- Ты еще назови меня коровой неуклюжей.
- Да нет, — Каталина, оскорбленная в лучших чувствах, явно нарывалась на скандал, а лейтенанту его вовсе не хотелось. — Вполне себе уклюжая.
- Но насчет коровы ты не возразил.
- И не буду. Даже и не думай худеть. У тощей задницы нет шансов на приключения.

Пока девушка хватала ртом воздух, решая, то ли наброситься на него с кулаками, то ли все же найти для этой ехидной сволочи достойный ответ, Костин махнул ей рукой и тихо скользнул в темноту, благо она накатывалась стремительно. Маленькую моральную победу в уже почти семейном споре он одержал, но развивать успех не стоило. Не тот момент. И вообще, спорить с женщиной — это все равно, что бороться со свиньей в грязи. Очень быстро понимаешь, что ей это нравится. Так что стоило заняться все же делами поважнее, и потому он тенью скользил между деревьями, и ни одна ветка не шелохнулась, потревоженная диверсантом-любителем...

Преодолеть охраняемый периметр оказалось даже проще, чем в прошлый раз. Датчиков здесь, правда, было побольше, и расставили их куда грамотнее, но

вот систему их работы выбрали другую. Не куча автономных точек, а прямое подключение к компьютеру звездолета. Плюс несомненный — так электронному «мозгу» корабля было проще анализировать информацию и, не поднимая лишнего шума, предупредить хозяина о проблеме. Минус... ну, он, по сути, только один. Если у кого-то хватит ума взломать компьютер «Посейдона», то вырубить все поле датчиков вокруг не составит труда. Именно это и сделал Костин, благо его собственный тактический планшет имел соответствующую функцию. А те, кто готовил звездолет, не предусмотрели, что к нему полезут с аппаратурой, на два поколения превосходящей их собственную. Остальное — дело техники, и спустя пять минут Костин, не привлекая лишнего внимания, проник на территорию космодрома.

Открытое пространство, разделяющее ограждающую бетонные плиты стоянки канаву (местные мало заботились об эстетике, ставя на первое место простоту и функциональность) и ближайший истребитель, лейтенант преодолел одним броском. Самое правильное поведение, если уже темно, следящая аппаратура парализована, а поблизости, включая и кабину МиГа, никого нет. Легко запрыгнул на крыло (не исчез вбитый еще в училище навык, ох, не исчез), заглянул в оставленную открытой кабину... Раздолбай! Три быстрых касания пальцами сенсорной панели — все, господа, запускать двигатели вы теперь будете до второго пришествия. Есть такая функция, есть, только вам о ней наверняка никто не сообщил. Не все секреты надо передавать, так сказать, во избежание и на случай всякий. И секретов этих много. Пара фокусов доступна простым пилотам, а что-то наверняка знают лишь узкие специалисты. Неважно, главное, что

есть возможность быстро отобрать опасную игрушку у папуасов до того, как они и впрямь что-то натворят. Общепринятая практика, так делают и европейцы, и орлы из Альянса. Ничего личного...

Чуть передохнув, недолго, буквально секунд пятнадцать, он повторил операцию со второй машиной. Здесь оказалось несколько сложнее — истребитель частично просматривался с места, где происходила выгрузка трофеев, но Костин справился. А кабина и тут была пуста — видимо, пилоты участвовали в рабочем процессе. Идиоты! Команда такого корабля — минимум четверо, плюс сам Пророк, хотя, конечно, он может исполнять на «Посейдоне» роль капитана, являясь частью команды. В любом случае, с учетом гравиплатформ, народу более чем достаточно и без привлечения к делу охраны. Ну и хрен бы с ними, если они хотят облегчить диверсанту задачу, это только их проблемы.

Теперь надо было проникнуть на корабль, но этот момент Костин уже продумал. «Посейдон» стоял не слишком удобно для погрузки — очевидно, когда осуществляли посадку, об этом просто не подумали. Прямо к трюмному люку транспорту было не подъехать, и потому фура стояла сбоку. Ерунда, конечно, лишние пятнадцать секунд на то, чтобы платформа обогнула массивную посадочную опору. Но, главное, на какое-то время она при этом выпадала из поля зрения тех, кто находился снаружи, и тех, кто теоретически мог выглянуть из этого самого люка. Вряд ли, конечно, им положено размещать и крепить груз, а не глязеть по сторонам, ну а вдруг? Так что душа Костина возрадовалась такому маршруту гравиплатформы, а тело соответственно плавно сместилось туда, откуда на нее было удобнее всего забраться.

Самым сложным оказалось на эту самоходную платформу залезть. Сверху никак, ящиков целая гора, спихнешь один — поднимется грохот, который, несомненно, привлечет внимание. И никакой мимикрирующий комбинезон тут уже не поможет. Пришлось цепляться снизу, что было само по себе довольно сложно. Особенно учитывая, что ради этого потребовалось втискиваться между плоскими «бли-нами» старомодных поляризаторов гравитации и делать это так, чтобы генерируемым ими полем тебя не размазало в тонкий лист. Получилось, конечно, хотя и ценой нескольких дополнительных синяков, а потом импровизированный автобус плавно вплыл в развязленное жерло люка, и стало не до удобств.

— Это что... — начал было один из занятых на разгрузке. Что характерно, на хорошем французском. Костин, правда, в подробности вдаваться не стал, а, отцепившись от платформы и кувырком уйдя в сторону, тут же вскочил и с чувством приложил грузчика в ухо правым боковым. От богатырского удара затянутого в плотную перчатку с керамическими накладками кулака, череп лопнул, как арбуз. Мозги незадачливого француза веером разлетелись в сторону ближайшей переборки, моментально нарисовав неплохую картину в стиле абстракционизма. Увы, любоваться делом рук своих у Костина не было времени, потому что на разгрузке трудились не двое, как он ожидал, а трое, и уцелевшие с поразительной быстротой разобрались в ситуации.

Если первый теперь спокойно лежал и требовал утилизации, то второй опрометчиво попытался оказать сопротивление. К счастью, дважды агрессивно боднув лицом колено лейтенанта, он, не расчитав сил, быстро утомился и лег отдохнуть рядом

с напарником. Теперь он какое-то время мог полежать и отдохнуть, но вот последний, очевидно, решил, что nimб героя ему очень подойдет. Иначе почему это он, вместо того чтобы упасть на колени, рыдая от ужаса, попытался выхватить пистолет? Правда, для этого требовалось еще расстегнуть кобуру. Секундное дело, конечно, но Костину хватило.

Он не стал отбирать у противника оружие, к чему такие пошлости? И не выхватил свое, хотя гарантированно опережал своего визави. Шум... Зачем он? Просто два шага вперед — и сильнейший удар ногой в промежность так и не успевшего достать пистолет грузчика.

Получилось шикарно. Не мелкого, под сотню килограммов, не считая одежды, мужика приподняло над палубой и отшвырнуло назад. Из всех звуков отчетливо различимыми получились только хрюканье пострадавшего в момент удара и суровый шмяк тела о переборку. Моментально потеряв интерес к происходящему, он сполз по ней и замер в позе эмбриона. Похоже, на этой минорной ноте сознание покинуло его надолго.

Костин быстро обыскал всех троих, забрал оружие. Того, что с разбитой головой, просто отпихнул в сторону — мертвые не кусаются. Второго быстро связал, веревок здесь хватало. Над третьим задумался на миг. Раздробленные кости таза, вдребезги разбитые гениталии... А, да и черт с ним. Одним коротким движением лейтенант свернул мужику шею. Все равно, если не помрет, то инвалид на всю жизнь. Разве что экстренно его в диагност погрузить, но с этим возиться Костин уж точно не собирался. Не время заниматься ерундой, там еще снаружи толпа.

Впрочем, время пока было. С того момента, как лейтенант сюда залетел, прошло менее минуты. Он окинул взглядом помещение. А ничего так, вместительно. И заполнено всего-то на две трети. Интереса ради лейтенант заглянул в один из ящиков и не удержался от того, чтобы присвистнуть. Пожалуй, стоит немного подождать...

Следующий час Костин трудился не то чтобы в поте лица, но и не слишком просиживая штаны. Платформы методично подвозили ящики, он их быстренько разгружал. Правда, аккуратно размещать времени уже не оставалось, но это можно было сделать и потом. Главное, принять груз — Костин не без основания считал, что его можно без особых проблем продать и в империи. Трофей, как-никак, а что с бою взято, то свято. Останется лишь налоги заплатить.

Но, наконец, очередная гравиплатформа вплыла заполненная только наполовину. Похоже, все. Костин хотел было закрыть люк, но, как только створки шевельнулись, снаружи донесся многоголосый возмущенный вопль. Пришлось отменить операцию, и почти сразу внутрь трюма вплыла еще одна платформа, на сей раз битком набитая людьми. Человек восемь, не меньше.

Похоже, те, кто работал на погрузке, ни за что не могли попасть внутрь, как все нормальные люди. Очень уж им хотелось посмотреть на результат и хоть примерно представить размер своей доли. А вот нечего, и жадность, и бахвальство — грехи тяжкие. Костин это тут же доказал, банально спрыгнув с верхнего ряда ящиков на край гравиплатформы. Ну а дальше все было просто.

Гравитационный транспорт вообще и такие вот грузовые платформы в частности штука довольно надежная. Но фокус в том, что грузовой транспорт с ограниченным количеством мощных поляризаторов

рассчитан на неспешное перемещение больших масс, а не на резкие рывки и толчки. Там, где несколько десятков точечных поляризаторов пассажирских машин компенсируют практически любое внешнее воздействие, могучие «блины» просто не успевают среагировать. И, когда на самый край с размаху опускается немалого веса человек, держащий в руках вдобавок массивную железяку непонятного назначения, платформа банально переворачивается. И те, кто на ней сидел, так же банально сыплются на палубу, туда, где их уже ждет русский лейтенант — единственный, кто в результате этого приключения остается на ногах.

Из всей восьмерки встать на ноги и попытаться оказать сопротивление успел только один. Крепкий бородатый, хотя по виду и вполне европейского облика мужик, он обладал отменной реакцией и успел сгруппироваться, что позволило ему приземлиться без особых повреждений. Всех остальных Костин оглушил (некоторых даже насмерть) прежде, чем они начали осознанно шевелиться, но последний оказался крепким орешком. Во всяком случае, сам он считал, похоже, именно так и, для начала, зарядил в лоб лейтенанту крышкой от разбившегося ящика, благо этого добра здесь хватало.

Откровенно говоря, Костин такой прыти даже не ожидал, поэтому и замешкался, пока разбирался с остальными. Ну и получил в лоб предметом твердым, но, по счастью, легким. Обычно ящики на таких вот окраинных планетах делали из практически дармового дерева, однако эти были пластиковыми, так что весили в разы меньше. Именно данное обстоятельство уберегло пострадавшего от серьезных травм. При столкновении двух твердых тел родился разве что звук, громкий и звонкий. Неизвестно правда, от

чего — от крышки или от головы, но у Костина не было времени раздумывать над такой ерундой.

Крышка столкновения не выдержала и разлетелась на куски, разорвав лейтенанту кожу на лбу и на какой-то миг слегка дезориентировав. Это и спасло его противника — удар, который нанес Костин, мог запросто свалить быка, но вышел скользящим и просто отбросил бородача назад, сбив с ног.

Подхватился он моментально и даже не потерял присутствия духа. Кто другой при виде надвигающейся бесформенно-расплывчатой фигуры (а именно такую картину сейчас давал комбинезон лейтенанта) мог и в панику удариться. Но этот успел не только сориентироваться, но и верно оценить расклады. Моментально сообразив, что оружие достать не успевает, встал в красивую и, судя по движениям, намертво вбитую стойку и прохрипел:

— Ну, иди сюда, урод! Я тебя сделаю...

— Ну что же, попробуй, — ухмыльнулся во всю ширь окровавленного лица Костин и тут же, уклонившись от внезапного (ну, так этому дятлу казалось) удара, сломал ему опорную ногу. Получилось неплохо. Все же каратэ в чистом виде не слишком эффективно, если ты не великий мастер, а так, умник, учившийся у сэнсэя, где-то что-то видевшего. Удар ногой в голову достаточно амплитуден, а значит, и не слишком быстр. Армейский рукопашный бой проще и жестче. Так что уклониться, ударить ногой по ноге бородача, перешагнуть через свежеиспеченного инвалида и продолжить общение с пока еще целыми оппонентами... Впрочем, таковых и без дополнительных физических усилий уже не наблюдалось.

Усмехнувшись, Костин быстро обездвижил пленных, попутно отбирая у них оружие. Посмотрел на

получившуюся в результате груду стреляюще-режущего железа, усмехнулся еще раз и аккуратно, двумя пальцами вытащил из нее угрожающего вида тесак. То, что надо — стиль «сдохни от зависти, Рэмбо», то есть вариация на тему боуи с агромадным клинком и устрашающей пилой по обуху, сколь грозной, столь и малопригодной для реальной жизни. Но выглядит, надо сказать, впечатляюще. Да, такой точно подойдет.

Окинув цепким взглядом пленных, Костин решительно выбрал среди них самого молодого и, вдобавок, жестоко страдающего от полученных увечий. На взгляд самого лейтенанта, вывих плечевого сустава, усугубленный легким сотрясением мозга — это, конечно, больно до тошноты, но отнюдь не повод строить из себя умирающего лебедя. Решительно выдернув его из группы таких же, как он, бедолаг, попавших под жернова имперской военной машины, лейтенант демонстративно покрутил у него перед носом трофейным ножом.

— Ну что, дружок, будем говорить или вначале громко кричим, а потом уже разговариваем?

Парень столь же демонстративно поджал губы, но Костин тут же поддел кончиком на совесть отточенного ножа его левую ноздрю. Достаточно было упасть первой капле крови (а большего из крошечного, скорее случайного разреза и не вытекло бы), как стало ясно — пациент «потек» и готов выложить хоть все тайны генерального штаба. Оставалось только задавать вопросы и стараться ничего не упустить, хотя последнее было не столь уж страшно. В конце концов, всегда можно повторить процедуру.

Ну, что же, Пророка среди пленных и убитых не наблюдалось. Его вообще здесь не наблюдалось — отъехал куда-то по своим делам, будет только утром.

Как будто камень с души упал, право слово — Костин всерьез опасался, что придавил его ненароком. Ну что же...

— Като, ты как там?

Рация в ответ проскрипела что-то возмущенное. Очевидно, девушка намеревалась донести до Костина всю низость его поступка и глубину падения, но броня корабля экранировала и искажала сигнал, так что разобрать удалось не все.

— Ну, молодец, молодец, я тебя тоже люблю. Значит, так, берешь ноги в руки — и сюда. Ночуем сегодня в комфорте, но вначале надо целую кучу чудиков где-нибудь запереть, а в одиночку это делать неудобно.

Рация опять что-то скрипнула. Костин вздохнул:

— Ладно, не сердись. Сама понимаешь, с кем поведешься — от того и забеременеешь. Ты вот со мной повелась, — и, не дожидаясь нового потока возмущения, повторил: — Давай, давай, ругаться потом будем, у нас не так уж много времени.

То же место. Утро

Пророк оказался человеком предусмотрительным, иначе чем объяснить тот факт, что утром он прибыл не один, а в сопровождении аж трех бронетранспортеров охраны. Причем и его личный лимузин, и бронетехника были не поделками местных умельцев, а вполне себе солидными агрегатами европейского производства. Бронетранспортеры — производства Бельгии, здоровенные, гробоподобные, на соответствующих размеров поляризаторах гравитации, а машина, ни много, ни мало, «Бентли». Причем, когда она мягко опустилась на землю и Пророк из нее вылез, то по его прямо-таки светящемуся от гордости лицу

Костин понял — раньше главе бородатых дятлов на таких машинах ездить не приходилось. Ох, сдавалось ему, что Пророк эту машину тоже на свой корабль загонит и с собой ухомячит. Впрочем, мысль хорошая, почему бы и нет...

— А броневики-то полицейские, — голосом Каталины пискнула в ухе горошина рации. — Надо же, и тут дорожная полиция...

— Угу. Хранители члена зебры. Ты за ними следи внимательно, а то мало ли...

— Не волнуйся. Всю жизнь мечтала полицейским плюх навешать.

— Не отвлекайся, анархистка. И смотри, не повреди мою новую машину.

Наушник хихикнул тем же голосом и смолк. Впрочем, Костину было не до болтовни — он с интересом разглядывал Пророка, а заодно и следующих за ним телохранителей, в очередной раз все более убеждаясь, что дело тут нечисто.

Начать с того, что Пророк был арабом не более, чем сам Костин. Высокий, белобрысый... Это, правда, ни о чем не говорило, у Костина однокашник, татарин, тоже выглядел образцом «истинного арийца», но все же фенотип арабов в основном несколько иной.

Охрана, опять же, не арабы — вновь наемники, причем, что характерно, европейцы. Впрочем, как раз к этому Костин был готов, как-никак, пленные оказались словоохотливы. Жаль только, насчет личности Пророка вопрос прояснить не смогли. Он держался обособленно, а они не интересовались. Логично, кстати, меньше знаешь — крепче спиши, а голова какого-то техника в больших и воняющих серьезными деньгами раскладах стоит недорого и с плеч слетает махом.

Тем временем, Пророк бодро подошел к трапу, стукнул по поручню кулаком. Тонкий металл загудел, но из корабля встречать дорогого гостя никто не вышел. Пророк беззлобно ругнулся по-английски, выдав что-то вроде «спят, ублюдки», после чего зашагал вверх по трапу. Охрана топала сзади — жутко непрофессионально, на взгляд Костина. В ситуации, когда имеются хоть малейшие признаки угрозы,пускать вперед охраняемое «тело» — не самый лучший ход. Впрочем, ему же проще...

Чем ему прилетело по голове, Пророк так и не понял. Да это было, откровенно говоря, не так уж и важно, поскольку никаких особых повреждений он не получил, зато сознание птичкой выпрыгнуло из тела. В следующий миг рука Костина могучим рывком отбросила Пророка в сторону от люка, а сам лейтенант, напротив, в этом люке появился. Секунд этак на пять, как раз достаточно, чтобы длинной очередью снести так и не успевших сообразить, что происходит, и схватиться за оружие охранников. Ручной скорострельный лучемет — отличная швейцарская машинка... В стране банкиров делать умеют не только часы, но и оружие, пусть дорогое, но первоклассное. На борту «Посейдона» этого добра оказалось до хрена и больше, и Костин воспользовался случаем, чтобы опробовать его в реальном бою. Потом люк захлопнулся с отчетливым металлическим лязгом, отделяя находящихся в корабле от внешнего мира, зато ожила зенитная турель.

Бронетранспортеры стояли по отношению к ней весьма удобно, идеально вписываясь в сектор обстрела. Маленькие, диаметром не более трех миллиметров, шарики высокотемпературной плазмы эффектно хлестнули по боевым машинам, и первый

угодивший под удар «гроб» немедленно взорвался, раскидав обломки на десятки метров вокруг. Скорее всего, зацепило энергонакопители, благо при выключенных силовых полях броню зенитка пробивала, словно бумажную.

Обломки первой машины еще не успели упасть, когда под удар попал второй бронетранспортер. Этот не взорвался, только покрылся огромным количеством сквозных пробоин и, чадно дымя, осел на землю. Не менее полусотни дырок, через которые тонкими синими струйками вырывался дым, создавали жуткую и притом поистине сюрреалистичную картину. Выбраться из бронетранспортера никто так и не успел.

Третий бронетранспортер шевельнул было башней и в следующий момент получил в борт всю не реализованную артиллеристом злость. Машину буквально перепилило напополам. На том, в принципе, все и закончилось...

— Каталина, хорош! — гаркнул Костин. — Ствол перегреешь.

Неизвестно, услышала его Каталина или сработала автоматическая блокировка, но стрельба дисциплинированно прекратилась. А еще через минуту появилась и сама девушка — красная, взлохмаченная, мокрая, как мышь, будто из бани. Но злое веселье в ней играло, словно шампанское, и било через край.

— Этот, что ли? — слегка ткнула она ногой в бок Пророка. — А чего лежит?

— Рожденный пить пешком не ходит.

— А-а... Утомился, значит... Истинный мужчина.

Что с ним делать-то будем?

— Для начала поговорим.

Наверное, пробуждение для Пророка вышло не самое приятное. Ну да ведро воды на голову еще никому не вредило. Когда он, фыркая и мотая головой, сумел-таки сфокусировать взгляд, то обнаружил перед собой сразу двоих совершенно незнакомых ему людей. А еще выяснил, что руки аккуратно связаны, да не абы чем, а самой обычной веревкой, порвать или растянуть которую порой куда сложнее, чем иное новомодное средство.

— Очнулся, болезный, — усмехнулся Костин. — Эй, ты, чудик, сколько пальцев видишь?

— Да пошел ты...

— И впрямь очнулся, — усмехнулась Каталина и вдруг коротко, без размаха засветила Пророку рукоятью пистолета в зубы. — Это тебе за Мигеля, каз-зел!

— Ты это... аккуратнее... Он нам пока живым нужен.

— Жить будет, обещаю, а насчет здоровья мы не договаривались.

— Вы кто такие? — губы у Пророка, несмотря на только что принятый холодный душ, были сухие и потрескавшиеся. — Что вы тут делаете?

— Стоим, — усмехнулся Костин. — Да, Като, в самом деле. Почему клиент сидит, а мы стоим? Непорядок.

— Русские? — на сей раз в голосе появились эмоции, но не вполне логичные и ожидаемые страх или гнев, а, скорее, удивление. — Вы-то здесь откуда взялись?

— Прилетели вот. Но, дорогой мой человечек, неправильно ты себя ведешь. Вопросы здесь я задаю, а ты честно и быстро отвечаешь, иначе буду тебе пальцы ломать.

— Да вы хоть понимаете...

— Башку оторву, — пообещал Костин.

Пророк, очевидно, сообразил, что лейтенант не шутит. Так что сидел он тихонечко, рта не открывал и только сверлил Костина злобным взглядом. Наверное, если бы глазами можно было стрелять, как из пушки, то не поздоровилось бы и танку, но Костин к такого рода воздействию оказался вполне устойчив. Не обращая внимания на гневные взгляды Пророка, он налил себе из стоящего здесь же, на самом краю пульта, термоса горячий кофе и сам устроился рядом с этой не изменившейся за века посудиной, как раз напротив пленного.

— Ну что, будем разговаривать?

— О чём?

Вместо ответа Костин не торопясь вылил ему содержимое кружки аккурат на промежность. Кофе, разумеется, был не кипяток, но обжечь мог знатно, что, собственно, и произошло. А вопль во всю мощь легких подтвердили, что клиент не герой и вполне готов к сотрудничеству. Результат, как говорится, налицо. Ну и еще на одну часть тела.

— А разговаривать, мил-человек, мы будем об очень, просто очень серьезных вещах. Например, о том, сколько тебе жить осталось.

— Как вы смеете... — возмутился было Пророк. Что характерно, шепотом — видимо, инстинкт самоохранения сработал. Тем не менее, его услышали.

— Смеем, смеем. Итак, хочешь жить... просто жить, пока что без дополнительных условий, или предпочтешь умереть весьма неприятным образом?

На сей раз Пророк смолчал, но все, что он думает о своих пленителях, было натуральнейшим образом написано у него на лице. Вряд ли он не умел сдерживать эмоции, скорее, просто не считал нужным это

делать. А Костин увидел, и ему настроение пленного совершенно не понравилось.

— Значит, так, клякса... Хорош морщиться. Если мы не договоримся, именно кляксой ты и будешь. А знаешь, что я сделаю? Запихаю тебя, связанныго, в истребитель, и настрою автоматику так, чтобы ускорение увеличивалось медленно-медленно. Так ты сразу не помрешь, даже сознание не потеряешь, а будешь расплющиваться. Тоже медленно.

— Да что вы себе...

— Молчи, пельмень.

Каталина хихикнула — ухо Пророка, пережив тесное знакомство с тяжелым лейтенантским кулаком, и впрямь напоминало национальную русскую еду. Но все же Пророк сделал еще одну попытку. Крепок орешек, крепок, а Костин, грешным делом, решил уж было, что горячего душа на причинное место ему будет достаточно. Ошибся, выходит — плохо вы еще в людях разбираетесь, товарищ старший лейтенант, плохо...

— Я требую немедленно прекратить беззаконие. Я — гражданин Британского Содружества, и ваши действия приведут к войне!

— Угу, угу, — мрачно улыбнулся Костин. — Будут из-за тебя воевать, раскрой карман шире. Хищник не сражается — он обедает. И кто хищник, а кто закуска, ты не хуже меня знаешь, чудик.

Пророк замолчал, поперхнувшись своим апломбом. В самом деле, империя в восемь раз превосходила Содружество по территории, в шестеро по населению, вдвадцать раз по уровню производства и имела самый мощный флот среди основанных людьми государств. В случае открытого военного столкновения при столь несопоставимой ресурсной базе поражение

Британского Содружества становилось лишь вопросом времени. Учитывая же, что в Великобритании традиция вытаскивать провалившихся агентов отсутствовала в принципе, то вопрос о возможности ее вмешательство становился чисто академическим.

- Да и не британец ты, откровенно говоря.
- Это еще почему? — влезла Каталина.
- Британцы — они гордые. Они почти равны нам.

Этот же крепок духом, но вот гонор у него явно напускной. Подозреваю, насчет гражданства он может и не врать, но вот нация у него иная.

- А может, я попробую его разговорить?
- Обаянием думаешь взять? Ну-ну, попробуй.
- Ничего у тебя не получится, — Пророк, видимо, решил еще немного поиграть в несгибаемого героя.
- Это почему? — удивилась Каталина. — Я ведь...
- Да, женщина должна знать две вещи, — перебил ее Пророк. — Цену себе и название галактики, откуда она, звезда такая, свалилась на нашу голову.
- Что-то ты шутишь много. У тебя что, все зубы молочные?
- Спокойно, — Костин опустил тяжелую руку на плечо девушки. При его невеликом росте со стороны это выглядело, наверное, смешно, однако Каталину слегка перекосило. Перестарался, слишком сильно надавил... — Знаешь, чудик, цену себе женщина знает, если она ее уже не раз называла. Выходит, ты мою... помощницу только что шлюхой обозвал. Нехорошо, честное слово. Впрочем... Зачем ворошить старое, если можно наворотить новое?

Пока собравшиеся размышляли о смысле его слов и гадали об их последствиях, Костин отошел, чтобы уже через минуту вернуться с пассатижами в руках. Задумчиво повертел в пальцах изрядно замызганный,

явно не раз бывавший в деле инструмент, а потом резко сжал двумя пальцами щеки Пророка...

Прошло каких-то несколько минут, а пленный уже был готов к разговору, на сей раз по-настоящему, без дураков. И без глупой уверенности в том, что можно торговаться либо не отвечать. С четким пониманием того, что когда вопросы задает господин имперский офицер, то отвечать следует немедленно, коротко и по существу. Если, конечно, сей офицер не захочет (а это случалось регулярно) узнать подробности. И всего-то ценой двух выломанных зубов. Не слишком эстетично, конечно, однако разводить психологические этюды не было ни времени, ни желания. И непривычный к такого рода обращению Пророк начал колоться не хуже пересохшей деревяшки. Несколько раз он, правда, пытался соврать или умолчать, но возможностей имеющейся при Костине аппаратуры было вполне достаточно для того, чтобы эти моменты уловить. Дальше — зловещее щелканье в воздухе пассатижами, и стремительно бледнеющий пленный начинал уточнять или поправлять свои показания. И картинка вырисовывалась интереснейшая.

В том, что Пророк не имел к арабам никакого генетического отношения, Костин не сомневался с самого начала. В том, что к спецслужбам отношение, напротив, у него самое что ни на есть прямое, тоже, вопрос лишь, к каким. Но вот тот факт, что и к исламу пленный относился не иначе как с легким, снисходительным презрением, являясь ревностным католиком, оказался полнейшей неожиданностью. А еще, у Костина появилось гадкое ощущение, что проблем себе вот прямо сейчас он может нажить больше, чем за всю свою прежнюю жизнь.

А ведь говорила ему мать — не связывайся с Богом, а тем паче с теми, кто берет на себя роль посредников между Ним и людьми. Женщина весьма набожная, что для империи было редкостью, она неплохо знала, о чем говорила, и хорошо умела отделять то, во что верила, от тех, кто на этой вере зарабатывает. Костин честно старался следовать ее совету, и до недавнего времени это ему удавалось. Увы, теперь он вляпался по самые уши — наверное, в компенсацию за пропущенные годы.

Итак, Пророк. Он же отец Иммануил, подданный Святого Престола, сиречь священник с ватиканской пропиской. Что уж за должность он там занимал, Костин не знал и знать не хотел. Пускай с этим разбираются более компетентные органы. Куда важнее было понять, как это чудо оказалось во главе полу-диких арабов. И отец Иммануил честно поделился тем, что знал. А знал он не то чтобы очень много, но вполне достаточно для построения весьма интересной, а главное, непротиворечивой картины произошедшего.

Вот уже несколько десятилетий мысли иерархов Ватикана занимали две по-настоящему важные проблемы. Во-первых, интриги, внутренняя грызня, о которой сторонним людям знать было не положено. Ну и, во-вторых, стремительное падение влияния Церкви на мысли и чувства обычных людей, и это было уже куда серьезнее.

Технический прогресс, открывший человечеству дорогу к звездам, сыграл с большинством традиционных религий злую шутку. В мире, где все априори познаемо, не остается места для богов. Если бы подобное происходило в таких странах, как Российская империя с ее традиционным перекосом в технокра-

тию, это еще можно было бы терпеть. В конце концов, имперцы всегда держались наособицу и терпеть не могли, когда кто-то лез в их дела, огрызаясь на подобного рода попытки жестко и болезненно. С точки зрения Церкви, такое поведение было несомненным злом, но злом, можно сказать, привычным и даже, в какой-то степени, традиционным. Однако, когда от Святого Престола начали отваливаться, выползая из-под его влияния, страны, в которых католицизм был традиционно силен, у Церкви появились серьезные поводы для волнения, переходящего в панику.

Нет, разумеется, так просто свои позиции Ватикан сдавать не собирался. В конце концов, проповеди — проверенный временем, но далеко не единственный инструмент. В ход пошли освоенные и отшлифованные за тысячелетия существования Святого Престола политтехнологии, а банк Ватикана вполне успешно конкурировал даже со швейцарцами — денег Церковь накопить успела немало. Однако все эти меры смогли лишь замедлить, но не остановить сползание католической церкви на вторые, а то и на трети роли. И, разумеется, никому, начиная с Папы и кончая последним послушником в каком-нибудь отдаленном монастыре, это не нравилось.

В общем, неприятный расклад, причем Ватикан мало утешало, что у конкурентов дела идут едва ли не хуже. Кто-то, правда, отделался легче. Пожалуй, лучше всех (хотя тоже поганенько) чувствовал себя буддизм. Все же на Востоке живут медленно и от веры дедов-прадедов отходят тоже не торопясь. Но и там было ясно, что потеря паствы лишь вопрос времени, для остальных же кризис не просто наступил, а вошел в ту стадию, когда ребром ставился вопрос о самом существовании Церкви как организации.

Вот тогда и сложился странный и страшный альянс между извечными противниками. Как известно, это шестерки режут друг друга до полного отупения, а иерархи всегда способны договориться, было бы желание. И фанатики, для которых вера затмевает собственную выгоду, среди них не то чтобы совсем не встречаются, но все же достаточно редки. Так что Ватикан смог договориться кое с кем из арабских шейхов, после чего началось интересное, хотя и весьма спорное в моральном плане сотрудничество.

У католиков были деньги, оружие и технологии, у исламистов — куча полуграмотного, обнищавшего народа, который требовалось или пристроить к делу, или каким-то образом... утилизировать. Иначе может случиться... всякое, бывали, знаете ли, прецеденты. Так что две ослабевшие, но, несомненно, родственные организации нашли друг друга. Вначале осторожно прощупали на предмет возможных подвохов, а после на полном серьезе принялись решать судьбу нескольких сотен обитаемых миров, заселенных представителями человеческой цивилизации.

Планы наполеонов от Церкви поражали воистину недетским размахом. Они хотели, ни много, ни мало, учинить нечто вроде религиозной войны, новой эпохи крестовых походов. Взлетит авторитет католической церкви, а на волне «защитим наших детей от нашествия неверных» объединится и исламский мир. Короче, интересная, вдобавок имеющая некоторые шансы на успех задумка. Правда, насколько смог понять Костин из рассказа пленного, ее поддержали далеко не все. Тот же Папа Римский предпочел дистанцироваться. Но, не поддержав, и активного сопротивления никто не оказывал. В результате процесс довольно быстро сдвинулся с мертвой точки,

и начался этап подготовки к Большой Авантуре, включающий, помимо прочего, обкатку технологий управления сознанием, проверку реакции соседей и создания некоего прецедента, от которого можно будет отталкиваться в будущем. Нюансов, вроде того, зачем этот самый прецедент надобен, Пророк, конечно, не знал, все же он был простым исполнителем высокого ранга. Не стратегом (ну, или кем-то мнящим себя таковым), принимающим решения, имеющие принципиальное значение, а практиком, решающим вполне конкретные вопросы. Но уж со своей задачей он, надо сказать, справился неплохо, благо с внедрением и отыгрыванием роли Пророка вожди исламистов ему здорово помогли. Остальное же, как говорится, дело техники. Имеющий огромный организационный и кое-какой военный опыт, отец Иммануил работать умел и не халтурил. Так что, ни появись здесь ни с того ни с сего, русский корабль, все могло и получиться.

Операция началась уже давно, если конкретно, более пяти лет назад. Костин попал сюда, можно сказать, к самому последнему, силовому этапу. А так... В общем, требовалось, чтобы было нападение на европейскую планету, имеющее оглушительный успех. И с бухты-барахты оно вряд ли получилось бы — все же фронтон остается фронтоном. Плюс неожиданно нарисовавшийся на орбите крейсер, с которым тоже что-то надо было делать. И если с боевым кораблем вопрос решался достаточно просто, всего лишь дополнительным усилением ударной космической группировки и концентрацией сил, то получить в тылу пару-тройку миллионов партизан... В общем, никакой Наполеон с таким не справится, во всяком случае, быстро.

Наполеон не справится, а вот монахи справились. Тем более, как раз они-то на традиционно лояльной Ватикану испанской планете были вне подозрений. Как тараканы, они расползлись по Малой Севилье, и задачей их было не только внедрение в органы власти и всевозможные СМИ (это-то как раз понятный ход), но и испытание новой аппаратуры подавления и контроля сознания. Кстати, его вполне стоило признать успешным.

В общем-то, здесь все было просто. Системы, позволяющие контролировать сознание человека аппаратными методами, были известны давно. С ними научились бороться, а главное, распознавать, быстро и практически безошибочно. Аппаратура Ватикана действовала несколько иначе. Пользоваться ей — удел терпеливых, но зато если уметь ждать... В общем, решили попробовать, благо времени хватало, а терпения Святому Престолу было не занимать.

Основным ноу-хау метода священников считалась его растянутость во времени. Там, где для традиционного воздействия требовались дни, а то и часы, здесь процесс шел годами. Зато и обнаружить аппаратуру, а тем более раскопать, как и на кого она воздействует, не представлялось возможным. И результат был вроде бы и незаметным, но в то же время тем самым, которого добивались ее хозяева.

Техника Ватикана не подчиняла сознание полностью, даже не управляла ходом мыслей. То, что она творила, выглядело безобидным... на первый взгляд. Подавлялась агрессивность — не зря на планете в последние годы снизился уровень преступности, связанной с разного рода насилием. А помимо этого исчезала инициативность, плюс еще кое-что по мелочи. В последние дни перед вторжением процесс

был скачкообразно усилен, благо новые команды на «старые дрожжи» ложились просто идеально. Несмотря на то что когда на планету свалился вражеский десант, сопротивление ему оказывали лишь те, кому по должности положено этим заниматься, да и то вяло, без огонька. Остальные же сражаться попросту не захотели.

Нет, разумеется, не все прошло гладко. Нашлись и исключения, попросту нечувствительные к такого рода воздействию. Тот же господин Сенатра, папаша Вероники, сумевший не только уверенно преодолеть чужое воздействие, но и, вдобавок, пинками вдохновить на подвиги некоторое количество народу. Та женщина в деревне, возглавившая партизанский отряд. Как там ее? Костин с удивлением и легким раздражением понял, что напрочь забыл имя гостеприимной хозяйки... Изабелла, девочка, готовая за сестру порвать любого. Или экипаж «Конкистадора», даже не почувствовавший давления на психику просто в силу кратковременности попадания под удар чужой аппаратуры — они все же большую часть времени сидели на орбите. Но все это были мелочи, никак не влияющие на конечный результат, и планета оказалась захвачена в рекордные сроки.

Ну вот, собственно, и все. Ах, да. Еще «Посейдон», окромя не по чину мощных двигателей, был оснащен первоклассными радарами, которые позволили обнаружить «Стilet» и навести на него истребители. А еще, корабли исламистов сопровождал, охраняя от неизбежных в космосе случайностей, флот Святого Престола. Вот откуда современные корабли в системе! Правильное решение, кстати, арабы — паршивые пилоты, это у них врожденное. Вон, даже рейдер

толком завалить не смогли. Остальное — мелочи, не стоящие сиюминутного внимания, пускай их контрразведчики уточняют, им это по должности положено. Например, открытым оставался вопрос, почему к Малой Севилье все еще не явился испанский флот. Нет, ясно, конечно, что здесь без происков Ватикана не обошлось, но кто, как и, вообще, откуда у Церкви агенты влияния в самых верхах испанского правительства, Костина сейчас интересовало мало. Куда важнее был совсем другой момент: а что же ему, собственно, делать дальше?

Пока лейтенант предавался мрачным раздумьям, Каталину заботили совсем иные вопросы. И, после того, как они заперли отца Иммануила в одной из пустующих кают, девушка тронула рукав спутника, привлекая внимание, и спросила:

- Ты ему веришь?
- Как ни странно, да. Ему, как человеку, вполне. Хотя обычно... В общем, не верю я Церкви.
- Это почему?
- Да просто любой вокзал видел больше искренних поцелуев, а больницы слышали больше искренних молитв, чем все священники вместе взятые. Впрочем, это сейчас не слишком важно. Мне куда интереснее, что мы со всем этим будем делать.
- Ни за что не поверю, что ты все это уже не продумал, причем заранее.

Костин посмотрел на девушку, наморщил лоб, а потом вдруг искренне, весело рассмеялся и неуловимо быстрым движением взлохматил ей волосы. Это было столь неожиданным, что Каталина вернулась в реальность и фыркнула, словно кошка, с опозданием в пару секунд. Впрочем, особого недовольства при этом не прозвучало.

— Ты права. Не то чтобы продумал, но... все украдено до нас. И придумано тоже. Надо сообщить командованию, а там уж пускай разбираются.

Ну что же, вполне нормальная логика для военного в небольших чинах, отдающего себе отчет в том, что принимать решения должны люди, обладающие соответствующим опытом, полномочиями, а главное, всей полнотой информации. Каталина, тоже офицер, эту логику понимала и принимала. У нее, правда, было собственное мнение о том, что можно и нужно делать, однако, во-первых, командовал сейчас Костин, а во-вторых, отличалось оно от озвученного разве что деталями. Только вот...

— А каким образом сообщишь-то? До ретранслятора так просто не добраться — перехватят.

— Прорвемся.

— Догонят и сбьют.

— Мы их уделаем без проблем, — в голосе Костина звучала некоторая неуверенность. — Наши движки...

— Не унесут нас от ракет, — закончила за него девушки. — Да и перехватчики догнать могут, а по сравнению с ними это корыто маневрирует, словно беременная кобыла.

— М-дя...

— Вот именно. А потому включи мозги. Что нужно агенту? Любому!

— А ну-ка, ну-ка... Как же я раньше-то не подумал! Связь! Ха-ха, Като, да мы богаты!

— В смысле?

— В прямом. Ты гений! Нам не надо взлетать и извращаться со связью. У Пророка наверняка здесь прямой выход на ретранслятор. Можно работать с планеты. Х-ха! Я идиот!

— Как ты раньше об этом не догадался, интересно? — сухо прокомментировала Каталина, хотя намек на ее гениальность был девушке явно приятен. Впрочем, лейтенант не обратил на ее сдержанность внимания. Ведь и в самом деле, Пророк, который держит постоянную связь со своим командованием, просто обязан был иметь личный терминал, а не мотаться каждый раз по космосу.

Задав всего-то пару вопросов и воспользовавшись в качестве детектора лжи паяльником (оказалось достаточно показать его и предложить самому спустить штаны, чтобы Пророк сдулся, как шарик), Костин через какие-то десять минут начал передавать информацию, вначале полученную от Пророка, а потом, на всякий случай, и содержимое планшета эмира. Ее оказалось много, но когда весь трафик планеты принадлежит к тебе, объемы сообщений некритичны. И ответ не заставил себя ждать. Уже через два часа, когда они только-только успели перекусить и напиться кофе, безжалостно разорив камбуз «Посейдона», приказ адмирала Баженова был получен.

— Ну, что? — спросила Каталина, когда лейтенант повернулся к ней свое неестественно спокойное лицо.

— Все в порядке. Через восемнадцать часов здесь будет наша... в смысле, имперская эскадра. Наша с тобой задача к этому моменту заблокировать работу центрального космодрома и обеспечить беспрепятственную высадку десанта.

Каталина Мартинес

Каталине показалось, что она ослышалась, но Костин лишь пожал плечами и сосредоточенно начал

что-то набирать на своем планшете. Девушка тронула его за плечо:

- Они что, не понимают?
- Что именно?
- То, что выполнить такую задачу невозможно.
- Для нас нет слова невозможно. А слова присяга и приказ — есть.

И по его безразличному тону она поняла: все он понимает, только... Этот русский... Он ведь не отступит! Приказ, и — Россия превыше всего. А значит, если потребуется за нее умереть, он сделает это, не задумываясь. В последней отчаянной попытке до-стучаться до его разума она буквально взвыла:

— Ты — идиот! Ты что, не понимаешь? Ты — пешка. И сейчас твоя хваленая империя сделает классический гамбит. Разменяет одну свою пешку на тактический перевес.

— Может быть, — безразлично пожал плечами Костин. Великий Космос, как тяжело далось ему это безразличие! Прямо на лице было написано, хотя, казалось, что ни один мускул даже не дрогнул. — Что же, если такой ценой моя Родина получит это преимущество, значит, я прожил жизнь не зря.

Каталина скрипнула зубами.

- Вы, имперцы, что, все такие?
- Какие «那样的»?
- Упертые.
- Не знаю, а что?

Девушка сжала кулаки так, что хрустнули костяшки пальцев. Наверное, Костин в этот миг подумал, что она сейчас ударит, но Каталина сдержалась. Только прошлась туда-сюда, безжалостно пиная все, что попадало ей под ноги. Затем остановилась, резко повернулась лицом к лейтенанту:

— Я тебе помогу, — в голосе ее хватило бы яду на дюжину кобр. — Но если сдохнем по твоей милости, пеняй на себя.

В восьми километрах к востоку. Два часа спустя

Бункер производил гнетущее впечатление. Старая на вид, поросшая мхом, вся в потеках воды, мрачная громада из темно-серого пластибетона практически сливалась с такого же нездорового цвета лесом. Даже маскировать не надо...

Честно говоря, это строение и не пытались маскировать. Во всяком случае, так сказала Каталина, и лейтенант верил спутнице. Да и неважно это было, откровенно говоря. Главное, вот он, бункер планетарной обороны. Опирающийся на толстые стены купол, способный выдержать ядерный удар в сотню килотонн. Построенный давным-давно — и почти сразу законсервированный, потом заброшенный и, в конце концов, забытый. В этих местах редко бывали люди, а потому интересно даже, за последние десять лет хоть кто-нибудь касался пальцами этих шершавых стен?

А вот Каталина о бункере знала. Откуда? Да слышала рассказ одного из механиков еще на «Конкистадоре». Пожилой, если не сказать престарелый лейтенант (а вот пить на службе меньше надо) в свое время служил на планете и в бункере этом бывал. Как раз десять лет назад, когда пришел срок очередной инспекции и сюда прилетела комиссия. Проверили, оценили состояние... Вполне приличное, кстати, предки умели строить крепко. Ну а потом закрыли и оставили еще на десять лет.

Так вот, тот механик, вечно страдая от скуки, рассказывал много разных историй и побасенок, в том

числе и про это место. Местная экзотика и почти достопримечательность, как-никак. Он даже предложил Каталине оценить естественную маскировку, в роли которой выступал разросшийся до безобразия мусорный — в плане того, что деревья ценных пород в нем не росли — лес. С орбиты бункер не было видно совершенно, и, если бы они не знали, что искать, то и сейчас наверняка пролетели бы мимо. Но когда точно знаешь, что ищешь, а местоположение локализовано, и осмотреть надо всего-то сотню квадратных километров, да еще с небольшой высоты, то задача не столь уж и сложна. Оставалось лишь посадить взятый с корабля атмосферный бот и не переломать ему при этом крылья, что в лесу само по себе было задачей не из самых простых. Впрочем, Костин справился.

Двери, точнее, ворота, способные пропустить внутрь танк или бронетранспортер, выглядели очень впечатльно. Серые, почти сливающиеся со стенами, не отражающие и не поглощающие, а рассеивающие и искажающие свет, благодаря чему выглядели не столько препятствием, сколько очень плотным, невероятно материальным туманом. Монокристаллический вольфрам, из такого когда-то делали корпуса боевых кораблей. Высокая твердость, столь же отменная вязкость, словом, все хорошо, кроме цены. Именно поэтому броня современных звездолетов имела совсем другой состав, но здесь, очевидно, решили не экономить. Может статься, и правильно — проломить броневую пластину толщиной в метр было практически невозможно, а воздействию обычно безжалостного времени этот материал был подвержен очень слабо. Разрушится, конечно, рано или поздно, но явно не в ближайшую тысячу лет.

— Ну, вот, — Каталина зябко передернула плечами, хотя было довольно тепло, да и комбинезон, позаимствованный на «Посейдоне» вместо старого, пропотевшего и, вдобавок, порванного, имел систему обогрева. — Сможешь открыть?

— Сейчас посмотрим, — лейтенант внимательно осмотрел броневые плиты в поисках точки подключения. Не нашел, скривился — времени немногого, а подключиться напрямую... Ну не предусмотрели конструкторы-параноики возможность проникновения в бункер кого-то, не имеющего соответствующего допуска.

Увы и ах, как попасть внутрь, Каталина не знала. Логично, в общем-то. А открыть ворота без соответствующего допуска, минуя пароли, можно было разве что изнутри. Оставалось одно — дистанционно подключиться к сети бункера, благо она пребывала в спящем режиме, но все же не отключилась окончательно, и попытаться взломать коды. С ретранслятором получилось — так почему бы здесь не попробовать? Конечно, это не лучший вариант — пропускная способность древнего оборудования была невелика, а планшет — неважная замена компьютеру звездолета, но иного выхода Костин не видел. Хорошо еще, внутри бункера никого нет, а то задвинули бы там ручные запоры, и все, влезть в эту крепость уже не получится. Полностью автономная, зараза, даже сливных коллекторов не предусмотрено, а система аварийного охлаждения реактора прикрыта жалюзи из броневых плит не хуже этой. В общем, оставалось положиться на возможность своего компьютера и удачу, а потом надеяться на лучшее.

Подключиться удалось, хотя и с трудом — логика тех, кто когда-то создавал защиту бункера, была понятна, а вот программное обеспечение и аппаратная

база крайне устарели и заметно уступали современным образцам. Запустив программу взлома, которая начала активно перебирать пароли (а компьютер бункера их так же активно отвергать), Костин вздохнул. Не любил он сидеть и ждать, в особенности когда от него уже ничего не зависело. Увы, других вариантов не просматривалось.

— Иди, перекусим! — окликнула его Каталина.

— Так вроде недавно ели, — отозвался лейтенант, но послушно подошел. Взял из рук девушки кружку с кофе, благо она догадалась прихватить термос, отхлебнул, поморщился. Нет, кофе он уважал и даже любил, однако в последние часы выпил его столько, что вышел явный перебор.

— Еще неизвестно, когда придется поесть в следующий раз, — вполне резонно заметила Каталина. — Тебе что? Помидор? Огурец?

— Ты что, считаешь меня вегетарианцем? — приподнял брови Костин.

— Угу, — не оборачиваясь, отозвалась девушка. — Зелень — она полезная.

— Вегетарианство — это хорошо, — кивнул лейтенант. — Под шашлык с водочкой любое вегетарианское блюдо идет на ура.

— Шашлыка не обещаю, водочки тоже... Виски будешь?

— Самогон, причем дрянной, — Костин скривился. — Где взяла?

— Разорила бар на «Посейдоне».

— Ну, надо же, а я и не знал, что он там есть. И не искал даже.

— Это в тебе, небось, инертность мышления взыграла. Знаешь, что Коран водку пить запрещает, вот и не подумал, что у Пророка этого добра с избытком.

— Может, и так, — Костин облокотился на крыло бота, где Каталина между делом уже успела разложить снедь. Вполне себе по-русски, на расстеленной газете. И мясо, кстати, там тоже было, поэтому лейтенант, не долго думая, подцепил кончиком ножа кусок какой-то жирной нарезки, больше всего напоминающей копченое сало, и отправил этот концентрированный холестерин прямиком в рот. — Мне, честно говоря, было просто не до того.

— Угу, — кивнула девушка с набитым ртом. Прожевала, вздохнула: — Ну так что, налить тебе?

— Не-а. Не хочу. Да и вообще, перед боем лучше быть трезвым. Это потом уж... Если выживем.

— Ну, потом, значит, потом... — Каталина задумчиво посмотрела на товарища. — Знаешь, мне как-то не по себе.

— Знаю. И даже знаю почему.

— Да?

— А чего тут сложного? — искренне удивился он. — На твоих глазах рухнули вбитые с детства идеалы. Я ведь правильно думаю, что твоя семья особой набожностью не отличалась, но к вере своих предков относились с большим уважением?

— Ну... да.

— А подлость, которую ты сейчас увидела, разрушила фундамент твоего представления об этой жизни.

— Не знаю, — вздохнула Каталина. — Возможно, ты и прав.

Костин подумал несколько секунд, а потом чуть отстраненным, неестественно спокойным голосом сказал:

— Нет ничего хуже религиозных войн. Начинаются из-за ерунды и выливаются в жуткую резню.

При этом сложно иной раз даже просто понять, что вызвало такую реакцию.

— Может, не все так страшно? Здесь пока вроде...

— Во-первых, ключевое слово — пока, — безапелляционно перебил ее Костин. — А во-вторых, что в пансионе творилось, ты видела.

Крыть было нечем, и девушка замолчала, а Костин между тем продолжал:

— И не думай, что эти долбаные укурки исключение. Ваши насквозь цивилизованные католики иной раз ведут себя не лучше.

— Неправда! — возмутилась Каталина. Правда, как-то не очень уверенно. В свете полученной недавно информации, наверное. Лейтенант злорадно осклабился в ответ:

— Я могу привести тебе в пример массовые аутодафе, но ты наверняка скажешь, что у протестантов-немцев сожгли в разы больше народу. Могу рассказать про зверства эпохи крестовых походов, когда резали и тех же мусульман, и язычников, и нас, русских, хотя мы были вроде бы тоже христианами, просто чуть-чуть иного толка. Ты махнешь рукой, скажешь «когда это было» и добавишь, что с того времени все изменилось. Лучше я расскажу тебе одну историю, которая случилась всего-то лет пятьдесят назад. Ты на Аполлоне бывала?

— Греческий сектор?

— Нет, с чего ты взяла?

— По названию.

— Близко не лежала, заселяли ее выходцы с разных планет, хотя греков, ты права, было изрядно. Но не в том дело. Планета изначально располагалась в ничейном космосе, первые колонисты специально выбрали такое место, чтобы им никто не мешал.

Обычное дело, таких всегда хватало. Народ собрался работающий, в дикость не впали, с остальным миром контакт тоже не прерывали. Так что сейчас это вполне развитое государство. Я там бывал. Красивая планета, населенная красивыми людьми. У них телесное совершенство — тоже часть культуры.

Да, так оно и было. Лейтенант на миг замялся, вспоминая, как впервые в жизни ощутил острейший приступ комплекса неполноценности. Со своей невысокой квадратной фигурой он там, среди накачанных красавцев, выглядел сущим убожеством. И даже осознание того, что любого из местных он способен переломить о колено, не помогло. Хорошо еще, визит на Аполлон долго не продлился...

— Я там не была, — отозвалась Каталина, решив, видимо, что рассказчик дожидается ее реакции. — А к чему ты это рассказываешь?

Еще раз посмотрев на нее, Костин подавил желание тяжело вздохнуть. Вот уж кто-то, а его спутница на Аполлоне чувствовала бы себя, наверное, как дома. Уж у нее-то и лицо, и фигура... Впрочем, неважно.

— Чтобы стало понятнее. Имелась у планеты... да что там, и сейчас имеется, одна милая особенность. Колонисты выбрали окраинный и мало кому в тот момент интересный мир не просто так. У них была своя религия, цельнотянутая с древнегреческой. Боги свои... В общем, ничего особенного, такое случалось не раз. Основное отличие Аполлона от большинства подобных планет в том, что там древняя религия использовалась с умом и принесла неплохой результат. В варварство не впали и, повторюсь, сейчас это развитый, комфортный для жизни мир. В известной степени, потому, что планета богата ресурсами, но и то, что люди там пахали, как проклятые, тоже факт несомненный.

— И что?

— Слушай дальше. Как раз пятьдесят лет назад на эту планету обратил внимание Ватикан. Такое впечатление, они просто не могли оставить погибать в роскоши заблудшие души язычников. А власти Аполлона допустили ошибку. Им бы под благовидным предлогом запретить въезд чужим проповедникам, да и делу конец. Ну, получился бы дипломатический скандал, какие-то контр-демарши... Неприятно, но и только. Учитывая, что Аполлон был в хороших отношениях и вел интенсивную торговлю со многими, включая Империю и Альянс, отделались бы малой кровью. Великие державы не позволяют чересчур уж наезжать на тех, с кем выгодно сотрудничают. Однако этого сделано не было, и платить за ошибку пришлось кровью.

— То есть? Христианство — мирная религия...

— Угу, угу, — закивал головой Костин. — Это когда ему выгодно быть мирным. В общем, сначала эмиссары Ватикана ходили и проповедовали, а местные в ответ только крутили пальцами у виска. Понимаешь, религия там... В общем, она декоративная. Часть культуры, не более того. Местные куда больше верят в науку и физическое совершенство человека... впрочем, я об этом уже говорил.

— Ну а дальше-то что? — поторопила рассказчика Каталина, которой было интересно, но заумный тон лейтенанта уже несколько надоел.

— А дальше? Дальше просто. Монахи захотели построить храм. Им отказали. На Аполлоне не было принято строить каждому богу отдельное помещение. Ткнули пальцем и сказали — вон, ставьте его статуи к нашим, они не обидятся. Так как религия у вас молодая, то среди младших богов. И приведите

задохлика на кресте в нормальный, эстетически приятный глазу вид. В результате орлы из Ватикана сочли себя оскорбленными и объявили крестовый поход, а Церковь — организация, ворочающая серьезными деньгами. Флот они смогли снарядить немалый, и в результате прежде, чем вмешались соседи, крови пролилось немало. Флот Аполлона был неплох, но при соотношении сил один к четырем все дыры заткнуть достаточно сложно. Часть кораблей крестоносцев прорвалась к планете, выбросила десанты и устроила настоящую резню. А так как мужчины на Аполлоне были не только сильны физически, но и организованы, прошли неплохую подготовку и оружие имели чуть не поголовно, то связываться с ними особого желания не было, и основные потери понесли женщины и дети. В тех местах, где не успели развернуться отряды обороноящихся, наемный сброд с крестами на броне творил такое... В общем, сама видишь, к чему приводит умелое использование религиозных предрассудков.

— Да уж... А ты-то откуда это знаешь? — недоверчиво спросила Каталина.

— О, у нас этот конфликт изучают старательно. Там во время сражения обеими сторонами было допущено столько ошибок, что получился шикарный пример того, как нельзя воевать. Ну и предысторию конфликта в общих чертах дают, разумеется. Хотя, в свете того, что я сегодня узнал, подозреваю, что события на Аполлоне и здесь — звенья одной цепи. Просто там была, так сказать, проба пера. Неудачная. И наши святоши затаились. А сейчас попробовали снова. И, кстати, сколько раз они вообще устраивали такие провокации, стоило бы выяснить.

Каталина хотела спросить еще что-то, но в этот момент планшет, оставшийся возле дверей бункера,

отвратительно мяукнул, давая понять, что работа завершена. А потом земля чуть заметно дрогнула, и ворота с тяжелым, но, как ни странно, приятным уху рокотом медленно отъехали в сторону.

Да уж, на проверку ворота и впрямь соответствовали и внешнему виду, и важности исполняемых функций. Слой брони даже не метровой, как полагал вначале Костин, а почти вдвое большей толщины — хороша калиточка! Интересно, что же за ней прячется? Каталина молчала, словно рыба об лед, и лишь загадочно улыбалась.

Внутри бункер оказался совсем не таким мрачным, серым и мокрым, как снаружи. Очевидно, строители предусматривали, в том числе, и возможность длительного размещения в нем гарнизона и постарались, чтобы у людей не развились клаустрофобия. Ну, или еще какая-нибудь фобия. Так что коридоры были широкими, высокими и, вдобавок, выкрашенными в веселенькие цвета либо отделаны пластиковыми панелями, опять же не серыми. Краска, правда, местами облупилась, но, учитывая, сколько лет этот бункеростоял, результат можно было назвать отличным. Плюс воздух без малейшего признака затхлости — строили бункер на совесть, и вентиляция работала в нормальном режиме.

В другое время Костин с удовольствием исследовал бы здесь все, но сейчас было просто не до того. И потому он направился прямо к центру бункера, чтобы определить, наконец, о чем так красноречиво молчит спутница. Что там, ракетная батарея, что ли?

Однако реальность превзошла самые смелые его ожидания. Огромный зал в центре, под раздвижным куполом, сам по себе выглядел бы впечатляюще, но установленную в нем конструкцию вмешал едва-едва.

Нагромождение металлических узлов отдаленно напоминало старинную Зенитку невероятных размеров, выполненную в каком-то извращенном стиле. Во всяком случае, углов и торчащих во все стороны железяк непонятного назначения в ней было с избытком. Человек рядом с такой громадой моментально терялся. И, хотя Костин не раз и не два видел изображения таких установок, вживую смог лицезреть ее впервые. И даже идентифицировал ее лишь спустя несколько минут, когда прошел первый шок.

— Ну, как? — гордо спросила Каталина с таким видом, словно она сама была автором этого кошмара фанатов стримпанка. — Впечатляет?

— Ага...

— Знаешь, что это такое?

— Фульгуратор?* Настоящий? — Костин обошел вокруг громоздкой конструкции, восхищенно цокая языком. — Вот бы никогда не подумал, что доведется увидеть такой антиквариат.

Гигантская планетарная пушка, если вдуматься, и впрямь выглядела архаично. Этакий антиквариат из тех времен, когда космос бороздили звездолеты колонистов-первоходцев, а полет, даже с использованием гиперпространственного перехода, мог тянуться годами. Тогда это было едва ли не самое мощное оружие человечества... Впрочем, оно и сейчас оставалось весьма грозным аргументом в любом споре.

Увы, развитие фульгураторов затормозилось — несмотря на все усилия инженеров, конструкцию так и не удалось сделать компактной. Даже для современной орбитальной крепости орудие со стволом длиной

---

* Суперпушка из романа Жюль Верна «Флаг Родины». У нас в свое время показывали фильм по его мотивам, называвшийся «Тайна острова Бек-Кап».

в сто с лишним метров и колоссальной отдачей оказалось великовато. На планетах же их эффективность снижалась — стационарная платформа чрезсур ограничивала сектор обстрела. Достаточно быстро фульгураторы были вытеснены системами с лучшим соотношением эффективности к массе, и ныне их можно было встретить разве что в музеях. По слухам, кое-что сохранилось на складах длительного хранения, но Костину там бывать не приходилось. Зато, как оказалось, на таких вот отсталых планетах можно найти вполне себе действующий экземпляр, да еще и на боевом дежурстве. Или, во всяком случае, способный на это дежурство встать в разумные сроки. А ну-ка!

Следующий час пролетел, будто субсветовой корабль — так стремительно, что его никто не заметил. Получить доступ к управлению фульгуратором, уже имея в своем распоряжении компьютер бункера, оказалось просто до безобразия. Куда сложнее было заставить его работать так, как требовалось Костину. Слишком много переменных, да и договориться с оружием, не приспособленным к общению на русском языке вообще и с принятой в империи системой координат и обозначений в частности, оказалось той еще задачкой. Но солдаты империи не сдаются в любом бою, какой бы противник перед ними ни стоял. И неважно, это вооруженный до зубов человек, или старый компьютер, напрочь отказывающийся понимать человеческую речь. В общем, Костин справился, хотя, когда он вышел из бункера, и тяжелые броневые плиты ворот сомкнулись за его спиной, ощущения у лейтенанта были, словно он все это время находился в бане, причем закутанный в шубу.

До прибытия эскадры оставалось чуть более четырнадцати часов.

Борт корабля «Посейдон». Через три часа

— Не нравится мне это, — задумчиво пробормотала Каталина и, решительно взяв с тарелки очередной кусок пирога, принялась к его вдумчивому уничтожению. Получалось это у нее на удивление изящно. Костин, улыбнувшись, подумал, что зажевывать стресс привычка, конечно, вредная, но с такой жизнью ожирение ей точно не грозит. Честно говоря, его и самого пробило на внеочередной перекус, и непонятно было, из-за чего — от усталости, злости, нервов или просто от вида столь вкусно жующей спутницы... Гадать можно сколь угодно долго, да и неважно это, по большому счету. Подумав так, он, в свою очередь, кинул в рот кусок рыбной нарезки, посмаковал во рту тающий на языке деликатес и родил знаменитую народную мудрость:

— Не нравится — не ешь.

— Я не про пирог, — шутку девушка то ли не поняла, то ли просто не захотела поддерживать.

— Гм?

— Что гм?

— Поясни свою мысль, — Костин откинулся на спинку кресла и немного позавидовал Пророку. Умеют же люди жить! Вон, кресло в кают-компании удобное... Спрашивается, почему бы отечественным конструкторам не предусмотреть что-то подобное? Затраты, по сравнению со стоимостью звездолета, копеечные! Так нет, все им подавай разумный минимализм и экономию, которую еще и обзывают хитрым словом романтика. Их бы сюда, чтобы месяц-другой своими экономичными сидушками пользовались, и ничем иным! Нет, решено, этот корабль он, лейтенант Костин, не станет продавать, а оставит себе, тем более, запрета на это нет, многие капитаны так

делают. Зато когда он прилетит в отпуск домой на собственной яхте, все охренеют!

— Мне не нравится, как вел себя эмир, когда ты с ним разговаривал. Слишком уж лебезил.

— А мне думается, совершенно нормально. Арабы вообще мастера прогиба, особенно если чувствуют за тобой реальную силу.

— Все так, но вел он себя неестественно. Будто роль отыгрывал.

Костин промолчал, но и отмахиваться не стал. Конечно, сам он ничего такого не заметил, и Катерина, скорее всего, просто излишне мнительна, но, с другой стороны, ее устами вещает сейчас отнюдь не трусость. В интуицию же лейтенант верил. Да и вообще, легкая паранойя частенько способствует долгой и счастливой жизни.

— Эх, пристрелить бы его, — сказал он наконец. — Да нельзя, эта мразота нам пока нужна. Для того, чтобы обеспечить высадку десанта хотя бы.

— А если он и впрямь попытается нас обмануть?

— Ну, я с ними поговорю...

— Презервативы не забудь.

— А?..

— И кого-нибудь из друзей, чтобы помогли. Морально, так сказать, и физически.

— Не...

— Да ладно тебе. Вызываешь этих орлов в кабинет — и, уверяю, им понравится!

Не в силах больше смотреть на открытый в удивлении рот Костины, девушка сложилась вдвое от душащего ее приступа смеха. Немного погодя к ней присоединился и вникший, наконец, в комизм ситуации лейтенант.

— Ты... ты... — смеясь, выдавил из себя он.

— А что, дорогой? Сам говорил — с кем поведешься.

— Угу, угу... Путешествие в моей компании тебя портит.

— В хорошую или плохую сторону? — невинно поинтересовалась Каталина.

— Ик... — этот звук, настоящий крик души, был единственным, что он смог ей ответить. Смех вырвался наружу могучей, неудержимой волной, смывая и отбрасывая прочь усталость и напряжение последних дней. И когда лейтенант, наконец, успокоился, то понял — это было именно то, что ему требовалось. Во всяком случае усталость и накрывший сверху груз ответственности ушли без следа.

А потом Костин уловил спокойный и на удивление мудрый взгляд девушки и понял — это не спонтанная шутка, а четко выверенное действие. Каталине не было смешно, но она сумела изобразить кучу эмоций с одной-единственной целью — поднять ему настроение, немножко помочь морально... Черт! Еще недавно он поступал подобным же образом, а сейчас ему, похоже, отдают долги.

— Спасибо.

— Да не за что, — пожала плечами девушка. — Ну, что будем делать дальше?

— Далее? А дальше я кого-нибудь все же убью... Очень хочется!

Лес. Густой и темный. Еще через три часа

— Если так будет продолжаться, я сильно раздамся в талии, — заметила Каталина, поворачивая прутики с нанизанными на них кусками наспех замаринованного мяса. Конечно, их полагалось бы то-

мить над угольями, но и открытый огонь был неплох. Главное, не переборщить. А так, в целом, неплохо. Костер, запах дыма, незнакомый и чуть резковатый. Еще бы, Костин даже не представлял, что за местное дерево пошло на дрова. Да и какая разница? Главное, не противный. В общем, экзотика с романтикой, и все в одном флаконе. — В который раз мы сегодня едим? Четвертый? Пятый?

- Не помню.
- Растолстею, буду некрасивая...
- Пустое, — небрежно махнул рукой Костин. — Или не успеешь, или не сможешь.
- Почему?
- С такой жизнью или раньше пристрелят, или все уйдет в мышцы. Блин, я уже забыл, когда у меня в последний раз болели ноги...

Икры действительно ныли, для тренированного и, кажется, все испытавшего офицера уже давно забытое ощущение. Здесь же это состояние быстро входило в привычку. Судя по тому, как сморщилась после его слов Каталина, она чувствовала себя не лучше. Но то ли для того, чтобы отвлечься, то ли просто из вредности, она продолжила спор:

- Тебе легко. У вас, мужчин, с этим нет проблем.
- А мы, чуть что — сразу на диету.
- Могу подсказать одну, — тут же оживился лейтенант. — Если хочешь похудеть, ешь один раз в день. Кефир. Вилкой.
- Тыфу на тебя.
- Да, да, и не надо благодарить. По гороскопу я сегодня сволочь.

В очередной раз убедившись, что русского, когда он в ударе, не переболтать, Каталина предпочла сменить тему.

— И все же, что эмиру от нас нужно?

— Гадость какую-нибудь решил подстроить, наверное, — безразлично пожал плечами Костин. — Решил, что мы к нему спиной повернулись. В этом случае ударить или хотя бы плюнуть для него безусловный рефлекс. Посмотрим... Да не бери ты дурного в голову, тяжелого в руки — я подготовился.

Словно в доказательство его слов, замерцал экран планшета. Ну вот, так и есть — беспилотник, висящий над лесом, засек группу людей. Они, конечно, маскировались, но... У Пророка на корабле нашлась очень неплохая машинка французского производства, что называется, мечта шпиона-любителя. Лягушатники вообще делали хорошие беспилотники, а этот еще и из новейших. Засекает в том числе тепло и движение. И еще много чего, но сейчас хватило и стандартных датчиков.

— Восемь... Только восемь... — задумчиво проговоротала Каталина. — Мне кажется, или нас не уважают?

— Скорее, наоборот. Это те, которые рискнули сунуть голову к нам в пасть. Остальные, я думаю, перепугались. Впрочем, восемь человек — это минимум столько же стволов. При внезапной атаке шанс есть, — Костин поднял стоящий на земле констейнер. — Откуда они идут? Ага. Ну, что же, сейчас я их встречу...

Наверное, эмир немного испугался, когда прямо перед ним из ниоткуда материализовался русский офицер. Во всяком случае подпрыгнул он сантиметров на двадцать вверх и на полметра назад. Для Костина, благодаря десантной экипировке, подобный трюк не составил труда, и никакие приборы ночного видения гостям помочь не могли в принципе, но все

равно лицезреть перед собой ошарашенную морду араба было приятно.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой дорогой друг... Я рад, что вы возжаждали еще раз со мной встретиться, хотя достаточно было бы просто выполнять мои приказы. Но раз уж вы так решили, да еще и захотели пообщаться в столь экзотической обстановке, то я не против. Пойдемте, покажем о делах наших скорбных, уточним, зачем вам потребовалась личная встреча, почему именно здесь, в глухи... И, кстати, скажите своим мальчикам великовозрастным, чтобы прекратили баловаться и следовали за нами.

Говоря все это, а точнее, заговаривая гостю зубы, Костин между делом, словно так и надо, подхватил эмира под локоть и шустро потащил его за собой. Одновременно свободной рукой он извлек из ножен кортик и аккуратно упер его под ребра своей жертве. Получилось неплохо. Эмир мгновенно сообразил, что если дернется, то его ливер моментально окажется в состоянии, несовместимом с дальнейшей жизнедеятельностью. Хотя бы потому, что довольно тяжело выжить с десятидюймовым стальным штырем в боку. Даже не учитывая местную антисанитарию. Так что он шустро перебирал ногами и без лишних напоминаний сделал жест своим людям, чтоб они, значит, присоединялись. Охрана эмира (ба, знакомые все лица! Ну, у половины точно знакомые, а остальные явно из той же компании) выбралась из кустов с явным недовольством на физиономиях, но работодателю не перечила.

Костин отпустил свою жертву лишь метрах в десяти от костра, на ровном и открытом месте. С тем расчетом, правда, чтобы Каталина сейчас казалась гостям размытым, почти не видимым пятном. То есть они

могли понять, что она есть, но не более того. Сама же девушка сидела таким образом, что в любой момент могла откатиться в сторону, под защиту огромного пня. Там же, кстати, и лучемет был спрятан — так, на крайний случай, но пока что Каталина нужна была здесь. Ей была назначена своя роль, пусть и заключающаяся в спокойном сидении и помешивании углей.

— Итак, — Костин наконец отпустил эмира и в один миг разорвал дистанцию до пяти шагов, держась так, чтобы охрана не могла стрелять по нему из опасений изрешетить собственного шефа. — А теперь объясните мне, к чему вы затеяли этот спектакль с непременным желанием увидеться? И не советую дурить. Хотя я и спрятал оружие, но в брюхе его вам всажу, случись нужда, быстрее, чем вы хоть что-то успеете сделать.

Эмир скрипнул зубами. Для араба держался он совсем неплохо — впрочем, и неудивительно. Во-первых, за его спиной все еще имелось численное превосходство, а во-вторых, сказывалась генетика. Ни один род не достигает высот, если его основатели трусливы и глупы. И все равно, слишком уж быстро он пришел в себя. Чрезмерно быстро, и это Костину не нравилось, ограничивая пространство для маневра.

— Вам не кажется, что вы перебарщиваете? — лицо эмира на глазах становилось спокойнее. А ведь должен бояться, должен. Хотя... Лейтенант принюхался — ага, знакомый запашок. Весьма характерный, сладковатый. Ну и ладно, справимся. В конце концов, его источник дает не спокойствие, как принято считать, а всего лишь некоторую заторможенность.

— Я? Нет. Для нашего плодотворного сотрудничества вполне достаточно, чтобы вы без лишних вопросов выполняли мои приказы. А для их передачи

личных встреч не нужно, достаточно примитивной рации. Есть и другие... нюансы. Мне продолжать?

— Не стоит, — эмир усмехнулся, и его лицо Костину не понравилось. Такие ухмылки позволяют себе те, кто уверен в собственном преимуществе. — Не стоит... лейтенант.

Последнее слово он выдал практически брезгливо. Типа «всего лишь лейтенант». Костин в ответ тоже усмехнулся, стараясь, чтобы это выглядело как можно отвратительнее, и «включил хама»:

— Ну, как хотите. Только руки по швам и стойте прямо, когда с вами имперский офицер разговаривает... эмир.

— Не много ли на себя берете? — эмир не повелся на скрытое оскорбление. Это было странно и нелогично. И совершенно не походило на стандартную реакцию. Ну что же, продолжим.

— Вы знаете, есть в нашем фольклоре история о том, как молодой дипломат пишет ответ на ноту протesta из какой-то африканской державы. А старый и опытный, проверив, говорит, что все правильно, но «на фиг» пишется раздельно, «пофиг» слитно, а «черномазые обезьяны» не обязательно писать с большой буквы. Догадываетесь, к чему это я?

— Поясните свою мысль.

— Охотно, — улыбнулся Костин. — Все просто ведь на самом деле. Пока за моей спиной империя, все вы для меня тупые папуасы, ясно?

— Вы — псих. И ваше воспитание больше стало оборванцу из подворотни.

— Я знаю. И вы не первый, кто за последние дни это говорит. Но... какое мне дело до мнения папуасов? Да и вообще, меня всегда улыбало, как любят высказывать свое мнение те, кого не спрашивают.

- Уважение к собеседнику — признак культуры.
- Много болтаешь, — для лучшего восприятия, лейтенант перешел на «ты». — О том, чего не понимаешь. Где вы, а где культура? Чтобы не было у нас недосказанности. Я не обязан вас уважать. И не буду. От этого и танцуй. А пока давай, поясняй, зачем оторвал меня от дел. И скажи своим шестеркам, чтобы перестали так оружие сжимать — неровен час, выстрелит.

Как сказал в незапамятные времена кто-то из великих, театр начинается с вешалки. А за такое представление, как сейчас, на ней вполне могут кого-нибудь повесить. Костин играл плохо и сам это понимал, но, во-первых, его этому всерьез не учили, так, общие сведения, факультативно, а во-вторых, публика досталась невзыскательная. И тоже, вдобавок, пытающаяся во что-то играть. Почти как взрослые, хе-хе. Так что его вешать вроде бы и не за что, а оппонентов... Ну, их не жалко.

- Много болтаю... — лицо эмира исказила гримаса. — Тогда коротко. Вы сейчас сдаете мне оружие, и я обещаю, что передам вас Пророку живыми и почти не побитыми.

— С какого перепугу? — Костин едва не рассмеялся. Эмир даже не знает, что его самозваный Пророк давным-давно сидит, закованный в кандалы, в уютном трюме собственного корабля. Что же, он доставит им удовольствие от встречи...

- А с того, что мои люди нашли небольшой лагерь на берегу озера. Вы понимаете, о чем я?

— Не-а.

— Детский лагерь. Так понятнее?

Костин вновь с трудом сдержал смех. Откровенно говоря, он уже забыл, точнее, выбросил из головы ту

группу, которую спас в самом начале пути. А эти дятлы каким-то образом их нашли, узнали, что именно он их вытащил, а теперь считают: раз он этим детишкам один раз помог, значит, покровительствует, и, следовательно, они для него что-то значат... Нет, значит, конечно, мы в ответе за тех, кого приручаем, и все такое, но по сравнению с собственной драгоценной шкуркой чужие дети — это такая мелочь...

— Дай я угадаю. Или я подчиняюсь, задираю лапки кверху и позволяю себя связать, или вы будете каждый час убивать по заложнику. Я прав? Или чаще? Ну и замечательно. Потом, когда тебя будут сажать на кол, ты этот момент вспомнишь...

— На кол? — удивленно спросил эмир.

— Ну да, на кол. А ты что, не знал? У нас террористов сажают на кол, сжигают на кострах, варят в масле... Как показала практика, горячий прием здорово остужает пустые головы. Так вот, когда вас всех будут казнить, ты наш разговор вспомнишь. А пока можете спокойно убивать кого хотите и сколько хотите. Это не моя планета и не мои соотечественники. Адьюс.

С этими словами Костин развернулся. И отчетливо услышал, как сзади кто-то щелкнул затвором.

— А ну, стоять!

Лейтенант не спеша развернулся, с иронией окинул взглядом глядящие на него стволы:

— О, вы, я вижу, подготовились. Ну что, красивые белые джентльмены, поговорим?

Собеседники, ни разу не джентльмены, дружно заухмылялись. Из перечисленного у них был разве что белый (кое у кого условно) цвет кожи. Насчет же красоты... ну, может, женщинам и нравилось, кто их, баб, разберет. Костину же было глубоко наплевать, он мог похвастаться традиционной ориентацией.

— Это вы зря смеетесь, — глубокомысленно заметил он.

— И почему же?

— Ну, это фраза из старой книги. Вы их, книго-то, не читаете, конечно, так я вам объясню. Там негр упер дробовик в живот то ли грабителю, то ли еще кому, не помню уже, и спросил у хозяйки, не против ли она, если он вот прямо сейчас прострелит кишки этому красивому белому джентльмену. Это я к тому, что вам пора начинать бояться.

— И чего же?

— Да хотя бы того, что вы стоите на маленьком, но очень неплохом минном поле, — Костин улыбнулся и поднял с земли небольшой контейнер объемом не более стакана. — Здесь было с полсотни малых противопехотных мин. И сейчас, господа, вы на них стоите. Они вас, конечно, не убьют... сразу. Ноги разве что поотрывают. И если кто шевельнется... ну, вы меня поняли.

— Блефуешь, — прошипел эмир.

— Не-а, — Костин покачал головой и грустно улыбнулся. — Блеф слишком опасен. Смотри и учись.

Тубус отлетел в сторону, покатился, а потом вдруг взлетел, подброшенный негромким, но мощным взрывом. К счастью для себя, собеседники Костина стояли на месте, никто из них даже не шелохнулся — слишком хорошо понимали, чем это грозит.

— Итак, господа, — Костин глубоко вздохнул. — Вы на минном поле. Я тоже, но мне проще. Сдамся вам — пожалею, что родился на свет. А так даже если умру, то прихвачу вас с собой. Гордитесь, поле установлено специально для вашей шайки, когда я вас засек и понял, откуда вы придетете. Вы зашли на него, а девушка, — он кивнул головой в сторону Катали-

ны, — нажала кнопку пульта и активировала заряды. Теперь шевельнетесь — и все, хана вам. И, пока она не деактивирует поле, вы будете стоять. Так что оружие на землю, господа, и вяжите друг другу руки. Обещаю, что оставлю вас в живых, слово офицера. В конце концов, вы обычные наемники, работаете за деньги и мне не враги. Других шансов у вас, один черт, нет.

Телохранители эмира переглянулись, и лейтенант это немедленно засек.

— Говорю же, господа, нет у вас шансов. Если вы попытаетесь угрожать ей, — никто даже не успел среагировать, а Костин уже держал в руке пистолет, — оружием, я начну стрелять. Первым, вторым — неважно. Главное, вы все шарахнетесь в стороны, и мины начнут взрываться. Если вы верите в Аллаха, то отправитесь прямиком к гуриям. Если не верите, то помрете в соответствии со своим вероисповеданием. Оружие бросили, ну!

Пять минут спустя, когда процедура была закончена, а Костин, самолично затянувший веревку на запястьях эмира, проверил качество пут у других, он улыбнулся и похлопал главного араба по плечу:

— Вы были правы, друг мой. Я действительно блефовал. Мина была одна-единственная — та, которую я только что взорвал. Извините, конечно, но я вас развел, как кролика, второй раз подряд. Надеюсь, вы на нас не в обиде?

Эмир зло выругался. Костин пожал плечами:

— А вот это ты зря, зря... Проигрывать тоже надо уметь достойно.

— Да какое у них достоинство? — влезла в разговор Каталина, аккуратно переворачивая уже слегка пережарившееся мясо над углами. — Они же не мужчины.

Эмир повернулся к девушке и сказал ей... Ну, точный перевод Костин ~~не~~ знал, хотя бы потому, что не владел языком, но смысл понял моментально. С такой экспрессией говорят лишь строго определенные слова и выражения. Зло усмехнувшись, он взял эмира за плечо и сдавил так, что еще немного — и кости пленного разлетелись бы на куски. А потом с милой улыбкой ввинтил ему кулак в печень, от чего эмира сложило пополам, и очень проникновенно, можно сказать, вежливо прошипел:

— Значит, так, лесбиян. Я тебе не идиот и не европеец, толерастией не страдаю. Еще раз вякнешь на мою женщину — просто удавлю. Понял, морда бибизьяня?

Араб кивнул, причем с такой скоростью, что стало ясно — своя жизнь для него ценнее понятий о месте женщин в окружающей действительности. Тем не менее, еще один удар, на сей раз в ухо, Костин ему для профилактики и собственного удовольствия прописал. Увидев сочащуюся по щеке эмира струйку крови, лейтенант удовлетворенно кивнул:

— Оглох? Ну, вот и ладушки. Так что относимся к женщинам вежливо и деликатно, как и все цивилизованные люди. А кто не все — того я пристрелю.

Когда злобный русский закончил свою лекцию о неравноправии полов и вернулся к костру, мясо еще не успело окончательно сгореть. Бросив на сидящих под деревом (и намертво к нему привязанных) арабов презрительный взгляд, Костин с удовольствием продегустировал на скорую руку сделанный шашлык и остался удовлетворен результатом. Чуть позже Каталина, которой, похоже, кусок в горло лез сегодня с заметным усилием, отложила недоеденную порцию и осторожно спросила:

— Слушай, а зачем ты им это сказал?

— Что именно? Про уважение к женщинам? — не переставая жевать, уточнил Костин. — Так ведь это нормально, что думаю, то и говорю, — и, немного смущившись, честно признался: — Жаль только, у самого не всегда получается соответствовать.

— Да я не про то, — Каталина тоже выглядела донельзя смущенной. — Ты им сказал, что я — твоя женщина.

— А, ты про это, — махнул рукой лейтенант и понимающе усмехнулся. — Не бери в голову, просто как бы вся эта восточная шелупонь не кичилась древностью своей истории и культуры и не тряслась портянками предков, по сравнению с которыми все наши достижения выглядят новоделами, на проверку большинство из них редкие примитивы. Поэтому для того, чтобы они поняли серьезность момента, аргументация тоже должна быть простой. А что проще чувства собственника? Меня они боятся, а в свете этого на тебя рот открыть тоже не посмеют. Так что не переживай, требовать заявленное под ближайшим кустиком я с тебя не собираюсь. Не собаки, как-никак.

— А...

— А вот если в цивилизованных, комфортных условиях, на шелковых простынях... Да не красней ты так, шучу.

— Ну и шуточки у тебя!

— Какие уж есть. Я тебе не профессор изящной словесности. И вообще... Не знаю даже, что мне больше нравится — собирать грибы или просто медленно бродить по лесу с ножом в руке.

— Это ты к чему?

— Да к тому, что ужин кончается и пора нам поговорить с нашими... товарищами арабского

происхождения. Так что смотри сама, будешь ли присутствовать — зрелище может выйти неаппетитное.

— Я, пока с тобой болтаюсь, и не такое видела.

— Ну, раз крови не боишься, то пошли. Впрочем, надеюсь, они не будут запираться. А то результат может травмировать мое чувство прекрасного и тонкую душевную организацию.

— Думаешь, со страху обделаются?

— Да хоть от ярости, мне-то что... Но что обделаются — это я тебе обещаю. Особенно этот, который изображает эмира.

— Изображает?

— Ну да. Или двойник, или родственник, но не сам эмир. Тот не пришел бы, зачем ему рисковать, если можно это на кого-то переложить? Подобное не в традициях арабов. Плюс реакция на мои действия. Эмир был бы готов к ним, а этот как будто знал, но для осознания требовалось время. Еще, он явился сюда, для храбрости накурившись... Честное слово, не помню, как называется эта наркота, из головы вылетело. Но вряд ли сам эмир стал бы баловаться подобной дрянью. Построение речи незнакомое. Да и тембр голоса чуть другой. Правда, весьма похожий, да... Я вначале сам засомневался, честно говоря.

— А теперь уверен?

— Процентов на девяносто. Кстати, еще момент. Его охрана начала бросать оружие, не дожидаясь приказа. Будь там сам работодатель, скорее всего, не посмели бы. Так что не девяносто, а все девяносто пять. Впрочем, сейчас уточним...

Берег озера. Пять часов спустя

Часовому было скучно и очень хотелось спать. Откровенно говоря, в иной ситуации он этим и занялся бы, наплевав на приказ, но эмир пообещал, что лично пристрелит любого, кто заснет, а своя шкура часовому была дорога. Вот он и бдел, отчаянно борясь со сном и завидуя неверным, давным-давно выдумавшим для таких вот случаев позволяющие легко бодрствовать целыми сутками препараты.

Эти мысли настолько занимали сознание часового, что он даже не увидел, как позади возникла бесформенная фигура. Миг — и тело, только что бывшее вполне себе живым человеком, осело со свернутой шеей, после чего его без малейших усилий уволокли в кусты. Еще через минуту рядом с его убийцей возникла вторая фигура, различимая чуть более. Впрочем, в ночном сумраке это практически не ощущалось.

— Последний, — Костин, только что разделавшийся с часовым, поморщился. — Воздух испортил, козлопотам...

Действительно, амбрे стояло то еще. Часовой, в точном соответствии с законами физиологии, опорожнил кишечник. То, что законы соблюдаются, радовало, а вот результат их действия не очень. Надо было не ломать шею, а ножом, как остальных, запоздало мелькнула хорошая мысль и пропала.

— Что дальше? — спросила Каталина, настороженно поводя из стороны в сторону лучеметом. Дева-воительница, блин... Нет, воевать она умеет, и храбрости девчонке не занимать, но сейчас у нее получалось настолько картино, что вызывало неуместную для боевой операции улыбку.

— Дальше как планировали. В смысле идем и всех убиваем.

Каталина молча кивнула и пристроилась «в хвост» лейтенанту, который на мелочи вроде картиных поз и зверского лица не разменивался. Просто топал в сторону коттеджей, стараясь поменьше шуметь. В конце концов, у дверей занятого эмиром, настоящим, а не той подделкой в лице двоюродного брата, что осталась догнивать под кустиком (в конце концов, жизнь Костин обещал не ему, а наемникам, и слово сдержал), коттеджа располагались аж двое часовых, оставленных, так сказать, на сладкое. Оба, кстати, бодрствовали и, чтобы не заснуть, негромко переговаривались.

Очень облегчали дело два момента. Во-первых, минного заграждения здесь не было, да и сигнализации тоже... почти. Все же эмир со своими людьми прорвались сюда если не голыми и босыми, то близко к тому. А во-вторых, имеющиеся у часовых приборы ночного видения их успокаивали, но на самом деле практически не помогали — десантный комбинезон Костина позволил приблизиться без особых проблем. Разве что с накинутым на голову капюшоном лейтенант малость взопрел, но это уже было мелочью, не стоящей внимания. И потому результат оказался вполне логичен для Костина и страшен для арабов. Непонятная и жуткая тень, на мгновение материализовавшаяся перед ними, два коротких, почти неразличимых от скорости взмаха зачерненного клинка — и некоторое усилие, приложенное для того, чтобы подхватить трупы, не дать им загреметь при падении. И всех проблем — в крови немного измазался, уже не первый раз за эту ночь.

Планировку коттеджей лейтенант помнил не-плохо. Первый этаж — прихожая с вешалками для

одежды, туалет, душевая, маленькая кухня и три огромные комнаты-спальни для детей. На втором этаже то же самое, разве что вместо кухни еще одна комната. Все коттеджи на одно лицо, типовая планировка, что неплохо, хотя и скучно. Впрочем, какая разница...

На первом этаже были заняты две комнаты. В одной охрана эмира устроила нечто вроде караулки, во второй двое техников с усталыми лицами возились с какой-то наполовину разобранной аппаратурой. Бесшумно содрогнулся в руках Костина автомат — спасибо Пророку, в арсенале его корабля оружие нашлось на любой вкус — и охрана, не успевшая даже вскочить с коеч, прекратила свое порочное бытие. Техники разделили их участь секунд на десять позже. Сменив магазин, Костин быстро проверил остальные комнаты. Порядок, живых здесь нет, пора на второй этаж.

Медленно и аккуратно, стараясь, чтоб не скрипнули потертые деревянные ступени, он поднялся на верх. Темно, тихо... Картинку сканер выдавал паршивенькую, батарея уже садилась, а сменить ее Костин не догадался, но даже скромных возможностей имеющейся аппаратуры хватило, чтобы обойтись без такой пошлости, как открывание дверей. Три комнаты пустые, в четвертой — двое. Ну, надо же...

На сей раз, Костин не стал соблюдать особой конспирации. Просто открыл дверь, вошел и хлопнул ладонью по выключателю. Яркий свет залил комнату, в которой обнаружился искомый эмир всей своей арабской рожей, помятой ото сна. Болезненно шуряясь спросонья, он закрывал глаза ладонью от бьющего с потолка режуще-белого цвета. А рядом с ним, на полу...

Как ни удивительно, следующее действие Костина было вполне рассудочным. Шаг вперед — и удар, надолго погрузивший эмира в беспамятство. Тяжелее всего было сдержаться и не сорвать ему башку с плеч — сил бы вполне хватило. Однако быстрая смерть — чрезмерно роскошный подарок для этого урода, только осознание этого и позволило сохранить контроль. Тем не менее, челюсть эмиру он наверняка сломал. Ну и хрен с ней!

Урод! Великий Космос, какой же он урод! Костин наклонился над лежащей. Совсем девчонка, лет двенадцать от силы, одежда порвана, в крови, связана... Урод! Двумя быстрыми движениями лейтенант перерезал веревки.

— Идти сможешь?

Девочка удивительно спокойно кивнула, встала — и упала. Костин едва успел зажать ей рот, иначе своим воплем она перебудила бы все окрестные коттеджи. А может быть, и нет, наверняка они вечером еще и не такого наслушались. Костин склонился над ребенком, выругался сквозь зубы. На перелом не похоже, лодыжка, скорее всего, просто вывихнута, но и это паршиво. Но не бросать же...

Наверное, Каталина была удивлена, когда он появился в дверях. На плече девочки, левой рукой за шиворот тащил все еще пребывающего в отключке эмира. Однако сказать ничего не успела, потому что Костин лишь зло мотнул головой, прорычал сквозь зубы «Рви нахрен!» и, не скрываясь, направился прочь. А еще спустя минуту полыхнуло!

Костин не собирался отпускать живыми людей эмира. Им было сделано предложение — они его приняли, но решили обмануть благодетеля. Что же, кто не с нами — тот против нас, девиз христианства

подходил для нынешнего случая идеально. Однако и воевать против толпы вооруженных до зубов укурков занятие неблагодарное. Именно поэтому прежде, чем идти с визитом к эмиру, он заложил возле всех коттеджей мины, компактные, но мощные. И сейчас Каталина всего лишь нажала на кнопку пульта, активируя заряды.

Это было зрелищно. Больше всего со стороны происходящее напоминало новогодний фейерверк, только почему-то сработавший на земле. На какие-то секунды поселок охватило море огня, а когда пламя осело, остались лишь разбросанные там и сям чадящие головешки. В один миг остатки армии эмира перестали существовать.

Как ни удивительно, но в этом аду кто-то еще ухитрился выжить. Во всяком случае, Костин, идя по пепелищу, несколько раз натыкался на таких «счастливчиков», которым не повезло уцелеть — обожженных, покалеченных, но дышащих и даже пытающихся шевелиться. Впрочем, недолго. Сухо кашлял пистолет, ставя точку в жизненном пути очередного любителя пограбить чужие планеты, и лейтенант шел дальше. Ни малейшей жалости он не чувствовал, перед ним сейчас были не люди, а стая бешеных шакалов, которых отстреливают, пока они не успели никого покусать. В этот раз с небольшим запозданием, но и только.

Пока лейтенант занимался во всех смыслах богоугодным делом, его спутница тоже времени даром не теряла. Автопилот был настроен заранее, так что через каких-то пару минут вызванный ею бот, чудом не обломав крылья о деревья, уже приземлялся возле места побоища. С совершенно не женской силой Каталина затащила внутрь эмира и приковала к метал-

лической скобе в грузовом отсеке, после чего занялась его жертвой. Девочка не плакала, даже не скулила, когда ей вправляли поврежденную ногу и затягивали на ней повязку. Все, чем могли — помогли, дальше уже пускай заботятся те, кому это положено. Еще недавно это не пришло бы Каталине в голову, но за последнее время она изрядно заразилась от Костина житейским цинизмом, поэтому, вколов ребенку обезболивающее, она поспешила к лейтенанту, который как раз закончил с арабами и направился было к пленным, но на полдороге передумал.

А те, кого они пришли вытаскивать, тем временем проснулись и сообразили, что происходит нечто жуткое, только когда взорвались коттеджи. Люди эмира весьма предусмотрительно согнали их в кучу и разместили в импровизированном лагере, составленном из палаток и огороженном спиральными Бруно. Так себе оградка, сбежать шанс имелся, и неплохой. Сам Костин непременно бы попытался, местные — нет. Впрочем, после рассказа Пророка лейтенант и не ждал иного. Не их вина, вот только от этого не легче.

Правда, лагерь охранялся, но вот как раз этих умников лейтенант уже давным-давно прирезал, так что случайной пули можно было не опасаться. Оставалось лишь выломать импровизированные ворота, стараясь не изрезать при этом руки, махнуть рукой, чтобы выползали, и отойти в сторону. Здесь валялось немало мусора, в том числе и пара бревен, видимо, заготовленных под дрова. На одно из них Костин и уселся, разом отключившись от происходящего. Пускай теперь Каталина разбирается со своими соотечественниками, говорит, что делать и куда бежать, а он, лейтенант Костин, передохнет...

На душе было муторно. Костин был офицером, и, как он сам надеялся, неплохим, но, столкнувшись с грязной изнанкой войны, оказался к ней попросту не готов. И дело тут не в трупах и не в крови. В конце концов, солдат всегда готов убивать, а если удача отвернется, то и умирать. Конечно, чистенькая война в космосе, когда твой враг лишь точка на экране, всерьез отличается от кровавого месива на земле, но бой есть бой. Вот только когда вот так с совершенно мирными людьми, с детьми, и все совершенно по-идиотски, из-за извращенной фантазии или чего там у этих... А-ах, захотелось просто убраться отсюда подальше, забиться куда-нибудь в щелку. В конце концов, он и так сделал немало, даже, наверное, больше, чем от него ожидали, так какого хрена...

Вывела его из этого состояния Каталина. Сама того не ожидая, вывела. Просто подошла, и это нехитрое действие заставило Костина разом взять себя в руки. Он мужчина или почему? Нельзя показывать слабость перед женщиной, да и вообще он,вольно или невольно, за нее в ответе. Этот нехитрый, пускай и весьма сомнительный ход мыслей рывком вернул лейтенанта в реальность. И сразу же волной накатили треск все еще не потухшего окончательно огня на развалинах, удушающая вонь из смеси дыма и запаха горелой человечины, словно сквозь вату доносящиеся голоса людей...

— Ты как? — плеча коснулась женская рука, окончательно разрушившая наваждение. Костин с усилием покрутил головой, шевельнул плечами... Сопляк! Раскис, как баба! Усилием воли он изобразил на лице улыбку:

— В норме. Ты?

— Тоже. Я сказала им, — жест в сторону людей, — чтобы укрылись в пещерах. Скоро здесь будут ваши... наши, три часа как-нибудь перетерпят.

— Это ты молодец. Это ты правильно сделала, — кивнул лейтенант, вставая. — Просто времени осталось чуть.

— Это что, плохо?

— Да. Ты не забыла? Необходимо обеспечить плацдарм для высадки десанта. Я рассчитывал использовать в качестве пушечного мяса этих, — небрежный кивок в сторону развалин, — ушлепков, но теперь придется все делать самим. А как — я еще, признаюсь, не совсем понимаю.

— А если попробовать выйти на связь с герильерос?

— Этих твоих партизан еще найти как-то надо. Не успеваем, физически.

— Плохо...

— Не вешай нос. Если планы навернулись, значит, придется импровизировать, — Костин вновь заставил себя улыбнуться. — Опыт есть. В конце концов, с той минуты, как мы встретились, я этим и занимаюсь.

— Господа!

— Я, вообще-то, дама, — ответила Каталина, поворачиваясь. Костину же даже поворачивать голову не требовалось — людей, которые подошли к ним, он и так уже наблюдал минуты две. Правда, до этой минуты они просто стояли чуть поодаль, но теперь, видимо, решили влезть с какой-то своей проблемой. Будто без них делать нечего! Костин с усилием задавил в себе раздражение и поднялся. Невысокий, но широкий, что десантный камуфляж в свете пожара и медленно разгорающейся на горизонте зари подчеркивал еще больше. Живой танк — именно так он,

наверное, выглядел, иначе чем объяснить то, что от него отшатнулись.

— Можно, я их пошлю? — шепотом спросил он у Каталины.

— Не стоит, — так же шепотом ответила девушка. — Не поймут. Они, похоже, считают, что ты должен о них заботиться.

— Да? Здорово их торкнуло. Ну да ладно. Общественное мнение — это, конечно, хорошо, но мое мне нравится больше. А оно говорит, что надо послать.

— Не надо, я тебя прошу, — пальцы девушки слегка сжали Костину руку чуть повыше локтя. Как ни странно, это подействовало успокаивающее.

— Черт с тобою, золотая рыбка.

— Спасибо.

Костин кивнул и вновь повернулся к подошедшем.

— Чем могу быть полезен? — спросил он как мог более вежливо.

Кто есть кто среди собравшихся он не помнил. Лица память сохранила, а имена и должности... Да на кой ляд ему ненужная информация? Забыл через минуту после того, как узнал, а тут еще и несколько дней прошло. Так что... Трое мужчин. Тот, который обращался к Костину, вроде бы директор школы. Ну да, точно, директор, остальных лейтенант не идентифицировал, да особо и не старался. И с ними одна женщина, немолодая и полноватая, причем двое оставшихся неузнанными крепко держат ее за руки. То ли чтобы не упала, то ли чтоб не сбежала. Очень интересно. Особенно учитывая, что Костин ее раньше не видел.

— Вот эта, — директор ткнул в незнакомую бабу пальцем (культура так и прет, машинально подумал

Костин), — работает у нас поваром. Когда они (жест в сторону обугленных трупов) напали на школу, ее не было. А потом она привела их сюда.

— Та-ак, — Костин не спеша подошел к женщине, сделал недвусмысленный жест — отпустить. Его поняли без слов, разжали руки, шагнули назад. Женщина упала на колени, не специально, просто ноги ее, похоже, не держали. — И почему вы пошли на это?

— Они сказали, что иначе убьют мою дочь. Мы возвращались в школу, они нас схватили...

— Понятно. Се ля ви, — Костин достал пистолет. — Мне моя шкура как-то ближе ваших мотивов.

— Да ты чего, — Каталина схватила его за плечо. — С ума сошел?

— Предателей должно расстреливать. Хотя... ты права, — он засунул пистолет обратно в кобуру. Получилось резко и от того зло, хотя в душе ничего не шелохнулось, сплошное тупое безразличие. — Вот что, господа хорошие, вас она сдала — вам с ней и разбираться.

— Но, — как-то неуверенно начал директор, — разве...

— Что разве? — Костин усмехнулся. — Учитесь сами решать проблемы, хотя бы и в такой малости, а у меня других дел по горло. Пошли, Като.

— Стойте! Почему вы уходите? Оставляете детей без защиты?

— Вон там, — лейтенант кивнул в сторону пожарища — наверняка хватает стреляющих железяк. Соберите и организуйтесь.

— Мы не солдаты.

— А я вообще не испанец.

— Но...

— Возьмите стул и тряпку.

- Зачем?
- Чтобы сесть и заткнуться, наконец.

С этими словами Костин развернулся на каблуках и зашагал прочь. Наверное, от злости мозги заработали, и родившаяся в них идея выглядела если и не идеальной, то, во всяком случае, жизнеспособной. Но времени оставалось немного, следовало поторопиться. Каталина бегом догнала, пристроилась рядом, и до самого бота они так и шли, молча и плечом к плечу.

Двадцатью километрами севернее.

Через полчаса

Ну, вот и пригодился боевой скафандр. Главное, чтобы батареи зарядились успели. Именно так думал Костин, с кряхтением затаскивая тяжелую металлическую глыбу по трапу. Несмотря на скромные размеры, весила ноша ой как немало. Хорошо еще, что масса скафандра позволяла перемещать его даже одному среднестатистическому человеку. В теории, разумеется. На практике выходило не так гладко, но и Костин — не простой обыватель, справился. Больше пришлось повозиться, извлекая это чудо высоких технологий из насконо сооруженного тайника. Пере-старался с маскировкой, сам еле нашел, тем более что батареи сели окончательно и на сигнал лейтенанта не откликнулся даже аварийный маячок.

— Буф-ф, — Костин с размаху опустил неподъемную железяку на палубу и тут же, не теряя времени, принялся возиться, подключая разъем скафандра к энергосети бота. Полностью, конечно, не зарядится, физически не успеет, но и половина заряда (а по расчетам выходило, что даже и больше) позволит использовать скафандр часа три. Уже неплохо. А еще

хорошо, что разъемы стандартные, а то пришлось бы для полноты ощущений штекеры на коленке перепаивать. То еще удовольствие, надо сказать.

— Ну, как? — голос Каталины был какой-то странный, но Костин не придал этому значения.

— Порядок, — ответил он, вставая. — Теперь повоюем.

— Здравствуйте, дядя Сева... господин лейтенант!

— О-па...

Пожалуй, этот глубокомысленный звук как нельзя более точно отражал всю гамму впечатлений, пролетевших в голове Костина. Образнее — только нецензурно, однако при женщинах, тем более, при несовершеннолетних.

— Господин лейтенант, не сердитесь, пожалуйста, — Изабелла, а это была она, опустила глаза и, будто маленькая, попыталась процарапать носком кроссовка палубу. — Просто мы там оставаться не хотим. Здесь хотя бы не страшно.

— Как вы вообще здесь очутились? — в горле разом пересохло, и голос прозвучал хрипло. Изабелла, похоже, сочла это признаком гнева. Ее сестренка по малолетству таких нюансов не замечала и вела себя проще, во все глаза пялясь на Костина и не забывая осматриваться вокруг. Похоже, для нее полеты на военно-транспортных атмосферниках были в новинку. — Я, кажется, задал вопрос, и не заставляйте меня его повторять.

— Пробрались внутрь. Вы, когда вначале этого... эмира, да? Когда вы его в трюм забросили, люк не заблокировали.

Костин бросил гневный взгляд на Каталину. Девушка виновато развела руками. Прокол, чего уж там. Лейтенант устало и безнадежно вздохнул:

— Если бы вы только знали, что творится у меня внутри!

— Знаю. Обмен веществ.

— Мелкая, — Костин присел на корточки, усмехнулся и слегка щелкнул девочку, имени которой так и не узнал, по носу. — Ты, конечно, умная, но вопрос был риторическим.

— А что такое риторический вопрос? — удивительно даже, она совсем его не боялась. Еще бы, столько навидалась, что он теперь для нее белый и пушистый, как плюшевый мишка. Лейтенант вздохнул:

— Като, отведи их в каюту, накорми чем-нибудь, что ли, а потом возвращайся. Будем решать, что с ними делать дальше. Не высаживать же прямо тут... хотя это, возможно, самый лучший выход.

Следующие пять минут были и впрямь посвящены обсуждению, точнее, спору — жаркому, громкому и бесполезному. Громкому потому, что Костин дал наконец выход своим эмоциям, а бесполезному... Времени в обрез, только-только долететь, бросать детей в лесу не станешь. И что дальше? А дальше лейтенант хлопнул ладонью по столу и очень спокойным голосом объявил:

— Так, мы посовещались, и я решил. Подлетаем, я десантируюсь, и ты уводишь машину подальше. Садишься и ждешь моего сигнала.

— Но...

— Не обсуждается. Даже не из-за этих разгильдяек. Просто ты мне помочь не сможешь, без брони в таком бою ты — обуза. А этот гроб не вооружен. Отлетаешь, садишься, ждешь сигнала.

— А если не дождусь?

— Я всегда возвращался и не имею особого желания прерывать эту традицию.

Каталина улыбнулась, протянула руку и погладила Костина по небритой и ужасно колючей щеке:

- Я тебе верю. Ты сильный, ты справишься.
- Я умный, я даже не возьмусь...

Немудреная шутка как-то разом разрядила обстановку, и, когда пришла пора забираться в бронированное нутро скафандра, боевой настрой не испортил даже неприятный запах из его недр. Может, потому, что Костин был к нему готов, помня, что не провел необходимые процедуры очистки перед консервацией. Впрочем, система кондиционирования быстро очистила воздух, привычно давящая на плечи надежная тяжесть брони придала Костину уверенности, и, когда пришло время, он вскинул руку, прощаясь, обратным движением захлопнул забрало гермошлема и молча шагнул в ночь почти с километровой высоты.

Километром ниже. Пять минут спустя

Вряд ли кто-то из занявших бывший военный городок в двадцати километрах от столицы исламистов мог ожидать, что этим тихим и спокойным утром для них развернутся врата ада. Большинство из них, откровенно говоря, вообще ничего не ожидали, а просто дрыхли в доставшихся им по наследству от местных вояк койках. Весьма удобных, следует признать. Те же ранние пташки, которые соизволили проснуться, либо неторопливо брели по своим делам, либо и во все, облюбовав уголок поудобней, курили гашиш, которого им завезли предостаточно.

Единственными, кто полноценно бодрствовал, была дежурная смена. Эти сидели у своих приборов и... ничего не делали. Безалаберность полная, для арабов характерная, вдобавок спокойствием усу-

губленная. В расслабленном состоянии пребывали даже часовые, которым, вообще-то, положено бдеть. В общем, бардак, за который любой толковый офицер нормальной армии отправил бы их всех под арест. И потому неудивительно, что появление лейтенанта Костина, страстно желающего немножко встряхнуть это сонное царство, оставилось незамеченным вплоть до момента, когда уже поздно было хоть что-то менять.

Что интересно, момент, когда бот пролетал над их базой, террористы засекли четко. Однако же это была машина Пророка, а он частенько летал по своим, не-понятным простым смертным делам. Неудивительно, что никаких подозрений он не вызвал, да и вообще, рядовые бойцы предпочитали держаться подальше от высокого начальства. Засечь же планирующего на гравитационной подушке человека в боевом скафандре далеко не самая совершенная аппаратура, имеющаяся в военном городке, уже не смогла. Что поделаешь, десантная броня умеет неплохо обманывать радары, особенно когда те устарели на пару поколений. Так что Костин плавно и с относительным комфортом спустился, завис аккурат над изрядно загаженным в последние дни плацем, после чего отсалютовал поленившимся выйти и встретить дорогого гостя арабам из противотанкового лучемета.

Казарма, в которую угодил заряд высокотемпературной плазмы, удивленно сказала «Умпф!», плеснула изо всех окон пламенем, а затем аккуратно сложилась внутрь. Ее примеру тут же последовало соседнее здание, а вот третье, в котором, как оказалось, хранились зарядные блоки к пусковым установкам зенитных ракет, просто испарилось. Взрыв батарей, к счастью, произошел не одновременно,

иначе достало бы и до самого Костина, но и без того воронка десятиметровой глубины выглядела очень впечатляюще. Ударной волной лейтенанта закрутило и едва не сбросило с небес на грешную землю, однако опытный пилот сумел укротить гравитационную подушку и продолжил обстрел, хотя особой нужды в этом уже не было. Внизу царила паника, бесполково метались оглушенные люди, и никто не пытался принять командование и навести хоть какой-то порядок. Как организованная военная сила, гарнизон перестал существовать.

— Х-ха, это было слишком легко, — пробормотал себе под нос Костин, опускаясь на крышу одной из уцелевших казарм. Как раз той, в которой располагался пост контроля пространства. — Слишком... Как бы потом боком не вышло.

Именно пост контроля желательно было захватить неразрушенным — конечно, главное во всем этом комплексе антенны дальней связи, а они располагались почти в километре от военного городка и не пострадали, но ведь сами по себе-то они мертвы, электронная начинка здесь, за изрядно покосившимися от удара стенами. Если аппаратура погибла, то придется подгонять бот, пользоваться его приборами, а они, вот незадача, могут сразу и не подключиться. В общем, если пост контроля уцелел, это избавит Костина от немалого геморроя и, вдобавок, позволит держать бот вместе с находящимися в нем людьми подальше отсюда.

Не торопясь повесив лучемет на плечо, Костин достал лазерный резак. Мощность его, конечно, невелика, но и стены-крыши тут не в пример тоньше, чем в противоатомном убежище. Очертив резаком круг диаметром примерно в полтора метра, он аккуратно

топнул по нему ногой и, едва не потеряв равновесие, еле успел отскочить — участок крыши попросту рухнул вниз, а из дыры вылетели столб разбитой в пыль известки и многоголосый вопль. Кого-то, видать, придавило...

Следом за обломком вниз тут же отправились три гранаты — светошумовая и две газовые. Громыхнуло с чувством, и Костин тут же прыгнул вниз, забыв (не та подготовка, эх, не та) переключить оптику на инфракрасный режим. Пару секунд пялился в быстро редеющее желтое марево, но оплошность исправлять не стал — не было смысла. Газ, сделав свое дело, оседал на глазах, открывая жуткую картину побоища.

Аппаратура — и это было главное — уцелела, а вот операторам досталось качественно. Из-под обломков потолка торчали чьи-то ноги и даже не дрыгались — понятно, вначале приложило обломками, а потом еще и туша штурмовика в боевом скафандре припечатала. Наверняка сдох. Остальные, оглушенные и ослепленные, корчились, не зная, за что хвататься. Гранаты, те, что с газом, несли в себе весьма едкий и подлый сюрприз.

Да-да, вот такие вот гранаты: в одной рвотный газ, во второй — можно сказать, медицинский, вызывающий моментальный приступ сильнейшей диареи. Их как раз и делали в свое время для разгона демонстрантов и борьбы с террористами — повоюй с полными штанами, попробуй. Не в империи делали (хотя, кто знает, может, в арсеналах и есть какие-то аналоги), а в Европейской Ассоциации. Впрочем, в Альянсе, говорят, тоже есть, но в имеющемся у Пророка арсенале нашлись именно европейские игрушки. Очень кстати...

Времени разбираться кто есть кто не было, и Костин, не долго думая, принял сковывать всех, кто попался под руку, заранее припасенными хомутами. Обычно такими связывают жгуты проводов, но и людей ими пеленать можно не хуже. Быстро, а главное,очно, хрен освободишься. На всех, правда, не хватило, но двоих, по виду не персонал, а обычных охранников, Костин без зазрения совести пристрелил. Все равно толку от них нет, и знать что-то принципиально новое они не могут. Никакого сопротивления оглушенные, да еще и полоскаемые во все дыры террористы не оказывали, так что справился лейтенант быстро и, не теряя времени, вышел из казармы.

Тут по-прежнему царила паника — все правильно, с момента большого взрыва и пяти минут не прошло. Кто поумнее, те сбежали, ну а остальных он принял убивать, спокойно и размеренно. Десантный лучемет (трофейный, шведский, работающий, как часики) для этого подходил как нельзя лучше. Иди себе и стреляй, благо оружия, способного причинить вред десантному скафандрю, поблизости не наблюдалось.

Костин шел и стрелял. Иногда получал в ответ — просто согласно законам статистики находились среди врагов и те, кто не поддался панике, и те, кто смог выстрелить и даже попасть. Однако легкое ручное оружие совсем не то, что надо брать в руки для борьбы с такими доспехами. Конечно, полировку со скафандра сбили, поцарапали — но и только. А серьезная опасность повстречалась всего дважды.

В первый раз на Костина выбежал, вытаращив глаза, какой-то умник с противотанковым лучеметом. Разделяли их метров пятнадцать, и этот хрен уже начал вскидывать оружие. Спасла мобильность скафандра. Костин попросту отпрыгнул и кувырком

ушел под защиту обломков очередной казармы. Его противник выстрелил, промахнулся, а второй раз прицелиться уже не успел. Все же противотанковый лафет, тем более старого образца, штука тяжелая, и наводить ее быстро не получается. А Костин выстрелил и попал, отправив храброго араба прямиком в их примитивный, но красивый рай. После этого он удвоил бдительность, и это спасло его от второго врага.

Тот, очевидно, не имея под рукой пушки соответствующего случаю калибра, решил воспользоваться лазерным резаком, почти таким же, как тот, которым Костин совсем недавно вскрывал крышу. Посыл, кстати, вполне верный — при некоторой удаче этот инструмент был вполне способен вскрыть скафандр, как жестянку, правда, для этого требовалось приблизиться к его хозяину на полметра. Но араб честно попытался это сделать и почти преуспел.

Вот только почти — это как раз грань между жизнью и смертью. И, когда затаившийся на крыше противник, будто гигантская кошка, спрыгнул сверху, лейтенант успел среагировать. Главным образом потому, что сработала встроенная в скафандр система боевого сканирования пространства, ну да это уже детали. А дальше — перехватить запястье сжимающей резак правой руки, сжав так, что с хрустом переломилась кость, второй же... Наверное, проще всего было бы просто ударить, но Костин не успел размахнуться, и потому сгреб одежду противника на груди, одним движением оторвал его от земли и шмякнул о ближайшую стену. Смачно чавкнуло, и труп, уже труп, оставляя на сером пластике темный сырой след, безвольно сполз на истоптанный гравий. И, в принципе, это была последняя попытка осознанного сопротив-

ления, все остальные арабы просто пытались убежать, забиться в щелку, поднять руки. Совершенно бесполезные занятия, если вдуматься.

Вся зачистка заняла от силы четверть часа. Напоследок Костин, используя гравитационную подушку как батут, запрыгнул на крышу самого высокого из зданий, всего-то трехэтажного, но дающего неплохой обзор. Видимо, это раньше был административный корпус, и построили его неплохо — даже после двух попаданий из противотанкового лучемета стены устояли. Правда, внутри уже ничего живого не было, но это так, детали процесса выкуриивания разбегающихся тараканов. Сейчас здание сочилось дымом из всех щелей, крыша зияла проломами, но это Костина волновало в последнюю очередь. Зато тот факт, что на всей территории военного городка из живых остались разве что пленные, его вполне устраивал. Правда, куча народу успела смыться и сейчас разбегалась по лесу, аппаратура скафандра позволяла им неплохо видеть... Да и черт с ними! Потом, если захотят, переловят, а сейчас были дела поважнее. Хотя бы, к примеру, разобраться с захваченным оборудованием.

Вряд ли пленные были рады увидеть лейтенанта. Впрочем, кто ж их спрашивать-то будет? Лежали себе да и лежали, двое в собственной блевотине захлебнуться успели, омерзительное, надо сказать, зрелище. Костин порадовался, что фильтры отсекают идущие снаружи запахи — воняло здесь наверняка немилосердно. Однако брезгливость брезгливостью, а дело прежде всего, поэтому он не стал тянуть кота за лапку и вежливо поинтересовался у этих рыл арабской национальности, не будет ли кто так любезен, чтобы одолжить ему коды доступа.

Любезных не нашлось, но, когда лейтенант пристрелил одному коленную чашечку, все как-то оживились и выразили самое горячее желание сотрудничать. Вот что пистолет животворящий делает... А вообще, Костин уже обратил внимание на то, что среди террористов готовых погибнуть за истинную веру на удивление мало, они предпочитают пожить и потратить награбленные деньги. Это было справедливо для боевиков, а техники кололись еще шустрее. Всего-то достаточно было четко обозначить, что мелочами вроде закона никто сейчас заморачиваться не будет. И ничего удивительного, что уже через полчаса, как раз к назначенному адмиралом Баженовым времени, группировка военных спутников на орбите разом прекратила функционировать. Все системы планетарной обороны ослепли и оглохли. Не полностью, так, процентов на девяносто, но этого было достаточно. Теперь и зенитные ракеты, и артиллерия превратились в бесполезные груды металла и проводов. Истребители, правда, остались, но класс арабских пилотов, как успел проверить на собственном опыте командир «Стилета», был удручающе низок. Стало быть, космическая оборона практически нейтрализована. Костин сделал все, что мог, теперь дело было за другими.

Космос. Это же время

Эскадра адмирала Баженова вышла в трехмерное пространство точно в заданное время и немедленно направилась к планете, разгоняясь до боевой скорости. Умение русских действовать стремительно оставалось одним из их главных козырей в общении с соседями, и Медведь, будучи классическим

представителем имперской военной школы, не сорвался отступать от канонов.

Откровенно говоря, ситуация Баженову не слишком нравилась. Да и как, скажите, может быть приятно, когда ты прешь вперед без подготовки и разведки? А торопиться нужно. Даже те неполные сведения, переданные лейтенантом Костиным, говорили о том, что он сумел копнуть глубже, чем все разведчики империи вместе взятые. Это очень серьезно. Только вот если упустить время, то противник или окопается, и тогда выковырять его с планеты будет стоить большой крови, или сбежит. А вероятнее всего, сработает третий, промежуточный, вариант — главари сбегут, зато шестерки, оставленные на убой, пустят кровь тем, кто попытается освободить планету. А главное, о пленных, много что знающих, придется забыть — как только террористы разберутся, что к чему, их освободят, одному лейтенанту против целой армии не продержаться.

Хорошо еще, что в такой ситуации не требовалось проводить согласования с вышестоящим командованием. Формальный повод — спасение попавшего в беду офицера, и разрешение командующим соединениями в подобных случаях действовать оперативно еще никто не отменял. Вот только, кровь из носу, требовалось хоть как-то обеспечить высадку, и Баженов вынужден был приказать заняться этим единственному человеку на планете, которому мог доверять — самому Костиныу.

Адмирал весьма рисковал, отдавая этот приказ. Старшего лейтенанта Костина он знал, как, впрочем, и всех остальных командиров кораблей своей эскадры, и был о нем хорошего мнения. Компетентный и храбрый офицер, но... не более того. Разве что вы-

дающаяся физическая сила, но в данном случае это мало что меняло. По-хорошему, лейтенанту следовало бы забиться в щелку и не отсвечивать до прихода помощи. Он и так уже сделал немало, требовать большего было сложно.

Но, так уж получилось, что сам адмирал оказался в цейтноте. У него попросту не оказалось под рукой достаточного количества десантных средств: гигантские транспорты, каждый из которых способен за раз перевезти целую дивизию с полагающимся по штату тяжелым вооружением и средствами высадки, буквально накануне отзовали. Где-то кому-то они оказались нужнее, и в результате Баженов остался, можно сказать, на бобах. Ждать их обратно — потерять минимум три дня, а действовать надо уже сейчас, и, следовательно, рассчитывать только на то, что под рукой.

А под рукой, увы, куда меньше, чем хотелось бы. Дюжина малых десантных кораблей — это, конечно, тоже сила, но потеря хотя бы одного из них, равно как и части десантных ботов, ставила под угрозу всю операцию. Да, какое-то количество солдат приняли на борт крейсера и линкоры, но на них, в отличие от специализированных кораблей, нельзя было перебрасывать тяжелую технику, да и ботов, пригодных для высадки крупных подразделений, имелось явно недостаточно. Придется высаживать людей несколькими волнами, серьезно ослабляя первый удар. Устроить же атакующим кровавую баню во время десантирования можно и подручными средствами, хватило бы умения и храбрости. Требовалось обеспечить хоть какой-то плацдарм и, пускай ненадолго, парализовать деятельность центрального космодрома. Вот и отдал Баженов мальчишке-лейтенанту приказ,

выполнение которого, с большой долей вероятности, превращалось в самоубийство. Увы, другого выхода он не видел, и оставалось либо положиться на удачу Костина, либо отложить операцию до подхода подкреплений.

- Товарищ адмирал!
- Слушаю, — Медведь повернулся к вахтенному.
- Принят сигнал с планеты. Стандартный код.

Переслать на ваш планшет?

- Жду.

Еще через минуту Баженов понял, что его авантюра увенчалась успехом. Похоже, лейтенант не подвел. Если верить его докладу, то система контроля пространства блокирована, в качестве места высадки предлагается использовать военный городок (координаты прилагаются), при котором есть небольшой космодром. Лейтенант заверял, что все, кто мог бы оказаться сопротивление десанту, нейтрализованы. А главное, на какое-то время блокирован центральный космодром планеты. Правда, Костин честно предупреждал, что ненадолго, но в такой ситуации и пять минут — подарок судьбы. Нет, что бы там ни думали штабные умники, свой орден молодой офицер заработал честно.

Баженов задумался на миг. Если, не приведи Космос, лейтенант в плену и находится под контролем противника, то эскадра окажется в ловушке. А, с другой стороны, куда деваться? И потом, что у террористов есть такого, с чем не справятся имперские линкоры? Адмирал решительно хлопнул рукой по подлокотнику своего кресла:

- Вперед!

Дальнейшие события развивались в полном соответствии с имперскими наставлениями по тактике

штурма слабозащищенных планет. Первыми рванулись вперед крейсера и эсминцы. В иной ситуации эти стремительные, красивые корабли держались бы позади линкоров, прикрываясь их броней — собственной защиты может и не хватить, современные тяжелые ракеты слишком опасный противник. Однако сейчас не шло и разговора о равном противнике, и крейсера занимали позицию вокруг планеты, отрезая путь тем, кто попытается с нее сбежать.

Линкоры, огромные, могучие, неторопливые, несколько отстали. В открытом космосе по ходовым качествам они не уступали, а порой и превосходили своих более легких собратьев, но чудовищная масса не позволяла им разгоняться с ускорением, легко доступным крейсерам. Впрочем, сейчас этого и не требовалось. Заняв позицию «Пирамида», штурмовые корабли заходили в атаку с четырех направлений, полностью беся в прицел поверхность планеты. А позади них, охраняемые сворой корветов и фрегатов, держались десантные транспорты, практически беззащитные в космосе, но, извергнув из своих объемистых трюмов солдат и технику, способные поставить не колени любую планетарную оборону.

Наособицу шли авианосцы. Их непосредственное участие в бою не планировалось ни под каким соусом, зато в ангарах гигантов замерли в ожидании своего часа сотни истребителей, готовых стартовать по первому требованию. Адмирал Баженов не намерен был оставлять противнику ни единого шанса, и армада, многократно превосходящая все, что мог выставить враг, уверенно сжимала кольцо.

А планета молчала, и лишь когда линкоры вышли на дистанцию атаки, на орбите началось какое-то мельтешение. Не соврал лейтенант, ох, не соврал,

и впрямь нейтрализовав системы раннего обнаружения. Вот и задергались только после того, как эскадра вошла в зону действия их слабеньких радаров.

Линкор вздрогнул. Кораблей на парковочной орбите хватало, они представляли собой просто замечательную мишень, и артиллеристы русского флагмана, не долго думая, врезали по ним главным калибром. Остальные корабли эскадры тоже не остались в стороне от веселья. Вокруг планеты будто вспыхнули десятки маленьких, но притом слепящие-ярких звезд — и пропали. Все, на орбите больше не было кораблей, зато появилась масса космического мусора, который еще не один год будет мешать навигации. Впрочем, хрен бы с ним, это уже не забота Баженова со товарищи, пускай местные сами тралят обломки, а у империи есть дела поважнее.

Потом кто-то попытался взлететь с поверхности планеты. Эскадра даже не успела отреагировать, как вражеский корабль взорвался, засеяв верхние слои атмосферы пылающими обломками. В течение минуты его судьбу повторили еще трое, причем на этот раз удалось засечь, кто их сбивает. По всему выходило, что шустрому лейтенанту удалось заполучить под свой контроль какой-то из элементов планетарной обороны. Баженов даже восхитился невольно — надо же, какого перспективного кадра ухитрились воспитать! Впрочем, эти мысли длились недолго. С авианосцев уже начали запуск истребителей и штурмовиков, которые сметут последнюю линию обороны планеты, а потом начнется высадка десанта. Предстояло много тяжелой, кропотливой работы, и адмиралу сразу же стало не до лейтенанта, пускай даже и перспективного.

Поверхность планеты. Это же время

Снизу высадка смотрится очень красиво. Вначале разверзаются небеса, впуская грозную машину десантного корабля. Его почти километровая туша кажется вначале маленькой, но потом начинает расти, и в какой-то момент боишься, что она тебя раздаст. Но — нет, на высоте пяти километров транспорт, окруженный вьющимися, будто осы, истребителями, зависает и будто взрывается — это выстреливаются посадочные боты, набитые людьми и техникой. Их можно сбрасывать и с орбиты, но вот так, с малой высоты, получается в разы быстрее, и если транспорту ничего не угрожает, то для ускорения высадки практикуется именно такой подход. Сейчас же угрозы не наблюдалось — единственную пару арабских истребителей, появившихся неподалеку, ссадили с небес прежде, чем они успели хоть что-то предпринять.

Боты камнем падали вниз, и Костин легко представил себе, каково сейчас зажатым в фиксаторы десантникам. Было дело — сам десантировался. На учениях, еще курсантом, их тогда специально прогоняли через все, чтобы знали, как, почему, а главное, что можно требовать от людей, а что нет. Помнится, он себе тогда напоминал медузу и больше всего боялся, что компенсаторы откажут и его ровным слоем размажет по палубе...

Однако здесь все прошло четко и даже красиво. Угловатые, совершенные в своем функциональном уродстве машины дружно, с разницей в какие-то доли секунды, затормозили и плюхнулись на бетонные плиты космодрома. Еще через секунды распахнулись люки, и из них хлынул поток людей, закованных в такие же, как у него самого, скафандры. Да, такие же,

если не принимать во внимание навесное вооружение, которого на каждом висело по четверть тонны, не меньше.

Несмотря на все навыченное богатство, двигались десантники на удивление шустро. Самого Костина в первый момент взяли на прицел, но уже через минуту разобрались и, оставив лейтенанта в покое, занялись своими делами. Впрочем, считать себя брошенным за ненадобностью Костину не пришлось.

— Капитан Сорокин, — высокий офицер с небрежной элегантностью бросил руку к козырьку. Лицо его за открытым забралом гермошлема казалось смутно знакомым. Наверное, пересекались где-то на базе. Костин, в свою очередь, открыл гермошлем:

— Старший лейтенант Костин.

— Мне сообщили, что вы должны передать мне информацию...

— Да, — Костин протянул ему тактический планшет. — Здесь все, включая последние сведения о расположении вражеских войск в районе.

Не так и много, конечно, тут добавилось к уже переданному лично адмиралу, но война — дело такое, что любая кручинка может стоить кому-то жизни. Капитан забрал планшет, сделал приглашающий жест в сторону штабного бота:

— Прошу!

— У меня еще дела здесь, — отрицательно покачал головой лейтенант. — И да. Тут скоро за мной придет транспорт. Не сбейте случайно, а то обидно будет. Уж больно хороший трофей.

Сорокин не стал спорить, хотя посмотрел с интересом. Впрочем, десант есть десант, а разведка есть разведка, игрушки у них разные и без нужды в дела друг друга никто лезть не станет. Развернувшись,

капитан неспешно потрусили к своему боту, а Костин вызвал Каталину.

— Как ты? Я тут вся извелась, — из-за неправильно настроенной громкости, тревожный голос девушки резанул уши.

— Нормально все. Поднимай бот и лети сюда. Только аккуратно и не делая резких движений.

Каталина, умница, переспрашивать не стала. Буквально через десять минут она уже сажала бот, попутно смахнув крылом крышу, с которой Костин еще недавно обозревал окрестности. Хорошо еще, само крыло не свернула. Увы, больше садиться было попросту некуда — десантные боты взлетели с космодрома, но на их место уже садилась вторая волна. Вторжение шло четко по плану, и очень скоро с этого плацдарма начнется наступление, точнее, зачистка планеты и выкутивание террористов из нор, в которые они забились.

Костин поднялся по трапу, дождался, когда позади него с лязгом закроется люк, и принял сдирать надоевший скафандр. Торопливость его была вполне обоснованной — на этот раз, чтобы не смущать Каталину (а в большей степени не пугать детей), он залез в броню в одежде. Результат — полное отсутствие возможности пользования гигиенической установкой. По-простому, в гальюн хотелось до жути.

— К кораблю, — скомандовал он, ныряя за затворную дверь. К какому, правда, не уточнил, но Каталина и сама поняла, направив бот к космодрому, на котором сиротливо стоял «Посейдон».

Не так уж и сиротливо, впрочем — они как разстыковали бот с кораблем, когда сверху спикировали несколько истребителей, занимая удобную и стратегически важную площадку. Как только раньше этого

не сделали, желчно подумал Костин. Хотя, наверное, он был не прав в своем раздражении — авиация в небе толклась густо, и работы ей хватало. Все же не все террористы сообразили, что им хана, и побросали оружие в надежде, что их не перевешают сразу, а отправят на благословенные урановые рудники, где при должной удаче есть шанс протянуть еще несколько лет. Таковых, конечно, хватало, но многие, то ли самые тупые, то ли много чего натворившие и боящиеся имперского суда хлеще смерти, упорно отстреливались. Ну а истребители соответственно, не жалея боеприпасов, давили очаги сопротивления. Да и чего жалеть? И учения (назвать это полноценной войной рука не поднималась) в условиях, приближенных к боевым, вышли на славу, и расходы оплатит принимающая сторона, сиречь Испания. Может, и не захочет, но... куда она денется?

Хорошо еще, пилоты в гости не ходили — общаться сейчас хоть с кем-нибудь у Костина желания не было от слова «ваще». Ему хотелось лечь, полежать — и чтоб не кантовали. Лучше бы даже вообще поспать, а не общаться с кем-то. Но пилоты, то ли понимая это, то ли выполняя недвусмысленный приказ, из кабин своих истребителей не вылезали, из чего лейтенант заключил, что это, скорее, охрана и почетный эскор特 — так, на всякий случай. Ну и хорошо, с такими молодцами под боком как-то спокойнее, решил он и, забросив (в буквальном смысле слова — тот, получив в придачу к сломанной челюсти шикарное сотрясение мозга, ходить почти не мог) эмира в компанию к Пророку и другим пленным, отправился в свою каюту.

Увы, полежать просто так не дали. Едва Костин растянулся на удобной, в меру мягкой койке, в дверь

постучали. Ну, как постучали — скорее, поскреблись. Учитывая, что на корабле был один-единственный человек, у которого могло хватить наглости нарушить его покой, Костин не стал вставать и изображать острый приступ вежливости. Просто буркнул «Войдите» и не смог сдержать улыбку, когда в каюту бочком-бочком даже не вошла, а просочилась Каталина.

- Можно?
- Учитывая, что ты уже внутри, вопрос риторический.
  - А как насчет встать в присутствии дамы?
  - Кто рано встает, тот точно не я. Ладно, проходи, садись.

Каталина, не чинясь, плюхнулась в кресло. Было заметно, что она тоже устала, но держаться старалась бодрячком. Вообще, очень выносливая девушка, отметил про себя Костин. Прошедшие дни не прошли даром и для него, а она, по идее, и вовсе должна с ног валиться. Впрочем, как он тут же определил, она с не меньшим интересом рассматривает его бренное тело. Наверное, оно и к лучшему, что пришла, за разговором меньше шансов провалиться в сон. Вряд ли, конечно, он вот прямо сей момент понадобится адмиралу, но мало ли. А предстать перед отцом-командиром заспанным — не лучшее, что может человек, стремящийся сделать карьеру. Как там? Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый*? Увы, эта истина родилась вечность тому назад и устаревать не собиралась.

- Ну, как все прошло?

---

* Из указа Петра Первого.

— Да банально — Костин с кряхтением сел, хотя больше всего хотелось как раз противоположного. — Пришел и всех перестрелял.

— В последнем я как раз не сомневалась. Ты стреляешь быстрее, чем я успеваю об этом даже подумать.

Лейтенант пожал плечами:

— Расскажу я тебе одну восточную притчу. Сам не помню, где и когда ее слышал... или читал? Впрочем, неважно. За точность пересказа тоже не ручаюсь, но суть постараюсь передать.

— Слушай, может, хватит преамбул? — Каталина устроилась поудобнее и с интересом посмотрела на него. — Рассказывай уж, не то я засну раньше.

— Да легко. Итак, жили-были в одном озере три рыбы. Одна стодумная... в смысле, умная, как профессор. Вторая — тысячедумная... как академик, а третья — однодумная, как простой парень.

— Вроде тебя?

— Ну, почти. В общем, так вот они жили-были, не тужили, но тут пришел рыбак с неводом и начал озеро тралить на предмет чего-нибудь на ужин. И зацепил он всех троих сетью. Но время еще оставалось, немногого, правда, и имелся шанс спастись. И тысячедумная рыба стала составлять тысячу планов побега, а это долго. Стодумная занялась тем же. Правда, планов у нее была всего сотня, но это тоже время. А однодумная хвостом толкнулась — и из сетки выпрыгнула. Так что сильно умных зажарили и съели, а дураки живут.

— А мораль?

— Простая. Те, у кого рефлексы работают быстрее головы, в экстремальной ситуации имеют лишний шанс выжить.

— Как сказал один мой знакомый из Альянса, хорошо смеется тот, кто стреляет первым.

— Ну, примерно так, — задумчиво кивнул Костин. Почему-то упоминание «знакомого» было ему не приятно, однако он привык не давать волю эмоциям, оценивая результат. — Он был весьма мудрый человек, если вместили всю мысль в одну короткую фразу.

— Мудрый, — рассмеялась Каталина. — Ага... Он тогда хвост павлином распускал и целый вечер склонял меня к койке, сыпя фразами разной степени умности, хотя я сразу сказала, что ничего ему не обломится.

— Но, тем не менее, в чем-то он прав. Тот, кто вначале стреляет, а потом смотрит, кого убил, переживет того, кто не успеет достать оружие.

— Он вообще много мыслей рожал. К примеру, как тебе такая: «Я люблю хороший табак, хороший кофе и хороший виски. И мне совершенно наплевать на то, что вам не нравится запах дыма в моем кабинете».

— Где-то я это уже слышал, — Костин усмехнулся. — Но от этого мысль хуже не стала. Умеешь ты выбирать... знакомых.

— Ага, вроде тебя. Только ты сам нашелся.

Лейтенант хмыкнул, встал, с хрустом шевельнул плечами — разговор его забавлял, в этом плане Каталина весьма отличалась от большинства знакомых девушки. В лучшую сторону, надо отметить. И еще, с ней в последнее время было удивительно легко общаться.

— Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, где патроны дешевле. Пошли.

— Куда?

— В кают-компанию, разумеется. Отдохнуть не даешь — так хоть кофе сваришь. Здесь он неплохой, я проверял.

В каютах-компании обнаружились и обе пассажирки. Эти уже успели освоиться и с детской непосредственностью всюду совали нос. И лопали каждая за двоих взрослых — как оказалось, пока они были в плену, их не только не кормили, но и не давали пить. Уроды. Ну и ладно, пусть едят, не жалко. Пока Каталина варила кофе, лейтенант в два счета приготовил гору бутербродов и с восторгом вгрызся в самый большой. Перехватил ироничный взгляд девушки и, не чинясь и не переставая жевать, звучно хлопнул себя по пузу:

- Уж лето близится, а талии все нет.
- У тебя ее и не было.
- А ты не критикуй, не критикуй. Знаешь, чем отличается критика сверху от критики снизу? Сверху — это когда ты бросаешь вниз кирпич, и он бьет по голове того, кого ты критикуешь. Снизу — это когда ты подбрасываешь кирпич вверх, и он, возвращаясь, проламывает голову тебе.

Шутка вышла так себе, но Каталина рассмеялась — грозный вид Костина ее не напугал. И вообще, она в последнее время вела себя даже чересчур раскованно. А ведь совсем недавно, когда он ее из гибернатора только-только достал, была лейтенант Мартинес зажатая и напуганная. Эх, золотое было время!

- Ты лучше скажи, что мы дальше делать будем?
- Сидеть здесь и ждать приказа. Все, что от нас зависело, мы сделали, так что отдыхаем. Ну и подсчитываем звонкие дублоны.
- В смысле? — удивилась девушка. Костин вздохнул и объяснил ей, что корабль и все его содержимое теперь принадлежат ему. И что зажимать долю Каталины он не собирается. Так что, девушка,

вы теперь если и не богатая, то, во всяком случае, состоятельная невеста...

Каталина на пассаж про невесту лишь усмехнулась и заявила, что ей в таком случае потребуется телохранитель. Костин хмыкнул и пояснил, что в империи такая профессия как-то не особо распространена. Так что придется искать где-нибудь в другом месте, и надеяться, что тот не грохнет хозяйку и не сбежит с деньгами. И в выборе кандидата он, Костин, не помощник, ибо попросту не нуждается в охране и соответственно не разбирается в вопросе.

— Ты знаешь, — Каталина на миг задумалась. — Пришлось мне как-то побывать на одной из планет Альянса. Там было весьма интересное законодательство, разрешавшее белым иметь темнокожих рабов.

— Гм? — удивленно поднял брови Костин. — А я, грешным делом, думал, что Альянс — это заповедник самого что ни на есть показного равноправия, где негры имеют даже больше прав, чем белые.

— На центральных планетах так и есть, — серьезно кивнула девушка. — Но в дальних колониях порядки часто весьма отличаются от тех, что царят в метрополии. И лезть туда, чтобы привести местное законодательство в соответствие с федеральным, власти часто не спешат. Хотя бы потому, что это грозит новой гражданской войной. Альянс ведь, на самом деле, весьма хрупкое образование.

— Вот как? Это даже интересно. И что же дальше?

— Я разговорилась в баре с одним... местным. За ним постоянно таскался негр-охранник, преданный, как цепной пес. И парень, с которым я разговаривала, поведал мне, что на самом деле этот негр его ненавидит. Поэтому он так хорош в качестве охраны.

— Не понял.

— А все просто. Тот негр ненавидел не конкретно своего хозяина, а всех белых. И знал, что если убьет кого-то, сам будет умирать долго и мучительно. Но если убьет, защищая хозяина, то сделает это на законных основаниях, еще и награду получит. Поэтому лучшего телохранителя трудно сыскать.

— Ну, что я могу сказать... Молодец черномазый, башка на плечах имеется. Кстати, а его хозяин — это не тот, который к тебе клеился с разговорами о пистолетах?

— Ага, — хихикнула Каталина. — Он. Стрелок доморощенный. А ну, спать!

Это, естественно, предназначалось не Костину, а девочкам, которые, открыв рот, слушали байки старших. Детей как ветром сдуло. Костин вздохнул:

— Вот тебе еще одна проблема. Что с ними-то делать?

— После того, как ваши установят контроль над планетой, я постараюсь найти их родителей, — как-то не очень уверенно отозвалась Каталина. На том разговор как-то резко и закончился. Некоторое время каждый думал о своем, потом лейтенант вздохнул, развел руками и, извинившись, отправился спать — усталость навалилась с такой силой, что не помогал уже никакой кофе. Каталина же еще долго сидела, держа в руках кружку, и размышляла о чем-то, а потом, видимо, не прияя к устраивающему ее выводу, тоже отправилась на боковую.

Следующие двое суток они ели-пили-отсыпались. Адмиралу Баженову, впрочем, как и остальным старшим офицерам, было попросту не до них. Наступление развивалось стремительно, в первые же сутки десант взял под контроль энергетические центры

планеты, средства вещания, заблокировал дороги и принял выкуривать террористов из городов. Те отчаянно сопротивлялись, но всерьез противопоставить закованным в непроницаемую броню и поддерживаемым тяжелой техникой десантникам им было нечего. Учитывая же, что использовать местных в качестве живого щита оказалось не особенно удачной идеей (имперцы, разумеется, старались заложников вытаскивать, но если не получалось, то о потерях среди них особо не скорбели), сопротивление быстро слабело. И, разумеется, отцам-командирам, с ног сбивающимся в условиях ежеминутно меняющейся обстановки, было не до флотского лейтенанта, пускай даже насквозь героического.

Единственно, пленных у них забрали. Прилетел невероятно деловитый майор из особого отдела, предъявил документ, подтверждающий соответствующие полномочия, и пинками загнал Пророка, а заодно и всех остальных, на свой бот. Судя по его хищной роже, кое-кому в Ватикане не поздоровится. С таким-то компроматом... Да и среди арабов оперативные игрища вести можно будет куда шире. Впрочем, это уже было вне компетенции обычного лейтенанта. Главное, после этого Костина вновь остали в покое, чем он и воспользовался, продолжая самым бессовестным образом отдыхать.

А на третий день все резко переменилось. Последние террористы сложили оружие (а кто не последний, тех перестреляли еще накануне), почти сразу засадили планетарная вещательная и информационная сети, в которые Каталина и девочки зарылись с ушами. Ну а Костина, наконец, вызвали пред светлые очи командующего, где он получил втык за потерю корабля (профилактический, потому что действия его

были признаны правильными), после чего отправился вместе с командой эвакуации вытаскивать из леса покореженный звездолет. Вокруг «Стилета» инженеры долго прыгали, охали и ругались, затем подцепили рейдер силовым захватом, легко, как морковку из грядки, выдернули на орбиту, а там уже пристыковали к эскадренному буксиру, который должен был утащить его и какой-то незадачливый корвет, схвативший во время штурма случайную ракету, в док, на ремонт. Ну а после этого лейтенант с чувством выполненного долга вернулся на борт «Посейдона», где застал Каталину, пребывающую до странности в расстроенных чувствах.

— Рассказывай, что случилось, — потребовал Костин сразу после того, как убедился, что зрение ему не врет и с девушкой явно что-то не в порядке. Каталина подумала секунду и честно объяснила, что не знает, как быть дальше. Никакого желания оставаться на планете она не испытывала, а когда к Малой Севилье придут испанские корабли, было неясно. Это не считая такой мелочи, как полное отсутствие у Каталины финансов, усугубленное тем, что на корабле наличности тоже не нашлось. Ценностей много и всяких, а вот денег нет. Последнее, на взгляд Костина, решалось элементарно. В творящемся сейчас бардаке деньги порой лежали едва не под ногами, приди и возьми. Вот только озвучивать подобное решение он благоразумно не стал. Вместо этого, почесав кончик носа (эх, хороший нос за неделю кулак чует), он предложил:

— Вот что, Като, у меня навскидку есть два варианта. Завтра я буду перегонять «Посейдон» на базу. Вариант первый. Я сделаю крюк до ближайшей испанской планеты. Сам к ней не сунусь, конечно, но

тебя высажу. Возьмешь бот и спокойно доберешься. Как тебе это?

Костин умолчал, что поимеет с таких маневров серьезные неприятности. Несанкционированный полет — да за это с него особисты голову снимут! Впрочем, Каталина это тоже понимала и потому спросила:

— А какой второй вариант?

— Второй? Ну, я могу тебе предложить отправиться со мной. Правда, к вам специально корабли от нас летают очень редко, но какую-нибудь оказию подберем.

— К вам? В вашу диковинную страну?

— Почему диковинную? — чуточку обиделся Костин.

С его точки зрения, империя была страной как раз передовой, что периодически доказывала всем сомневающимся. Примерно так, как здесь и сейчас, кстати. И все почему-то находили подобные доказательства вполне достаточными.

Каталина, очевидно, тоже об этом подумала, на миг замялась, а потом выдала:

— У вас не соблюдаются права человека, вот.

— Какие? — удивился лейтенант. — Свобода передвижения, слова, вероисповедания, и еще куча всяких свобод прописаны в нашей конституции. Пока что никто не жаловался.

Каталина вновь задумалась, больше из упрямства, после чего сказала:

— А права меньшинств?

— А разве им нужны хоть какие-то права, помимо тех, что есть у всех? — снова удивился Костин. — Закон — он, знаешь ли, един, и исключений быть не может.

Каталина явно хотела спорить, но моментально сообразила, что аргументы и логика на стороне лейтенанта. Но и сдаваться просто так ей не хотелось.

— Ты еще скажи, что нам врут, когда говорят, что у вас нет прав беженцев.

— Не врут, у них действительно нет прав. Мы это не скрываем. И если кто-то решил спасаться у нас, значит, он согласен с таким положением дел. Но ты — не беженка. Я тебя приглашаю. Официально. Это — совсем другой статус. По приглашению хоть всю жизнь у нас живи, никто слова не скажет.

— Всю жизнь... — как-то печально улыбнулась Каталина. — И чем я у вас буду заниматься?

— Да чем угодно. Хочешь — дрова руби, хочешь — в кино снимайся.

— Ха. Ха. Ха, — раздельно произнесла девушка.

— Да, с дровами я того... погорячился.

— По-моему, ты со всем погорячился.

— Это ты про кино? Зря, кстати. Думаю, у тебя получится. Нет, я, конечно, не театрал, могу чего-то в этом не понимать, но всегда считал, что молодых девушек должны играть молодые девушки, а не опытные бабушки. Впрочем, не хочешь — твое дело. Мне тут уже подсчитали наши трофеищики. На твою долю добычи можно лет десять жить, ничего не делая и плюя в потолок.

— А вдруг я чего другого захочу?

— Я... подумаю.

— А если это пойдет вразрез с какими-то твоими представлениями о жизни?

— Ну, ты даешь. Прямо как в анекдоте хочешь. Мол, спаси дерево — убей бобра.

Каталина пару секунд осмысливала услышанное, потом рассмеялась:

— Если бы я такое ляпнула, меня бы наши «зеленые» на месте пришибли.

— Зеленые? — удивился Костин. — А это что за извращение? Про голубых слышал, про розовых — тоже...

Каталина объяснила ему про защитников природы и тонкости их взаимоотношения с властями, деньгами и прочими радостями жизни. Лейтенант кивнул:

— Теперь понял. У нас подобные кадры тоже попадаются. Как правило, оказывается, что это агенты влияния иных государств. Но если ты их так боишься, то... Убей женщину — спаси бобра, лису, норку, крокодила. Надеюсь, феминистки меня не съедят — я очень быстро бегаю. Но мы отвлеклись. Принимаешь приглашение?

— А куда я, спрашивается, денусь...

— Ну, вот и ладушки.

— Но девочки полетят с нами.

Костин удивленно поднял брови:

— Это еще зачем?

— А куда им деваться? Родных у них здесь не осталось, погибли. Я выясняла. В приют?

— Но... есть же у вас какие-то механизмы для таких случаев.

— Есть, но сейчас это непринципиально. Это мое условие. Ты его принимаешь?

— Да, — вздохнул Костин, уже прикидывая, как убедить в необходимости подобного шага свое командование. С Каталиной-то все просто, в конце концов, она единственный выживший свидетель того боя, а значит, представляет интерес для разведчиков. Но с девочками... А, семь бед — один ответ. Прорвемся!

— Ну, в таком случае, когда старт?

— Да хоть сейчас...

Каталина Мартинес

Ну, вот и решено. В конце концов, почему бы нет? Особенно в свете того, что в родной стране ее ценят трагически мало. Она ведь не просто так ползала по сети и не только узнавала насчет родителей своих малолетних подопечных. Помимо этого (скорее, в первую очередь) она залезла на сайт администрации, которая уже вовсю работала. Русские помогли — предоставили охрану и оборудование, но больше на гражданских внимания не обращали и в их работу не вмешивались, так что Каталина столкнулась с плодами европейской демократии и доморощенной бюрократии. Родной, незамутненной, можно сказать, в чистом виде.

Результаты знакомства ее не обрадовали. Как оказалось, ее нет в планетарной базе данных, а значит, формально она вообще не существует. Все, на что она может рассчитывать, это койка в ночлежке (это когда они вообще заработают) и одноразовое питание. Все! И это было попросту обидно. Воевать, рисковать, фактически спасти планету... Пускай и не в одиночку, и даже на вторых ролях, но тем не менее. И что в ответ? После такого, особенно привыкнув, что рядом есть кто-то, готовый решать ее проблемы не из каких-то шкурных мотивов, а просто потому, что так воспитан, ощущение было, словно в грязь макнули.

Неудивительно, что, получив неожиданное и, чего уж там говорить, лестное предложение от Костина, сопротивлялась она больше по привычке. Но и о том, как потом вернуться домой, стоило подумать. И потому, когда принципиальное решение уже было принято, она поинтересовалась:

— Хорошо. Еще раз. Что ты говорил по поводу дальнейшего маршрута?

Костин лишь плечами пожал:

— Честно тебе скажу, корабли от Кирпича к вам не ходят. Поэтому придется ждать оказии. Или добираться через какую-нибудь центральную планету. Так что...

— Я понимаю, — кивнула Каталина. Еще бы не понимать. Русские ей, конечно, благодарны за помощь и все такое, но в лепешку разбиваться, организуя спецрейс, не станут. Она удивилась бы, случись иначе.

— В общем, выбирай. Можешь поселиться в гостинице, за счет принимающей стороны, а можешь, если есть желание, сгонять со мной на курорт. Хотя бы отдохнешь после всех этих переживаний и ползания в грязи.

— Тебя вот так, запросто, отпускают?

— Ну да. Мне после всех этих волнений положен отпуск, так что я намерен хорошенько позагорать и накупаться до одури. Извини, вариант с осмотром достопримечательностей отсутствует — на Кирпиче трагически мало интересного.

— Гм... — Каталина в очередной раз прикинула свою наличность. Выходил если не ноль, то что-то к этому близкое. Конечно, трофеи Костин продаст, и деньгами честно поделится, в таких вопросах русские весьма щепетильны, но будет это не сегодня и не завтра. Впрочем, лейтенант правильно ее понял.

— Я приглашаю — я и плачу, не волнуйся.

— Ну, тогда согласна... — Уж что-что, а отдых у моря всяко лучше, чем сидеть в типовом номере гостиницы и тихо вешаться от скуки. — Ты, кстати, как там размещаешься обычно?

- Снимаю бунгало на берегу. Ну а для тебя...
- Не стоит, — прервала его девушка. — Меня это вполне устраивает. Но только смотри, чтобы простины были обязательно шелковыми!

Планета Кирпич. Спустя две недели

Море сегодня было невероятно спокойным. Гладкое, словно зеркало, и прозрачное донельзя, позволяющее увидеть каждый камушек на дне. Костин брел по самому урезу воды, оставляя в плотном мокром песке неглубокие, стремительно затягивающиеся следы. Приятные ощущения, и больше всего ему сейчас хотелось зашвырнуть куда подальше ботинки, которые держал в руке. Не потому, что плохое настроение, оно-то как раз было на уровне, а просто так. Конечно, он сдержал это недостойное офицера желание, но все равно хотелось.

Возле бунгало он остановился, подумал секунду, а потом дважды стукнул кулаком по дверному косяку. Тут, главное, не перестараться, а то с его силой можно и стену проломить, но все получилось как надо — и громко, и дом устоял.

- Кто там барабанит? — из окна высунулась заспанная мордашка Каталины. — Ой!
- Да ладно тебе, выходи уж. Что я у тебя не видел...

Каталина фыркнула в ответ, но ломаться не стала и буквально через несколько секунд выскочила наружу. Загорелая, да еще в одном купальнике, она выглядела сногсшибательно.

- Привет! — Она громко чмокнула Костина в небритую щеку. — Ты уже поздно или еще рано?
- В смысле?

— Четыре утра...

— А-а... И то, и другое. Вначале мы всем офицерским коллективом обмывали погоны, а потом меня прямо из-за стола выдернули и приволокли к адмиралу, и я получил жуткий втык за неустановленную форму одежды и неряшливый вид. Это он по поводу двухдневной щетины, хе-хе...

— И... что?

— Да ничего. На самом деле адмирал совершенно не злился и все понимал. В том числе и насчет традиции не бриться перед получением нового звания. Он и сам так делал, но по шее мне дать был обязан. Должность у него такая. Впрочем, ладно. Иди, ополоснись, а потом у нас будет серьезный разговор.

К тому моменту, как девушка, поблескивая в свете восходящего солнца густо покрывающими кожу каплями воды, выбралась из моря, свежеиспеченный капитан-лейтенант успел освободиться от мундира и даже соорудить некое подобие легкого завтрака. Здесь же, на веранде. Аромат свежесваренного кофе щекотал ноздри, но он честно терпел и ждал. И даже немного потянул время — Каталина изнывала от любопытства, но вынуждена была терпеть, ожидая, пока он аккуратно и не торопясь выпьет и съест свою порцию.

— Ну, что я тебе могу сказать, — сказал Костин, покончив, наконец, с трапезой и с удовольствием откинувшись на спинку легкого плетеного стула. — У меня для тебя куча новостей. Не знаю даже, с какой начать...

— Начни с самой приятной.

— Для тебя? Легко. Значит, с закона Архимеда.

— В смысле?

— Ну, закон Архимеда гласит: «Тело, погруженное в жидкость, вытесняет объем жидкости, равный объему тела!» Уточнение: НО! если этому телу показать обнаженную женщину, то оно вытеснит еще немножко жидкости. Ты под это идеально подходишь.

— Тыфу, пошляк! — выдала Каталина, но не покраснела, как случалось совсем недавно, а рассмеялась. — И вообще, для меня это не новость.

— Угу, я так и думал. А теперь давай о серьезном. То, что я теперь при новом звании, ты уже в курсе. Про орден, кстати, тоже. Значит, начнем с того, что касается непосредственно тебя. Поступил ответ от твоего командования.

— И... что?

— Каталина Мартинес погибла.

— То есть?

— То есть официально ты числишься погибшей вместе со своим крейсером. Даже не пропавшей без вести, заметь. Так что лавры национальной героини тебе не светят. И вообще ничего не светит — возиться и исправлять ошибку ради глупой девчонки никто не станет. Это перевод с бюрократического языка на нормальный. Так что тебя больше нет. Все.

— А я-то считала сволочным твое командование.

Удар девушка получила, конечно, сильнейший, но шоком для нее он, похоже, не стал. Не пыталась вопить, впадать в апатию или еще что. Разве только голос стал из веселого задумчивым, но это уже мелочи. Что же, замечательно.

— Не, мое командование иногда ставит не самые простые задачи, но и о наградах не забывает. Итак, я имел серьезный разговор с Медведем...

— С кем?

— С Баженовым. Кстати, за успешное проведение операции по установлению контроля над планетой он получил вице-адмирала, так что доволен был, как слон. И пошел мне навстречу в маленькой просьбе.

— В какой?

— Тебе дается гражданство империи. Подобное в компетенции властей планеты, а они с нашим отцом-командиром вась-вась.

— Э-э...

— Отношения у них хорошие, — пояснил Костин. — Далее. В боевой обстановке ты показала себя неплохо, так что, если пожелаешь, можешь влиться в ряды нашего славного космофлота. Не скрою, адмирал был не в восторге, но и не отказал. Обещал утрясти формальности, если изъявишь желание. Уровень подготовки в ваших училищах, конечно, несколько уступает нашему, но, в целом, соответствует требованиям, предъявляемым к имперским офицерам. Да и штурманами не разбрасываются, сама знаешь. Поэтому звание свое ты сохранишь. Ну, как?

Предложение, с учетом разного статуса военных в империи и Европейской Ассоциации, выглядело достаточно заманчивым. Девушка колебалась недолго:

— Согласна.

— Я в этом не сомневался, — улыбнулся Костин и, увидев, как собеседница возмущенно открыла рот, ловко щелкнул ее по носу. — Да, да, я хам и наглец. Но, может, я все же продолжу?

— А давай, — Каталина, в свою очередь, откинулась на спинку стула и закинула ногу на ногу. В свете минимума одежды, получилось... впечатляюще. Костин с некоторым усилием погасил непристойные мысли и кивнул:

— Ну что же, давай, значит, давай... «Стилет» у меня забирают.

— Почему?

— Его покалечило так, что ремонту на полгода. Легче и дешевле новый построить, но заслуженные корабли у нас принято восстанавливать. Ну а мне дают другой корабль.

— Такой же?

— Почти, — улыбнулся Костин. — Тоже рейдер, но классом повыше и на поколение моложе. Только-только со стапелей. Я по нему прополз вчера от дюз до носового радара — красавец!

— Ну, поздравляю.

— Погоди, я еще не закончил. Корабль малость побольше «Стилета» и предназначен для экипажа из двух человек. Плюс врачи мне категорически не рекомендуют длительные одиночные полеты — для психики, как говорят, опасно. Так что, в свете вышесказанного, мне не остается ничего другого, как сделать тебе предложение.

— От которого я не смогу отказаться? — фыркнула Каталина. — Месяцами терпеть рядом с собой такое наглое и самовлюбленное создание, и...

— Ну, типа да, — кивнул Костин, доставая из кармана коробочку. Открыл, полюбовался, как переливается в свете утра большой, великолепно ограненный камень. — Итак, лейтенант Мартинес, я предлагаю вам стать моей женой. Извини, опыта в таких делах у меня нет, так что красивых словес не дождешься. Согласна?

— Я слышала, что отношения, начавшиеся в экстремальных ситуациях, редко бывают долгими.

— Тебя это пугает?

— Не то чтобы очень, — пожала плечами Каталина.

— Значит, согласна?

— Да, — ответила девушка очень спокойно. — Согласна. Но учи, ты еще пожалеешь!

— Я тоже не из пугливых. К тому же выдерживаю твое общество уже почти месяц, и никакого раздражения ты у меня не вызываешь, скорее, наоборот. Для таких, как я, месяц — это чуть-чуть меньше, чем вечность. Да и вообще... Помнишь надпись на борту «Стилета»?

— «Ave, Caesar», ну и так дальше?

— Именно так. Идущие на смерть приветствуют тебя. Знаешь, не боялся ведь. Так что одной красивой девушке меня уж всяко не запугать.

— Смотри, сам напросился, — Каталина на секунду задумалась. — А что с Изабеллой делать будем?

— А что с ней делать? Не бросать же... Можно отправить девчят к моим родителям, но их при нашей гравитации расплющит. Так что лучше всего, если на время полетов они будут жить в интернате для детей военнослужащих. Ну а когда будем возвращаться... Можно дом какой-нибудь арендовать лет на несколько. Или купить.

— Ну и замечательно. Пошли купаться?

— Давай!

И они весь день купались, загорали, словом, отдыхали, как могли. Мир был огромен и прекрасен, они молоды и счастливы, а впереди — вся жизнь! А то, что они были идущими на смерть... Ну, так для этой фразы можно придумать и другое окончание.

Михаил Александрович
МИХЕЕВ

ИДУЩИЕ НА СМЕРТЬ

Шеф-редактор *Алексей Сазонов*
Ведущий редактор *Александр Сидорович*
Корректор *Нина Виноградова*
Верстка *Милены Сикле*

Подписано в печать 20.02.2018.

Формат 60×84 1/32. Гарнитура Петербург.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 13,05.

Тираж 2500 экз. Заказ № 2403.

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к.,
Домбровский кеш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Онімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 1;
953000 — книги, брошюры

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алекс КАМЕНЕВ

СТАНЦИЯ «ЭВЕРДИЛ»

Всего чуть больше трех месяцев прошло с твоего появления в новом мире. Потеря памяти и нахождение на одной из самых опасных планет в галактике не сломили тебя. Вопреки обстоятельствам ты обрел новую личность, новых друзей и новых врагов. Кто-то боится тебя, кто-то уважает, а кто-то и восхищается. Но самое главное — ты смог вырваться из запертого мира, став по-настоящему свободным. Тебя зовут Маркус Крайд, и теперь ты — настоящий хагг.

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Олег ДАНИЛЬЧЕНКО

ЧУДКАЯ ВОЙНА

Война — штука мерзопакостная. Как ни готовься к ней, всё равно начнется не вовремя. А если это ещё и не твоя война, в которую тебя волей или неволей втянули, то вообще туши свет. Однако как бы там ни было, землянину придётся принять в ней участие. Вынужденная попутчица Фортуна развится от скуки на всю катушку. Но всё не так плохо. Оказывается, и среди старых врагов можно найти друзей и даже новую любовь. Нужно будет, конечно, хорошо напрячься, чтобы выжить во всём этом бардаке, но ведь и не привыкать. Когда было по-другому? О покое остаётся только мечтать.

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Потом люк захлопнулся с отчетливым металлическим лязгом, отделяя находящихся в корабле от внешнего мира, зато ожила зенитная турель.

Бронетранспортеры стояли по отношению к ней весьма удобно, идеально вписываясь в сектор обстрела. Маленькие, диаметром не более трех миллиметров, шарики высокотемпературной плазмы эффектно хлестнули по боевым машинам, и первый угодивший под удар «гроб» немедленно взорвался, раскидав обломки на десятки метров вокруг. Скорее всего, зацепило энергонакопители, благо при выключенных силовых полях броню зенитка пробивала, словно бумажную.

Обломки первой машины еще не успели упасть, когда под удар попал второй бронетранспортер. Этот не взорвался, только покрылся огромным количеством сквозных пробоин и, чадно дымя, осел на землю. Не менее полусотни дырок, через которые тонкими синими струйками вырывался дым, создавали жуткую и притом поистине сюрреалистичную картину. Выбраться из бронетранспортера никто так и не успел.

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-17-108332-8

9 785171 083328 >